

Елена Сперанская

ЦВЕТOK C АРОМАТОМ МАГНОЛИИ

Детективный роман

Елена Сперанская

**Цветок с ароматом магнолии.
Детективный роман**

«Издательские решения»

Сперанская Е. Б.

Цветок с ароматом магнолии. Детективный роман /
Е. Б. Сперанская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851019-9

В романе рассказывается о жизни женщины с детства до зрелого возраста в суе постоянных забот о существовании. Кровавые преступления происходят в непосредственной близости от нее. Судьба ставит перед ней препятствия, тяжелые испытания, которые она с честью преодолевает.

ISBN 978-5-44-851019-9

© Сперанская Е. Б.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Исполнение мечты	6
I	6
II	21
III	65
IV	85
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Цветок с ароматом магнолии

Детективный роман

Елена Борисовна Сперанская

*Магнолии прекрасные цветы
Чаруют своим дивным ароматом.
Изящество, блаженство красоты
В изгибах лепестков её крылатых.*
Е. Шерман

*С цветами женщину сравните:
Она прекрасна, как бутон,
Всю прелесть юности вдохните
Весь образ чудом окружен.
Затем, с годами расцветая,
И распускаясь, как цветок,
Живет она, благоухая,
Пуская маленький росток.
Соцветья соком наполняя,
Без влаги вянут лепестки.
Воде, подобно исцеляя,
Любовь и ласки ей близки.
Но годы мчатся беспощадно,
И у цветов не долгод век.
И лепестки терять досадно...
Как жаль, что смертен человек.*
Е. Василец

© Елена Борисовна Сперанская, 2017

ISBN 978-5-4485-1019-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Исполнение мечты

*Отлюбило сердечко мое
Отлюбило и отстрадало
А была большая любовь,
Не смогла сберечь, потеряла*
*Романс без названия,
Н. Карчагина*

I

Во входную дверь коммунального дома первого этажа постучался следователь – старший лейтенант Кирьянов, но никто не открывал, так как узкий коридор вел в широкую светлую прихожую с одним окном. Оттуда в другой такой же узкий проход, откуда две двери были связаны с комнатами жильцов и большой кухней с потрескавшимся каменным полом. Из кухни одна двойная дверь выходила во двор, а другая – в комнату еще одной семьи, где проживал Вежин Борис Павлович – персональный пенсионер с семьей, состоящей из трех человек – жены – Нины Афанасьевны, моложе его на девять лет, дочери Насти, одиннадцати лет и восемнадцатилетнего сына Петра – студента Музыкального училища провинциального города Саратова. Их жизнь протекала в постоянных заботах и хлопотах. Здоровье отца позволяло участвовать в общественной работе, ходить на семинары своих одногодок журналистов, бывших коллег, помогая им в работе, наставляя советом и добрым словом в издательстве газеты «Местное время», где он прослужил последние двадцать лет своей трудовой деятельности, составляя репортажи и очерки о работе целевых предприятий города: Авиастроительного завода, кинокомпании, предприятий общественного питания, университета. Везде помогали сотрудники и руководство тех государственных органов, куда он обращался, чтобы создать музей, провести встречу со старыми большевиками, кто стремился передать молодежи свои опыт, знания и трудовую дисциплину, которая очень ценилась среди подрастающего поколения.

«Странно, что никого нет...» – углубился в свои размышления молодой специалист, недавний выпускник Юридического института, кого направили на работу участковым милиционером в данный спокойный микрорайон, где обосновались в основном граждане, приезжие из разных мест, в одно-двухэтажных каменных и деревянных строениях, у кого было постоянное место дохода, и кто обзавелся семьями.

Тогда следователь постучался в дверь, которая находилась в самом узком коридоре, соединенным со вторым этажом крутой лестницей и большой фанерной доской на щеколде, чтобы как-то пообщаться с людьми, обитавшими по соседству с частным одноэтажным каменным домом, где пропала молодая женщина – воспитательница детского сада, проживавшая на квартире у бездетной пары. Но и там никого не оказалось.

Наконец следователь Кирьянов услышал шаги по цементному полу коридора, выложенному большой бордовой плиткой. Двухэтажное здание раньше было аптекой со всеми необходимыми архитектурными аксессуарами такой медицинской организации: прохладным подвалом с комфортабельными удобствами, комнатами и коридорами. На первом этаже – место для изготовления лекарств с одним окном и дверью во двор и на второй этаж – фармакопед, переделанное в кухню. Зал для приема посетителей с тремя окнами, где проживали зажиточные упитанные соседи. Непосредственно аптечный отдел с одним окном, где проживала семья Вежина. Маленькая гардеробная комната для переодевания, тоже переоборудованная в жилую

комнату, с окном, выходящим во двор через широкий лестничный проем, ведущий в подвал, и закрытую, застекленную квадратными формовыми изразцами, веранду.

– Кто? – спросил его мужской голос.

– Это участковый милиционер, – ответил в тон оперативный сотрудник МВД, в форме старшего лейтенанта, с папкой на молнии в руках, где он хранил материалы начатого им расследования пропажи гражданки: беседу с сотрудницами детского садика, кто отзывался положительно о своей коллеге, и кто написал заявление в милицию за подписью заведующей детским учреждением. Туда поступила на работу, пропавшая – Безбеднова Галина – восемнадцатилетнего возраста, приехавшая в город из районного центра, получив образование воспитательницы дошкольного учреждения.

Дверь открылась. Оперативник, в недавно приобретенной за собственные деньги синесерой форме – фуражке с черной кокардой, брюках с голубым кантом, голубой рубашке, черном галстуке и укороченном жакете с пояском, увидел на пороге скромно одетого пожилого мужчину. На нем был шелковый синий в белую полоску домашний пиджак от пижамы с большими карманами и темно-синие брюки.

– Старший лейтенант – Кириянов, – сказал милиционер и показал свое новенькое удостоверение в раскрытом виде.

Темнота коридора не позволяла говорящим видеть друг друга, а общаться на ощупь они не привыкли с незнакомцами.

– Пожалуйста, проходите, – пригласил его войти мужчина, на висках которого не было ни одного черного волоса, а седина покрывала всю голову.

– Я по поводу исчезновения женщины – Галины Безбедновой, проживавшей на квартире у ваших соседей по улице справа. Три дня она не появлялась ни дома, ни у своих хозяев, ни на работе. Вы что-то слышали об этом? – спросил офицер милиции, разглядывая кухню, куда пригласил его пройти пожилым мужчиной.

– У нас с теми соседями нет никаких контактов. Через высокий забор не видим, что там у них происходит... Но насколько я знаю от дочери, она как-то была у них в доме, что никуда девушка не ходила. Они разводили кур и продавали мясо и яйца на базаре. Дети везде суют свой нос. А жена говорила, что они пустили эту квартирантку, чтобы она убиралась у них и готовила им еду. Приехала она из деревни и работала нянечкой в детском садике, – доложил Борис Павлович Вежин.

– Спасибо, – поблагодарил следователь Кириянов, намереваясь опросить всех соседей первого этажа.

Борис Павлович скрылся в своей коммунальной комнате первого этажа.

Затем участковый милиционер постучался в высокую белую дверь, ведущую к комнатам семьи – Микитиных, состоящей из четырех человек: мужа, жены и двоих взрослых детей – Юрия и Лины. Ему навстречу вышел грузный лысый пожилой человек в майке и домашних брюках.

– Мне нужно узнать, что вы знаете о ваших соседях по улице Шевченко, – спросил следователь Кириянов официальным тоном, показывая свое удостоверение в развернутом виде.

– Жена покупала у них яйца и тушки птиц. Я с ними ни разу не разговаривал, – ответил глава семьи – Егор Васильевич, стоя на пороге. – А что случилось?

– У них пропала, с ними проживавшая, племянница, – ответил милиционер строго.

Лицо Егора Васильевича – надзирателя СИЗО – вытянулось от недоумения.

– Спросите у других соседей. Кто-то должен знать об этом? – посоветовал сотрудник вневедомственной охраны, где служил Егор Васильевич долгие года. – Вот напротив, например.

– Это мы и сами знаем. Если что-то узнаете, вот мой рабочий телефон, звоните. Извините за беспокойство, – офицер протянул листок с цифрами и попрощался.

Детектив постучался еще в две двери по соседству, но там никого не оказалось. Он ушел на второй этаж двухэтажного дома, чтобы задать те же самые вопросы жильцам.

Он прошел по лестнице, недавно покрашенной красной масляной краской, открыл фанерную перегородку, отделяющую лестничный марш.

Преодолев 20 ступенек, постучался в самую крайнюю дверь, где жила семья из трех человек: студентов юридического института и их маленького сына, недавно въехавших в освободившуюся комнату без удобств. Но там никого не было. Тогда следом оперативник подошел к следующей высокой двери и сделал то же самое. На пороге появилась высокая стройная пожилая цыганка с кудрявыми с проседью волосами, уложенными сзади в тугий узел.

– Что вам надо? – спросила она, демонстрируя свою грязную заношенную одежду, вытирая руки о подол рваного фартука, надетого поверх темного традиционного цыганского платья с фалдами, но гораздо короче, едва прикрывавшего кражистые колени, что, когда она поднимала руки, видны были узкие загорелые бедра с синими венами на сгибе.

– Что вы знаете об исчезновении девушки в соседнем доме справа от вас? – хотел выяснить по долгу службы милиционер.

– Все дети боялись ту красавицу из-за вида ее серого шерстяного платья. Она ходила в нем постоянно и летом, и зимой. Никогда не снимала, даже в самую жару. Жила она у них с прошлого года, – стоя на пороге, стала рассказывать цыганка витиевато.

Она вела оседлый образ жизни уже лет двадцать пять, давно не гадала заезжим прохожим. Вот случай представился. Известное народное поверье гласило, что если впутать цыган в любое дело, то можно скоропалительно закрывать, так как они сами рассудят на свой лад, чтобы извлечь самую крошечную выгоду из сложившихся обстоятельств, чтобы заработать или продать информацию за границу по своей цыганской почте, которая простиралась до самой Индии.

– Что-то конкретное можете сказать? – вопрос озадачил любительницу предсказывать судьбы, проклинать или давать наставления за вполне реальные деньги.

– Что вы имеете в виду?! – с покровительственной интонацией воскликнула она, на мгновение замолчала, увлеченная ходом своих мыслей. – Нет этой потаскухи среди живых и мертвых...

– Как это понимать? – озадаченный молодой специалист в области юриспруденции посмотрел на цыганку острым взглядом.

– А ты пройди, молодой, красивый... В комнате за столом я тебе расскажу и на картах покажу, – пригласила цыганка, терпеливо глядя, как участковый милиционер отмечал в своем списке жильцов, кого он успел опросить.

– Нет, проходить я не буду, но, понимая ваши меркантильные заботы, хочу предупредить, что гадать у нас запрещено законом, – решил напугать галантную гражданку служитель закона.

В его обязанности входило опросить как можно больше свидетелей, чтобы выйти на подозреваемого, виновного в исчезновении лица, проживавшего на его участке, так как трехдневный срок, положенный для ожидания, истек вчера, а сегодня участковый приступил к выполнению своих основных обязанностей – поиску пропавших граждан.

– Ты меня не напугаешь. Я давно ушла из табора. Гадаю только соседям иногда по их просьбе за продукты питания. Но тебе бы и за деньги предсказывать судьбу не стала. У тебя все будет плохо, – со злостью крикнула она, закрыв прямо перед носом милиционера дверь, щелкнув английским замком.

«Очень конкретная женщина. Без комплексов, сразу видно, жадная и лицемерная», – охарактеризовал цыганку про себя оперативник, с чувством юмора глядя на следующие две двери, куда ему надо было еще обратиться по своей работе.

«Придется продолжить», – сориентировался милиционер, посмотрев на часы, которые показывали начало одиннадцатого – время, когда обычно никого из соседей в квартирах не бывало.

Кроме пенсионеров или больных, так как школьники и дошкольники – все находились в государственных учреждениях по месту жительства или работы граждан, несущих ответственность за своих малолетних детей, кого они обязаны были воспитывать. Он отметил, что в первой квартире – Берендеевых, никого не застал, а во второй, где проживали четверо человек – двое разнополых взрослых детей с родителями – по фамилии Тугушевы, общался с матерью семейства.

Пока он стоял, разговаривая с цыганкой, из смежной двери два раза полная пожилая соседка – Романенко в красивом пестром атласном халате выходила на кухню, поэтому следователю Кирьянову не составляло большого труда появиться там. Таким же способом спросить у нее, когда она разогревала, что-то готовила на плите. Песик без породы и поводка вертелся у нее под ногами. Он ловил куски мяса, которые она бросала ему периодически. Пенсионерка к облегчению милиционера начала первой говорить с приятным украинским акцентом:

– Я ничего не знаю об этом случае, но могу предположить, что там все нечисто. Никаких доказательств вины у меня нет, но и свидетельствовать против себя я не буду, так как у нас с ними никакого контакта нет.

– Хорошо, – записал в своем листе следователь Кирьянов, чтобы потом перенести в начатое им дело.

Детектив не удивился правильности речи свидетельницы, потому что ее муж работал на рынке мясником, общаясь только с грамотными и обеспеченными клиентами. Следователь подошел к кухонному оконному проему. Оттуда взглянул во двор и на железную кровлю соседнего дома, увидев только коричневую парадную входную дверь с тремя крашеными ступеньками, крышу курятника и небольшой серый участок земли без цветов и травы.

Он повернулся и ушел, направляясь именно туда, что он видел из окна кухни. Выйдя на солнечную сторону, милиционер взглянул на противоположные дома, где около одноэтажного дома сидели три пожилые женщины на скамеечках. Они о чем-то живо беседовали. Поэтому следователь переменял свое решение, намереваясь пообщаться с ними, так как надеялся, что они наверняка знали что-то ценное о пропавшей гражданке – Безбедновой Галине. Он перешел дорогу, обогнул, усыпанную цветами, клумбу и остановился рядом с сидящими пожилыми женщинами.

– Что-то слышали об исчезновении молодой женщины вон в том доме, – милиционер указал рукой на противоположные дома.

Бабушки в валенках, теплых тапочках с меховой опушкой как будто очнулись от созерцания цветов с парящими стрекозами и бабочками на красивой, ухоженной клумбе. О чем они думали, вглядываясь в глубину цветовой гаммы, наслаждаясь солнечными лучами, никто не догадывался. Возможно, они вспоминали свою неугомонную молодость, бешеные ритмы самбы или фокстрота на танцплощадке.

– Да, мы знаем, что Галя гуляла постоянно одна, не боялась, что на нее нападут. Возвращалась с работы поздно. Она училась, наверно на вечернем факультете или трудилась допоздна, – призналась крайняя шупленькая старушка с большими карими глазами, выражающими полное доверие и расположение к следователю.

– Мы с ней недавно разговаривали. Она сказала, что поступила учиться в Педагогический институт на заочное отделение. Когда закончит, будет учительницей начальных классов, а сама ходила в комбинат ясли-садик на работу нянечкой, – вступила бабушка, сидящая рядом, поправляя белую в крапинках косынку.

– Это я и так без вас уже выяснил. Не помните, видели вы ее с кем-то посторонним? – снова обратился следователь Кирьянов к соседкам по месту жительства пропавшей гражданки.

– Нет, точно. Она всегда одна ходила. Даже было интересно на нее смотреть. Ну, это я так к слову сказала, – процедила сквозь зубы последняя старушка, из сидящих около широких дверей дома, откуда они выходили погреться на солнышке, так как жили вместе как сестры.

На другой стороне, около дома, с уже опрошенными жильцами, сутились дети, стараясь вникнуть в суть переполоха. А цыганка-Ася не поленилась. Она вместе с жилищной-пенсионеркой Романенко в атласном халате, вышли развешивать белье во двор, наблюдая, куда направился милиционер следом. У старшего лейтенанта оставались вопросы к каждой из них:

«Куда же ходила по выходным дням пропавшая гражданка Безбеднова Галина? Кто ее сопровождал, и были ли у нее враги?»

Но, переговорив с бабушками, он убедился, что все нити вели к хозяевам злополучного дома, куда он, в конце концов, сам решил навеститься. Тем же путем он вернулся к двум свидетельницам, рядом стоящими, после развешивания чистого белья во дворе, как после похорон. Милиционер, ничего не говоря в их сторону, минул дощатый забор. Он позвонил в калитку, за которой жила та самая свидетельница, которая подала заявление в районный отдел. Звонок заставил хозяйку дома открыть следователю Кирьянову узкую калитку. Переступив через высокую соединительную доску, оказавшись в идеально чистом дворе, сыщик показал свое удостоверение сотрудника МВД в раскрытом виде.

– Вызывали? – спросил он официально, понимая волнения заявительницы.

Пропустив его вперед, невысокая, округлая женщина в сером платье и желтоватой косынке, с красивым толстым лицом, по-видимому, та самая, которая подавала заявление, произнесла мягким голосом:

– Я вас давно жду.

Следователь Кирьянов оглядел с головы до ног говорящую. Когда зашел на маленькую кухню, он присел на придвинутый ему табурет. Отметив очень приятную внешность хозяйки, сказал наставительно:

– Пришел, собственно, по вашей просьбе. Хочу осмотреть комнату, где спала ваша племянница.

– Да. Можете пройти вот сюда, – спокойно указала рукой гражданка Осокина, а по мужу Безбеднова, чья родственница проживала с ними восемь месяцев, но исчезла буквально недавно.

Детектив обошел две такие же идеально чистые клетки без украшений с голубыми плюшевыми занавесками в проемах дверей. Заглянул в требуемую спальню, где стояла одна бедная железная кровать для подростка, найденная где-то в металлоломе, покрытая очень тонким темным дешевым шерстяным одеялом.

– А где шкаф или тумбочка с ее вещами? – спросил детектив, у которого уже сложилось мнение об образе жизни, спешащих разбогатеть, граждан.

– Все вещи племянница Галя хранила у нас в гардеробе. Мы от нее ничего не прятали. Жили одной семьей. Помогали ей, чем могли. Питались вместе. Она иногда покупала кое-что на базаре после распродажи яиц, которыми мы ее снабжали. Она каждый выходной с раннего утра туда бегала, – добавила хозяйка, указав на шкаф, занимавший почти всю площадь в предполагаемой крошечной гостиной.

– Откуда такой зловонный запах? – спросил милиционер, почувствовав отвратительное амбре, тянущееся по воздуху из двора.

– Это из курятника. У нас куры, два гуся и утка. Пойдемте во двор, вы сами убедитесь, – предложила хозяйка, выпроваживая сотрудника райотдела милиции.

Они вышли на воздух, а на них стала с гоготом наступать домашняя живность: куры и утки, которые рассыпались по двору суевающейся толпой, взмахивая крыльями, отталкивая себе подобных домашних птиц.

– Ждите, приду еще раз. Возможно с собакой, чтобы она взяла след вашей пропавшей племянницы, – с участием сказал милиционер, направляясь к калитке.

– Кыш, кыш, кыш, – принялась шипеть, очень скользкая в обращении, хозяйка, размахивая руками, которой на вид можно было дать лет сорок или тридцать пять из-за матово-белой кожи, а на самом деле ей было далеко за сорок, хотя выглядела она очень молодо.

По данным паспортного стола, где следователь Кириянов побывал загодя, он выяснил, что Безбедновой Таисии было пятьдесят два года, а ее мужу Никифору – шестьдесят четыре. Оба были на пенсии, но занимались разведением птицы, которую потом сбывали по спекулятивной цене населению, чтобы деньги сложить в «кубышку».

Следователь Кириянов вернулся в свой кабинет на машине, сложил в папку все допросы свидетелей по порядку. Он опять прочитал их показания. У него ушло на это занятие минут десять, но возникло подозрение.

«Надо осмотреть двор с курятником, откуда шел невыносимый запах разложения и куриных отходов», – наметил он себе план работы.

В предыдущий раз, когда они хотели пойти с собаководом, тот отказался, так как не было никаких значительных изменений окружающей обстановки. Кинолог посоветовал выждать неделю, чтобы выветрился сбивающий запах гашеной извести, которым были усыпаны все места общего пользования: туалет с выгребной ямой, сарай, где потом был обнаружен труп неизвестного человека в дровах, баня, погреб и весь приусадебный участок.

«Возможно, в этом случае в семье Безбедновых мог возникнуть спор на почве ревности. Хозяйка убила свою племянницу. Что зафиксировано в истории криминалистики. Но эта рабочая версия. Где находится труп жертвы? Подозрительно, что у гражданки Безбедновой такое же серое платье, как у ее племянницы. Если та ходила постоянно в одном и том же платье, то у нее не было смены. А ее родственница воспользовалась исчезновением племянницы, надела оставленное ей платье. Тогда в чем она ушла? Что-то здесь не сходится... Если она купила новое платье, в нем отправилась куда-то, а старое оставила дома. Откуда такие приличные деньги у нянечки детского садика, которая недавно устроилась на работу? Может быть, сама хозяйка дома дала ей свою одежду? Надо будет выяснить у нее самой, не пропадало ли у нее что-то из верхней одежды?» – серьезно задумался детектив, когда убирал дело о пропаже гражданки Галины Безбедновой в свой сейф, чтобы потом снова взяться за расследование с имеющимися у него данными экспертизы.

«Идеальная чистота в доме. Ни соринки, ни пылинки... Как будто специально все вытрясли в поисках своей племянницы. Ну, это понятно. Если копнуть глубже... Как они построили этот дом? Откуда у них были средства на строительство? Значит, участок приобрели для постройки или купили готовое строение?» – все эти вопросы стали волновать детектива, который собирался расследовать это дело за считанные дни, чтобы доложить генералу Кедрову о раскрытом преступлении или появлении исчезнувшего лица. Он мечтал положить папку, со всеми имеющимися доказательствами, на стол руководства.

Следователь Кириянов вернулся в архив. словно по мановению волшебной палочки, когда он заказал у лейтенанта, заведующего архивом, ему принесли старинное дело на гражданина Безбеднова Н. В., прописанного по тому же адресу. Оказалось, что данный гражданин отбывал наказание в исправительной колонии строгого режима за кражу с взломом сберкассы и убийство инкассатора, который перевозил деньги. Встречная милицейская машина остановила грабителя, перекрыв движение на встречной полосе. Образовалась пробка. Все следующие вперед автомобили по приказу руководства ДПС и начальника полиции вынуждены были предъявлять документы в целях обезвреживания опасного преступника, сумевшего завладеть деньгами сберкассы, предназначенных для осуществления целенаправленного распределения по учреждениям и для личного использования гражданами города.

Безбеднов пытался бежать, но его упредили сотрудники милиции. Состоялся суд, на котором выяснилось, что у Безбеднова были нормальные средства для существования, а грабежом и убийством он занялся из ухарства, чтобы нажиться на ком-то, у кого были вклады в сберкаассу. Отсидев свои положенные пятнадцать лет, тот вернулся спокойно на место своего проживания, обзавелся семьей, сойдясь с продавщицей мороженого – Таисией Осокиной. Они сломали старый ветхий домик. Выстроили «кукольный» одноэтажный особняк из серого камня, покрашенный до середины белой краской, как знак чистоты и невинности в назидание, стоящим рядом, домикам из красного кирпича или дерева.

Оказалось, что кирпич был приобретен по оптовой цене на месте его прежней работы каменщиком, куда тот и вернулся, чтобы заработать себе пенсию, но восьмичасовой рабочий день был слишком утомительным для любителя легкой наживы. Поэтому он стал «калымить», зарабатывая шабашником, подвизаясь частным образом у собственников дачных участков или помогая себе самому, перетаскивая, награбленный на прежней работе, кирпич по одному-два в сумке домой, тут же складывая из него стены.

Вскоре появился крошечный двадцатиметровый домик, поделенный на клетки с тремя окнами, где могли поместиться только пять вещей: шкаф, диван, стол, две табуретки. Этой назидательной историей закончилось бы дело, но племянница из села, где раньше жили Безбедновы, приехала к ним в гости. Пришлось найти в соседнем дворе железную кровать, на которой раньше спала дочь жильца Вежина – Настя. Они неожиданно разбогатели, когда Борис Павлович предложил им взять кровать на временное пользование бесплатно, чтобы потом вернуть, так как в семье могло быть пополнение. Из-за железной кровати разгорелся жаркий спор. Все соседи с первого и второго этажа хотели воспользоваться представленной возможностью, поставить у себя в комнате коммунального дома новую мебельровку.

Однако Безбеднов сразу предъявил права, когда ночью вдвоем с сожительницей они перетащили железную кровать для подростка, купленную Вежиными на распродаже, к себе, поставив в коридор. Потом передвинули к окну на кухне для племянницы. Получилась кухня с кроватью. Об этом никто из соседей не жалел, так как Безбеднов освободил соседний двор от ненужного металлолома, пообещав отдать десять рублей Борису Павловичу. О чем он тут же забыл, но все-таки стал отдавать по три рубля ежемесячно из своих заработков по преобразованию дачного поселка. Туда он ежедневно ездил на электричке, чтобы свести концы с концами.

На полученные десять рублей за три месяца семья Вежиных отремонтировала свою комнату, покрасив полы красной масляной краской, базальтовым цветом потолок и стены с рельефным рисунком. Отдавали деньги бутылками водки то Столичной – за 3,12 рубля, то Особой – за 2,87 рубля – самым ходовым товаром. Последний раз, как обычно, тоже заплатили, но добавили еще рубль для укрепления бюджета строителей. Такая бухгалтерия была присуща всем жильцам коммунального дома. Других расчетов маляры не требовали. Они сами знали, что им предстояло сделать по очереди, чтобы комнаты преобразились до неузнаваемости.

Школьница и отличница Настя – дочь Бориса Павловича – долго мечтала сбыть надоевшую ей железную кровать, которая сначала принадлежала ее брату – Петру, а затем ей самой. Волнения прекратились, когда, наконец, ремонт закончился, а кровать появилась в пределах домика Безбеднова.

Таисия Безбеднова давно грозившаяся пригласить Настю посмотреть, как они обставились, передавала приветы через маму девочки, так как однажды она вызывала ее к прикованному к дивану мужу, у которого после работы развилась белая горячка от частого употребления спиртного, поэтому ему следовало ограничить притрагиваться к рюмке водки. Выздоровев после промывания желудка, Никифор окончательно избавился от такой вредной привычки, после нескольких процедур, проведенных опытным терапевтом, кем была мама Насти, давая ему рвотное средство.

В один из летних дней, когда Таисия ожидала появления в их доме с Никифором милиционера, заведя, идущую за продуктами в магазин в конце квартала, девочку, спросила с хитрой ухмылкой:

– Ты не забыла, что хотела посмотреть, как мы живем здесь и что у нас есть?

– Обязательно приду. Вот сейчас сбегаю в угловой подвальчик, куплю колбасы по 2,20 рублей килограмм и зайду к вам на чай, – сделав ударение на последнем слове, Настя ускорила шаг.

Выбор в магазине был небольшой: один сорт упомянутой колбасы, творог, сыр, сметана, масло двух видов: подсолнечное и сливочное, маргарин, разнообразные крупы, селедка, фруктовый сок в стеклянных банках. Вся прогулка отняла у нее менее получаса. Вернувшись к себе в комнату, девочка положила покупку в новый холодильник «Орск» на верхнюю полку. Она отдала сдачу маме, спросила с чувством исполненного долга:

– Меня пригласила соседка из соседнего дома в гости, могу я зайти к ней на минуту?

– Иди, но будь осторожной в обращении с ними, они очень привередливые, – разрешила Нина Афанасьевна с упреком.

– А что это значит? – спросила девочка настороженно.

– Сама увидишь, а теперь можешь идти, – ответила женщина.

Настя подошла к соседнему забору со щелью для почты, которая с годами, пока девочка росла, начала опускаться вниз, достигнув глаз, как раз в то лето, когда соседи по улице купили железную кровать, и исчезла гражданка Галя Безбеднова, обладательница скверного, как вся детвора решила, серого платья. Объясняя это тем, что разве у нее нечего больше надеть, кроме теплого шерстяного салопта?! Слово «салоп» они услышали от проезжего барышника, который торговал свистками, шариками, серпантинном и конфетти для Нового года, подъезжая к их подъезду с телегой, запряженной лошастью. Счастье встретиться с ним было для каждого ребенка, чьи родители могли позволить приобрести подарок любимому чаду.

Но у известного в определенных кругах авантюриста-барышника была еще красная китайская шкатулку с зеркальцем за десять-двенадцать рублей. Что составляло его главное сокровище, о чем он с гордостью сообщал периодически каждому, кто хотел посмотреть на его богатства. Но никто из детей и взрослых не мог замахнуться на такое изысканное украшение интерьера. Все с грустью отходили от продавца, восседавшего в телеге, спрашивая друг друга:

– Купили шкатулку или нет?

Ответ был однозначный. Поэтому, чтобы посмотреть на указанную им роскошь, надо было улыбнуться или приобрести что-то маленькое. Такое было условие уличной торговли. Дети тренировались улыбаться, выпрашивая мелочь у родителей, а мамы, снисходительно улыбнувшись, снабжали ребенка пятью или десятью копейками на сувенир от местных производителей.

Однажды на зависть всей улицы Шевченко, шкатулку купил высокий дородный парень Валера Степанов, который любил катать детей на раме своего велосипеда. Он заплатил положенные десять рублей. Еще ему сделали скидку два рубля с учетом, что он не будет возвращать подарок назад.

– Хочу жениться. Вот это будет подарок моей невесте на день рождения, – признался он всем детям, толпившимся рядом с телегой. – Свадьба мне обеспечена.

Все соседские ребята с облегчением вздохнули, узнав ошеломляющую весть. Но не только свадьбу, но и хороший урок для подрастающего поколения преподал завидный жених, когда переехал жить к своей невесте, и у них появились двое малышей.

В тот день, когда Настя собиралась посетить соседей, никакого барышника рядом с их домом не появилось. Он, по слухам, уехал в США, чтобы сняться в очередном боевике, мелодраме, фильме ужасов или триллере, к чему у него, безусловно, были феноменальные способности. Все потом долго обсуждали ущемления, которым подвергся барышник, пересекая

границу не на лошади, а на сверхзвуковом самолете, устроившись на работу в Голливуд на эпизодические роли.

«Что-то долго не могу попасть к таким хозяйственным людям? Зачем она меня все-таки пригласила? В такую жару долго я здесь не выстою» – спрашивала себя Настя, стоя рядом с калиткой, ведущей во двор с курятником, закрытой на засов. На голове у нее красовались два смешных бантика.

– Ты уже вернулась? Молодец! Проходи, не стесняйся, я только пол вымыла, – сообщила моложавая женщина Насте, когда та переступила через порог калитки.

– Здравствуйте, – поздоровалась Настя, стесняясь.

– Вот курятник, посмотри, – она подвела девочку к самораскрывающимся дверям. Оттуда вывалила пушистая белая масса в перьях, кудахча и гогоча.

– Не боишься? А то смотри, сейчас кину тебя в лапы к твоей воспитательнице... – она сзади взяла девочку за плечи.

Настя от страха замолчала, у нее перехватило дыхание.

– Хотела бы иметь такое свадебное платье из куриных перьев? – спросила доброжелательная хозяйка.

– Нет. Долго ждала, пока вы откроете, – поведала девочка, обрадованная, что ее не употребили в пищу. – Одни куры, – восхитилась Настя, чтобы вызвать доверие.

– Нет, и утки тоже есть. Вот они, – хозяйка показала с гордостью на переливающихся с боку на бок трех уток, отошедших к соседнему забору.

Затем девочка смело прошла в домик по приступке. Заглянула в каждую клеть с позволения хозяйки, когда та жестом демонстрировала свои хоромы. Она с разочарованием поняла, что площадь их коммунальной комнаты, где проживала с родителями значительно больше, чем в соседнем доме, но опрятность до безобразия могла свести с ума, так как сквозила во всем облике жилища, о чем ее уже предупредила мама.

– Садись вот сюда, – сказала Таисия Безбеднова, не дожидаясь ответа, толкнула гостью на табурет, стоящий рядом со столом, – чай будешь?

– Нет, спасибо, – испуганно ответила Настя. – Не хочу ничего, – оглядывая кухню, с ужасом сказала она.

– Вот сиди здесь. Я буду говорить тебе кое-что, но некоторые слова буду пропускать, чтобы ты сама додумалась, о чем я говорю. Теперь никуда отсюда не уйдешь, до тех пор, пока не вернется с работы дед. Я сильнее тебя. Ты со мной никогда не справишься, маленькая шалунья, – с дикой злобой припугнула девочку соседка.

Она медленно выговаривала каждое слово, как будто судебный смертельный приговор, переводя взгляд на высокую покрашенную газовую печь с открывающейся нижней железной форточкой и выдвижной верхней вытяжкой, когда гостя сначала, как загипнотизированная смотрела, как та муштрует ее. А потом, осмелев, доведенная до жути и страха от безысходности, так как хозяйка дома стояла в проходе, перевела взгляд в самый потолок печи.

«Ну, и баба-яга! У меня есть свой дедушка. Он сидит дома и не знает, что попала в западню. Как же мне отсюда убраться? Сколько времени буду здесь находиться? Может быть, дед придет поздно вечером? Смогу ли сбежать отсюда к родителям?», – спрашивала себя с негодованием «маленькая принцесса», у которой бантики были завязаны именно таким образом, как научила делать мама, когда сообщила ей название новой прически.

Девочка, не долго думая, вскочила с надоевшего ей, недавно выкрашенного красной масляной краской, табурета. Опрометью выскочила на улицу, пересекая серый двор и калитку за одну минуту.

– Кыш, кыш, кыш, – услышала она вслед шипение и громкий хохот негостеприимной хозяйки.

Трясаясь от страха и внутреннего перенапряжения, Настя появилась в коммунальной комнате, чуть не столкнулась в двери с мамой:

– Как ты быстро вернулась, – удивилась женщина. – Понравилось? – строго глядя на дочь, хотела выяснить она.

– Нет. Но очень чисто, а мебели мало, – пояснила Настя, успокаиваясь рядом с родным человеком, глядя на черное пианино.

– Так это же хорошо. Свободно ходить, – заметив смущение девочки, сказала женщина одобрительно.

– Как будто там произошло преступление, а они хотят спрятать следы... Что-то напоминало мне у них о смерти, а она сама очень симпатичная на лицо, но голос у нее мерзкий, как у ведьмы. Настоящая злая колдунья Гингема из сказки «Волшебник Изумрудного города», – сказала Настя, вспоминая, с чем можно было сравнить впечатление, полученное после посещения соседнего дома, но не находила слов в своем детском лексиконе.

Девочка увидела смерть с мягкими кошачьими шагами.

– Они всегда такие вычурные со странными привычками толкаться и пихаться. Это я заметила с первого посещения. Больше туда я не ходила, хотя они приглашали еще раз. Противно смотреть на больных в нерабочее время. Достаточно мне работы и дома... – возмутилась Нина Афанасьевна в сердцах.

Настя выпила чаю с только испеченными булочками, обсыпанными сахаром и съела бутерброд с колбасой. Когда с улицы вернулся отец, он находился во дворе, занимался хозяйственными делами, вытрясал мешки. Увидев испуганную дочь, тоже с интересом спросил:

– Что нового произошло за мое отсутствие?

– Да, вот Настя пришла от Безбедновых. Говорит, чуть лоб себе не расшибла у них о прилодку, – на свой лад сказала мама.

– Неужели? – спросил отец, облокотясь о холодильник, стоящий у самой двери.

Настя уже вышла из-за стола, начала убирать посуду, оставленную членами семьи для мытья, чтобы навести порядок в комнате.

– Нет, ничего не случилось. Но жить с ними я бы не стала. Что творится у них, я не знаю. Какая-то тяжелая обстановка. Но очень бедно, – путая слова, ответила она, готовая выйти из комнаты с горкой посуды в руках, чтобы заняться своей основной обязанностью по дому – уборкой.

– Что-то не так? – отец продолжал допытываться о криминальной ситуации в соседнем чистеньком особняке.

– Я все сказала маме об этом, но могу добавить, что они злые и подозрительные. Им нельзя верить, – она, недоговорив, прошла на кухню, провожаемая любопытными взглядами родственников.

Закончив с посудой, Настя вернулась в комнату, вытерла тарелки, поставила на место, испытывая свое терпение, принялась читать отложенную книгу Дюма «Три мушкетера», полученную из библиотеки приключений одноклассницы.

* * *

Визит участкового милиционера заставил всех соседей опрошенного первого этажа углового двухэтажного дома вспомнить, что они слышали обо всех подобных случаях от знакомых. Вечером на общей кухне произошел крупный разговор между всеми жильцами, которые были дома и что-то понимали в розыске пропавших лиц. Каждый из домочадцев высказал свою версию происшествия.

– Мы ничего про них не знаем. Но однажды я покупала у них яйца. Очень свежие и крупные, – высказала свою версию соседка-пенсионерка – Анна Ивановна за двоих – себя и мужа – Егора Васильевича.

Она, узнав, что разыскивают пропавшую квартирантку из маленького, чистого, каменного домика, выстроенного недавно, с обустроенным во дворе курятником и конурой для собаки, разогревала ужин на старой четырех конфорочной плите.

– Думаю, что она сошлась с каким-то мужчиной и переехала на другую квартиру или в другой город, – заявила продавщица овощами – Тамара, которая проживала в маленькой комнатке с мужем-атлетом, чья дверь выходила в узкий коридор, а одно окно – на улицу рядом с входом.

– А я предполагаю, что она просто решила порвать с ними. Кто-то мне говорил на улице, кажется из дома по соседству с другой стороны, когда мы приезжали к ним по вызову из поликлиники, что у этой женщины был аборт с сильным кровотечением. Но это, возможно, сплетни... Скорее всего, наговор, – сообщила сотрудница поликлиники – Нина Афанасьевна, когда ее надоедливых детей не было на кухне.

– Сейчас уже ничего не изменишь, поэтому милиция хочет закрыть дело. Ищут они человека долго. Все сведения соберут и отправят ее родителям в деревню, откуда она приехала к нам в город. Будут собирать вещественные доказательства по делу. Может быть, с собакой приедут. Нам остается только ждать результатов расследования, – такая версия была высказана мужем врача – Борисом Павловичем, тем, кто встретил участкового милиционера.

Нина Афанасьевна слушала его с пристрастием и явным уважением, чтобы потом попытаться поспорить с мужем.

– Что-то мне подсказывает, у нее не было врагов, а только сотрудники, – соизмеряя свои возможности на небольшом кухонном столе, где были разложены овощи для щей, сказала еще одна пенсионерка – Дарья, которая жила напротив пожилых людей в крохотной комнатке – клетки, перебиваясь мелкими спекуляциями.

– Виновный... – он сделал паузу, – попадет сразу к нам, в изолятор, – тихо произнес Егор Васильевич, сидя на лавке после дежурства около стола точно в такой же позе, как он сидел на работе в СИЗО, охраняя спокойствие граждан.

– При любых сложных обстоятельствах найдут виновного, – заметил философски, появившейся на пороге, студент Петр Вежин – сын Бориса Павловича.

– Кто ищет, тот всегда найдет, – процитировала его сестра – Настя, когда заметила, что все исчезли из общей комнаты, как по мановению волшебной палочки, а ей так хотелось послушать, о чем же шла речь на этот раз, высказать свое мнение школьницы, чтобы казаться взрослее и чуточку мудрее.

Когда все версии были высказаны, жильцы по одному стали покидать кухню. Этот случай постепенно забылся всеми соседями коммунального дома, но неприятный осадок от разговора остался надолго. Никто из них не возвращался к теме о пропаже граждан в окрестностях города. Лишь однажды Егор Васильевич сообщил, что директора макаронной фабрики – уважаемого человека с высшим образованием – посадили за растрату, но это не имело никакого отношения к делу о пропаже Гали Безбедновой. Следователь больше не приходил, и жизнь мало помалу нормализовалась.

Приближались выходные дни и праздник Первомая. Все начали готовиться, осваивая пригородные участки, вскапывая огород и сажая овощи. Никаких новых криминальных случаев не произошло за последнюю неделю, чему каждый из соседей на первом этаже тихо радовался.

С вечера Настя – долговязая девочка с бледным лицом, но правильными чертами: большими выразительными глазами, ровным носиком, пухленькими губами – собрала все свои небольшие пожитки. Она рассматривала поношенную, коричневую, шерстяную, школьную форму, которая уже была ей маловата и черный, штапельный фартук. Достала синюю, полшерстяную, удлиненную юбку; белую поплиновую блузку с защипками на груди, которая очень

ей шла, и которой она гордилась; хлопчатобумажные, коричневые чулки и лаковые, черные туфли.

Разложив вещи перед собой, она выбирала, в чем пойти на праздник Первомая с мамой – врачом скорой помощи. Черное, колючее, драповое, осеннее пальто с вышитым воротником было настолько мало, что еле застегивалось на груди, а на шее вообще не сходилось, поэтому она решила не ужинать, чтобы выглядеть респектабельно и не бедно среди коллег и сотрудников штата больницы. Из-за этого факта она страшно робела. Ей хотелось произвести приятное впечатление на уважаемых людей и их детей.

Вечером Настя надела пальто-маломерку поверх летнего, шелкового платья с солнечным рисунком для примерки. Она недавно переболела тяжелой лакунарной ангиной, поэтому очень боялась снова простудиться, потеряв возможность появиться на улице.

– Смотрится неплохо. Ты можешь идти в нем нараспашку, – посоветовал старший брат Насти, удивляясь, что девочка росла год от года, а пальто на первоклассницу никак не подходило для десятилетнего подростка ни по длине, ни по ширине.

Настя, усомнившись в его словах и совершенно не смущаясь, рассматривала себя в небольшое зеркало посередине светлого трехстворчатого буфета, представлявшего собой восход эпохи социализма.

– Ну, это мы посмотрим, – разозлилась она, так как прекрасно понимала, что в школьной форме идти на праздник некрасиво, юбка была слишком длинной, а с пальто весь наряд выглядел ужасно.

– Твое дело, – сказал семнадцатилетний юноша, артистически позируя перед зеркалом и постоянно расчесывая свои густые темные волосы на пробор.

– Хорошо, надену старый, домашний халат, чтобы не выглядывало из пальто. Расстегиваться не буду. Никто не заметит, что у меня нет бального платья на выход, – поделилась Настя в отчаянии, удивляясь своей худобе и утонченности.

Она постоянно мечтала познакомиться с каким-то симпатичным мальчиком и подружиться. Найти своего союзника в играх, так как среди школьных товарищей происходили ежедневные стычки и драки из-за любой мелочи. И вот случай немедленно представился. Она много смысла вкладывала в понятие «дружба», поэтому очень нервничала. Дома рисовала стенную газету под названием «Дружба» два раза, помещая туда стихи Есенина и собственные сочинения, за которые в школе получила отлично. Но оба раза самонадеянно рвала на мелкие кусочки, чтобы потом вместе с мамой склеить. Нина Афанасьевна – ее мама – высокая, интересная, шатенка с прической из длинных волос в виде валика, надевая очки, сразу предупредила:

– Придут все опытные врачи, у которых есть дети – твои ровесники. Тебе надо будет соблюдать дисциплину.

Про твердую дисциплину, которую следовало обязательно соблюдать, девочка слышала много раз в школе, поэтому немного успокоилась, но внутреннее волнение и предпраздничная тревога не прошли.

– Кто интересно придет из детей? – спросила Настя, понимая всю глупость заданного вопроса.

– Да, тебе не обязательно с ними знакомиться, – посоветовал папа Борис Павлович – сидящий мужчина – бывший госслужащий, но персональный пенсионер по болезни глаз.

Это заявление вывело Настю окончательно из себя, она готова была расплакаться.

«Почему не надо знакомиться со своими одноклассниками? Может быть, они сами захотят узнать, как меня зовут или сколько мне лет?», – рассуждала девочка, внутренне сжавшись, упрекая себя за любопытство, проявленное в выяснение главного своего вопроса о дружбе.

«А если меня откажут взять с собой?» – внезапно возник назойливый вопрос, от которого она никак не могла избавиться в течение всего вечера, слоняясь по комнате из угла в угол до беспамятства, мешая своим появлением каждому члену семьи.

«Мне надо проявить себя с самой лучшей стороны, чтобы зарекомендоваться перед мамой или помочь ей в чем-то по дому: постирать, вымыть посуду, пол», – пронеслась у нее в голове счастливая мысль, от которой у нее повысилось упадническое настроение. Все эти нудные, ежедневные обязанности она выполняла хорошо, но ей лично хотелось добиться похвалы, чтобы убедиться в правдивости маминых слов о своих сверстниках – детях сотрудников. За ужином Настя, отодвинув от себя тарелку, опутив глаза, устало сказала:

– Сегодня постараюсь обойтись без ужина. Боюсь, пальто на меня завтра не налезет.

Родители переглянулись в недоумении. Мама, не смотря на предупреждение, положила на тарелку вкусной картошки, жареной на сливочном маргарине, и поставила перед дочерью.

– Настя, обрати внимание на нашу маму. Она вернулась с фронта в звании капитана медицинской службы в одной шинели (правда, у нее была еще доха), – отец девочки всегда ставил свою жену в пример перед детьми. – Ходила в ней очень долго... Все обращали на нее внимание... Потом сдала в музей как экспонат. Тогда многие ходили в шинелях...

Сын и дочь всегда с радостью воспринимали эту важную информацию во время совместного обеда, ужина или завтрака. Обращался отец всегда мимо конкретного человека, но на этот раз, по-видимому, заострил внимание на пустой тарелке девочки и желании жены угодить всем членам семьи.

– И все тоже сдали шинели в краеведческий музей? – спросил Петр важно, демонстрируя свой кругозор и уважение к родителям.

– Ну почему? – удивился отец реплике любознательного взрослого сына. – Так и продолжали носить, пока не истерлась, а потом перешили детям.

Настя с тоской представила себя в перелицованной офицерской шинели.

– Многие сразу сдали в военкомат, как положено по уставу, – вступила в дискуссию мама, прошедшая Отечественную войну, заслужившая ордена и медали за все свои героические походы и боевые подвиги.

– Меня послали на борьбу с раскулачиванием в период НЭПа, а в войну, все об этом знают, я работал журналистом в две смены на радио и в военкомате, зарабатывая лишь на пропитание большой семьи – кормил свою маму, брата и сестер с детьми. Все равно еды не хватало, когда умел отец – мастер на железной дороге. Приходилось экономить на всем. Продали самое ценное: золотые украшения, книги, дорогую мебель. Перешивали старую, поношенную одежду. Военные заводы по выпуску снарядов работали в три смены, – сказал Борис Павлович строго, вспоминая прожитые годы.

В шоке Настя поняла, что доела полную тарелку калорийной еды, да еще с хлебом. Ей казалось, что никогда она не ела такого вкусного ужина.

– Познакомились мы, когда наша мама ходила в шинели каждый день на работу. И даже не собиралась снимать, – продолжил отец свое повествование, глядя, как дети в два рта умильно съели целую сковороду, приготовленного ужина и запили молоком. – Я ее уговаривал тогда переодеться в гражданскую одежду, но безрезультатно... Наша мама – герой войны и труда.

– Все мы знаем эту историю, – сказала мама, польщенная рассказом. – Но не стоит расслабляться на достигнутом.

Настя не знала, что ответить взамен такого красивого прошлого. Ее восхищало слово «доха», которое вызывало у нее массу положительных эмоций. Она представляла что-то необыкновенно пушистое и теплое, поэтому, вздохнув, сказала:

– Теперь точно поправлюсь на килограмм и не влезу ни в одно платье. Это старое пальто, хотя оно выглядит еще хорошо, не сходилось у меня на груди. Не буду застегивать у воротника...

– А ты что в положении, чтобы поправляться? – спросил бесцеремонно ее брат – Петр, добиваясь, чтобы ему положили добавки, он всегда вставлял ей шпильки.

– Никто не должен обращать на тебя внимания, – строго добавил отец, обращаясь к дочери, украшавшей себя скромностью, а она опять испугалась, вдруг мама отменит их взаимный договор о выходе в светское общество коллектива железнодорожной больницы или она сама заболит.

– Возможно, похудею до завтрашнего дня, – вслух размечталась Настя для самоуспокоения, убирая со стола, а затем старательно отмывая посуду после ужина на кухне.

– Ну, это вряд ли, – изрек корректно отец, обращаясь участливо к дочери, понимая ее тревоги как свои собственные.

Вечер для всех членов семьи закончился благополучно в надежде, что завтра после демонстрации мама испечет сладкий пирог с вареньем из яблок, кулебяку с капустой и рыбой, сварит щи, компот, пожарит котлеты или еще что-нибудь вкусное. Так и не получив сладкого пирога на ночь за старание, девочка уснула в предвкушении счастливого момента знакомства с любым мало-мальски разговорчивым школьником среди праздничной процессии с флагами и шарами, куда она собиралась появиться впервые в ее короткой ученической жизни.

Цветные шарик, надутые папой, сразу сдулись, так как не нашлось подходящей нитки. Сама Настя не могла надуть.

Утром она разобралась еще раз в небольшом запасе туалетов. Остановив свой выбор на летнем платье с солнечным рисунком, рискнула все-таки надеть сверху черное, драповое, перешитое пальто на шелковой подкладке. Но рукава явно смущали. Они были чуть выше запястья. Она решила, что можно будет положить руки в большие карманы с вышивкой такой же, как на воротнике. Карманы находились как раз на талии, поэтому держать руки в них постоянно выглядело бы слишком вызывающе.

Мама Насти тоже разделась в пальто цвета морской волны. Серьезной опасности простудиться не было. Погода установилась солнечная. Немолодая пара очень упитанных людей – соседей по коммуналке – в домашней одежде высыпали на кухню, восторгаясь видом своей соседки и ее дочерью с большими белыми бантами. Муж – сотрудник органов внутренних дел, жена – рабочая Молкомбината прекрасно ладили между собой и с соседями.

– Выглядите обе прекрасно, – в один голос стали говорить соседи. – Можно идти по подиуму, как для журнала мод.

Не глядя на себя в зеркало, Настя с мамой – участницей войны – ринулись к месту сбора колонны демонстрантов.

На майской демонстрации собрались все сотрудники железной дороги, включая врачей, медсестер и фельдшеров. Врачи больницы шли особняком. С гордостью, размахивая транспарантами и плакатами, прошла профсоюзная организация, а за ними потянулись преподаватели и учителя профессионального образования. Настя заметила, что все мамини сотрудники были без детей, лишь одна миловидная женщина стояла с мальчиком, с виду лет десяти, то есть ее ровесником. Он широким жестом и с благосклонным видом вручил ей шарик.

– На, возьми, дарю! – произнес он в приподнятом настроении.

– Спасибо, – поблагодарила Настя, обрадованная изумительным началом праздничной демонстрации с транспарантами, цветами и шарами, упрекая себя, что зря она нервничала вчера, переживая относительно появления детей маминих сотрудников.

Все на самом деле выглядело прекрасно. Она с радостью отреагировала на его сюрприз, поняла, что у этой встречи должно быть продолжение. Но мальчик оказался мало разговорчивым. Они познакомились друг с другом в продолжение небольшой паузы, пока демонстрация

выжидала входа на площадь на углу пересекающихся улиц. Все участники танцевали под гармошку и пели.

– Меня зовут, Саша, – вклинился мальчик в ход Настиных спутанных мыслей, чтобы привлечь к себе внимание.

– Настя, – ответила она, стараясь вытянуть укороченный рукав. – Будем знакомы.

Разговор перешел на профессиональную тему, чем занимались родители, кем они сами собирались стать в будущем, когда окончат школу, техникум или вуз. Настя тут же сообщила первое, что пришло ей в голову, наивно предполагая, что актерское призвание наилучший способ найти друга:

– Я хотела бы быть актрисой драматического театра или кино.

– А мы, возможно, покинем страну. Уедем отсюда в Израиль, но не скоро... – сказал Саша, улыбаясь своей симпатичной спутнице. – Сначала надо окончить школу с отличием, а потом получить высшее образование. Надеюсь стать биологом или врачом, как мама. Там, говорят, очень хорошо платят специалистам.

– Здорово! – поддержала его Настя. – Не жалко расставаться?

– Нет, если дело касается денег. Но мне совершенно не хочется уезжать в другую страну, где я никого не знаю, – ответил он.

Глубокое разочарование и грусть проникли под сознание девочки, так как она увидела в сыне сотрудницы своего союзника, с кем разлучаться ей бы ни за что не хотелось, тем более переезжать с ним или кем бы то ни было в другую страну. Она была очень назойливой и привязчивой. Часто брала на себя взрослую обязанность покровительства и любила вникать во все слухи, витающие вокруг всяких небылиц и фактов.

– Хорошо, что мы познакомились, – вслух сказала Настя, а потом добавила, чтобы не казаться слишком глупой, назначая сразу свидание по-взрослому. – Хотела бы с тобой встретиться когда-нибудь. Ну, лет, предположим, через несколько... – сказала она, представив себя стоящей на углу улицы с таким же красным шариком в руках, а удивленный Саша, казалось, не понял, о чем она говорила, поэтому промолчал насупившись.

– Через сколько лет ты надеешься, мы встретимся? – вдруг спросил мальчик, чтобы уточнить сроки ожидания.

– Лет через пятьдесят на этом же месте, – наобум ответила Настя, испугавшись своих слов. – Так будет интереснее жить с надеждой.

Она быстрее хотела закончить выяснять, понял ли он шутку или нет. Вокруг играла музыка аккордеона, некоторые танцевали или пели. Детей взяли за руки родители, чтобы они не отделялись от коллектива. Майская демонстрация прошла быстро через городскую площадь и успешно завершилась. Все разошлись по своим домам отмечать праздник. По пути Настя «обмозговала» свои впечатления и никак не могла понять, что же все-таки произошло? Надо ли ждать столько томительных лет встречи с милым мальчиком, у которого такие приятные глаза, серьезные планы на будущее и чудесные манеры?

«Дождусь своего друга обязательно, – твердо решила Настя. – Жаль только, что встреча произойдет не так скоро, как мне этого хотелось бы. Надо долго учиться, получить хорошее образование...» – мечтала она.

Засыпая от усталости, она села за праздничный, накрытый белой скатертью, дубовый стол с фигурными ножками, как у рояля. Мама поставила на середину тарелку с пирогом, испеченным ею на обед, поделенным на несколько равных частей.

– Какой красивый пирог! – восхитилась Настя беззаботно.

– Нравится? Значит, ешьте, – сказала мама весело, отрезая хлопотливо долю, раздумывая о своем предназначении.

Глаза ее сияли от радости и счастья. Каждый член семьи съел с удовольствием кусок сладкого пирога с яблоками.

II

У следователя Кирьянова сложилось отрицательное мнение о посещении женщины по улице Шевченко, подавшей заявление о пропаже племянницы. Он снова открыл папку с делом, где лежали свидетельские показания от жильцов соседних домов, заявление от гражданки Безбедновой, и прочитал:

«Когда я приехала на дачный участок по месту работы мужа – Безбедного Н.П, так как он не появлялся три дня дома. Там обнаружила его труп, который висел на доске потолка, а рядом лежал мертвый хозяин самой дачи. Моя племянница Галя пропала неделю назад. Я думала, что она поехала домой в Екатериновку. С работы приходила няня, хотела выяснить, где она. Прошу разобраться в смерти мужа и пропаже племянницы».

Ниже стояло число: 30 апреля и неразборчивая подпись. Следователь Кирьянов не хотел думать, что они манипулировали его вниманием, отвлекая от текущей срочной работы – охраны спокойствия. Лаконичность и стиль письма говорили о хорошем знании русского языка. Он всеми силами стремился упорядочить свои поиски. Сыщик надеялся, что у эксперта Игоря Семенюка найдутся любые версии по тому делу, поэтому он завернул на первый этаж в лабораторию, где был кабинет специалиста в криминалистике и отгадывании тайн по отпечаткам пальцев, спектральному анализу и синтезу разных материалов.

– Привет, сотрудникам милиции! – обратился к нему сыщик, когда эксперт что-то разглядывал в высокоточный микроскоп с Цейсовскими оптическими стеклами, обладающие надежностью и эргономичностью, чьи бинокли ценились во всем мире.

– Есть вещественные доказательства? – спросил эксперт, отодвинув прибор от края стола.

Сыщик присел на стул, стоящий у стеклянного медицинского шкафчика, задумался, разглядывая развешанные на стене плакаты, доказывающие качественную службу органов внутренних дел в определении преступных элементов и устранении их для блага народонаселения провинциального города, где изредка случались всякие правонарушения, расследовать которые приходилось с особой тщательностью

– К сожалению, пока нет. Но факты говорят о том, что имело место уголовное преступление, – доложил оперативник без энтузиазма.

– Помогу, чем смогу. Приноси предметы, мы изучим на предмет остатков пороха, потожировых пятен, волос. Кстати, обрывки одежды, бумаги, дерева, камней, металла тоже пригодятся, – эксперт перечислял те вещи и природные материалы, с чем он занимался ежедневно, чувствуя себя полезным обществу, как доктор Ватсон рядом с Шерлоком Холмсом.

В бога они не верили, поэтому считали своим долгом чаще общаться, чтобы обмениваться нужной информацией в пределах районного отдела милиции, чтобы на законных основаниях арестовывать закоренелых преступников.

– Никаких следов не обнаружил, хотя обошел три дома, всматривался в каждую щель, разговаривал с жильцами, игнорируя собак. Просто исчезнуть девушка не могла, какие-то следы должны были остаться. Но есть подозрение, что ее одежда уже пошла в употребление самих заявителей, – сказал детектив в раздумье, облокотившись на спинку стула правой рукой.

Он сидел вполоборота к эксперту, глядя в окно, где ярко сияло солнце, не достигая стен кабинета, на окнах которого висела белая воланами верхняя занавеска на кольцах, создающая прохладу в любой жаркий день при открытой форточке, колышущаяся словно парус. Настроение у обоих сотрудников милиции было приподнятое. Следователь Кирьянов вспомнил, что было бы не плохо выпить по чашке чая или кофе, поэтому он предложил своему коллеге с энтузиазмом:

– У меня есть печенье, но с тебя причитается.

– Понял. Чайник с кипятком уже готов, а заварку мы положим в кофейник. Извини, кто-то выпил кофе до меня, – пошутил эксперт.

Он заварил чай, а Кирьянов достал из кармана пачку с печеньем. Они выпили по стакану чая, закусывая печеньем «Юбилейное», продолжая обсуждать плюсы и минусы своей работы.

– Однако есть три плюса в произведенном расследовании: первый – все отрицают наличия потожировых и следов крови у них в квартире, второй – никто не знает, куда девушка пошла в воскресенье после базара. Видели только, что она зашла домой. И третий – соседи об этом случае узнали лично от меня. Это тоже настораживает, – заверил следователь Кирьянов эксперта, рассуждая по избранной тематике.

– Испариться она не могла – прими от меня четвертый плюс для себя. Слишком большой атомный вес, – парировал, все знающий в медицине, специалист.

– Будем проводить расследование с собакой, обыщем чердак и подвал, если такой имеется в наличии. Возможно, придется раскопать курятник. У наших подозреваемых свидетелей могут возникнуть осложнения, но мы упредим их срочные действия нашими мерами безопасности, – оперативник подошел к медицинскому шкафчику, где были разложены всевозможные предметы с бирками и шифром дела.

На столе у эксперта красовались колбы с разными кислотами, заткнутые резиновыми пробками. На полке, прибитой к стене, стояли банки с надписями, какой препарат там находился. В реторте находились пробирки. Старинный автоклав и вытяжной шкаф отсутствовали, так как стояли в другой специальной комнате рядом с гардеробной. Все напоминало лабораторию алхимика.

Следователь Кирьянов постучал пальцем по стеклу стола, за которым сидел эксперт, спросив с пыливой улыбкой:

– Наверно что-то мы не доделали в расследовании?

– Надо завтра же или немедленно идти по адресу пропавшей девушки и вместе с заявительницей искать там, где она укажет. Не забудь захватить нашего Цербера. Он найдет то, о чем даже молчат камни, – поэтично выразился эксперт, придвинув в себе поближе микроскоп, дабы найти сходство в составе крови.

Он продолжал исследовать пятна крови на одежде трупа, найденного другим участковым следователем, ответственным за село Поливановка, по делу убийства в дачном поселке владельца участка. Труп пожилого мужчины, зарубленного топором, был найден в сарае с дровами, а рядом на веревке висел еще один покойник. Смерть обоих наступила примерно в одно и то же время, разница составляла считанные десять-пятнадцать минут. Были заметны следы драки на руках у обоих стариков.

– Вот смотри, – касаясь края рукава следователя Кирьянова локтем, одетым в белый халат, сказал эксперт Семенюк, у которого все удивление было нарисовано на лице. – Много сходства по форме и количеству эритроцитов.

– Возможно, это связано с делом, – предположил оперативник. – Жертвы имели внешнее сходство.

– Фамилии обоих трупов разные, а группа крови и состав эритроцитов – одинаковый. Значит, это подтверждает их родство и одинаковый генотип, – сделал предположение эксперт, с особой важностью исследуя доказательства вины убийцы, который сам повесился рядом со своей жертвой.

– Очень загадочный случай. Есть основания считать, что оба были братьями и умерли неестественной смертью. А может быть, они были двойняшками, то есть близнецами? Какая фамилия была у первого покойника или жертвы? Я правильно выражаюсь? – с загадочным выражением лица спросил следователь Кирьянов, который никогда не встречался в своей небольшой практике с подобной инсинуацией.

Эксперт Семенюк потер лоб тыльной стороной руки в белой резиновой перчатке, затем посмотрел на листы с направлениями из морга. Взяв в руки одну небольшую справку, прочитал, выстраивая свои версии случившегося:

– Шмюк Виктор Арнольдович, по всем признакам немец Поволжья, а вторая фамилия – Безбеднов Никифор Полуянович, это тот, кто повесился, не достигнув семидесяти лет на участке Шмюка, который нанял его на работу, чтобы построить дачу и засеять участок саженцами. Об этом нам сегодня говорили, когда мы встречались на совещании утром. Быть бдительными в выборе помощников по уборке мусора.

Эксперт доложил, положив вторую справку на место, чтобы потом вернуть результаты исследования в морг для идентификации и нахождения родственников покойников.

– Этой информацией я владею, но непонятна причина смерти. Почему им потребовалось драться и убивать друг друга, когда договор о сельхозработах был подписан в правлении сельсовета? – вслух стал рассуждать следователь Кирьянов, излагая свою версию на происшедшую трагедию, непосредственно связанную с исчезновением девушки с такой же фамилией – Безбеднова.

– Надо предполагать, что один из близнецов взял чужую фамилию, чтобы скрыть более тяжкие преступления. Например, побег из тюрьмы, где эсесовцы вербовали отъявленных нацистов и карателей для укрощения партизан, попавших в гитлеровские лагеря – Освенцим, Дахау, Бухенвальд... – ответил с чувством горечи на губах эксперт Семенюк.

Отца его расстреляли при подобных обстоятельствах, но сын не знал, что так случилось, тем более он не мог отвечать за все военные преступления. А у бабушки осталась похоронка, отправленная из военкомата гораздо позднее, когда война уже закончилась. Сами нацисты, выступающие в роли военных преступников на суде в Нюрнберге, стали искать пропавших без вести советских граждан среди пленных концентрационных лагерей, рассыпанных на территории Чехии, Польши, Германии, Венгрии и Румынии. Они отправляли ответы на запросы советского Министерства иностранных дел и Министерства обороны в Москву о жертвах на Катынском кладбище. Там, где были похоронены десятки тысяч военнопленных, с указанием паспортных данных для перезахоронения останков родственниками погибших на фронтах сражений, как было установлено после подписания пакта о разоружении и окончании войны 8 мая 1945 года.

Следователь Кирьянов в мыслях представлял, как могло произойти двойное убийство с нанесением тяжких телесных повреждений, с чем он сталкивался впервые в своей короткой практике за время работы в органах милиции.

– Думаю, что это именно то, о чем ты говоришь. Надо проверить по спискам, въехавших военнопленных, прописавшихся и зарегистрировавшихся на территории Саратовской области, чья фамилия была первой на месте разыгравшейся трагедии, так как наверно они похожи, как две капли воды? – спросил оперативник, надеясь отработать каждую версию происшедшего.

– Это и так понятно по сделанной экспертизе – Шмюк, – с украинским акцентом произнес слово эксперт.

– Будем рассуждать дальше. Братья-близнецы Шмюк вернулись на место своего прежнего обитания в село Марковского района, где проживало основное немецкое население. Но, один из них поменял фамилию на Безбеднов или просто присвоил себе любую возможную, чтобы его не тормозили во время чистки местного населения от понаехавших бывших военнопленных иностранцев после окончания боевых действий. Его жена, сестры или мать помогли им завести хозяйство, но что-то опять здесь не складывается... – взгляд следователя Кирьянова остановился на медицинском стеклянном шкафчике, где хранились вещественные доказательства. – Что это за веревка? – спросил он, догадываясь, что именно на этой самой заурядной бечевке из конопли висел Никифор Безбеднов—Шмюк, сумевший во время войны избежать эвакуации в Сибирь и демобилизации на фронт в 1941 году.

– Это остаток. Мне разрешили положить сюда для дальнейшего изучения, – отпартовал эксперт, вставая со стула и подходя к шкафчику, где хранились его препараты. – Изготовлена данная веревка собственными силами, из выращенной на садовом участке травы. Была приобщена к делу, – закончил эксперт строго.

– Пожалуй, я пойду. Загляну в архив и паспортный стол, чтобы уточнить эти фамильные неурядицы, кто чью фамилию и имя взял. Почему мы должны искать виновных среди военнопленных, когда война давно закончилась, – с чувством ответственности сказал оперативник, разрабатывая план действия.

Он скрылся из кабинета, захватив с собой папку с шифром, соответствующий тому, который был на всех материалах, приобщенных к делу, включая одежду, обувь, носовые платки и посуду, находящуюся на столе в дачном деревянном домике, где разыгралась трагедия с двойным убийством.

Оперативник спустился в архив, находящийся в другом корпусе в подвале. Он запросил все материалы, касающиеся фамилий Шмюк – Безбедновы, так он написал в заявке бланка.

– Вам принести все материалы от Б до Ш, – спросила с юмором следователя Кирьянова, недавно принятая на работу в качестве библиографа, выпускница Книготоргового колледжа

Милиционер задержал свой взгляд на спортивном виде девушки с правильными чертами лица, светлыми волнистыми волосами, зачесанными на пробор, заколотыми блестящей скрепкой с синими стразами. Она была в джинсах и майке, что ему сразу очень понравилась.

– Нет, только вот эти самые фамилии, – ответил старший лейтенант, чувствуя свои полные права сотрудника райотдела милиции в любой момент для расследования воспользоваться услугами архивариуса.

Симпатичная сотрудница, захватив с собой заявку, отправилась искать на полках стеллажей то, о чем просил неженатый молодой офицер, проявивший себя в учебе, изъявивший желание в конце рабочего дня снова надеть на себя маску делового человека, появиться там, куда он заходил почти каждый день. Следователь Кирьянов хотел найти исторические документы, связанные с криминальным миром того района, куда его направили от вуза, который он закончил всего лишь месяц назад. Так он окунулся в омут преступлений, расследуя самые подробности исчезновения девушки.

Обращать внимание на красивых дам бальзаковского возраста, ему было некогда, но общаться на работе с представительницами слабого пола он был просто вынужден, чтобы не выглядеть белой вороной среди стаи лебедей. Принимая меры безопасности по борьбе с организованной преступностью, следователь Кирьянов удивлялся боеспособности старших офицеров, умудрявшихся быть на передовой позиции в определении своего места среди коллег и умении руководить отрядами ОМОН для проведения сложных операций в деле обезвреживания рецидивистов.

– Вот, это все, что я нашла. Распишитесь вот здесь, – передавая три папки с разными шифрами, сказала миловидная сотрудница – Маша.

– Спасибо, а как вы смотрите на то, чтобы встретиться вне рабочего времени? – спросил офицер с желанием продолжить знакомство где-то в кафе или кинотеатре.

– Признаюсь, что вечером иду на занятия по фехтованию в спортивное общество «Спартак», – ответила архивариус, принимая оборонительную позицию.

– Могу вас сопровождать, если не назначили свидания кому-то еще, – сориентировался детектив, используя каждый шанс, чтобы внушить к себе доверие, так как изучать материалы ему сейчас было некогда, но сдавать их надо было немедленно, так как рабочий день подошел к своему завершению.

– Вы хотите сказать, чтобы я записала на вас эти дела? – пятясь назад от своеобразного прилавка с откидывающейся крышкой, ответила дисциплинированная сотрудница милиции.

Следователь Кирьянов посмотрел на часы, подсчитал, сколько времени пойдет на обед в ближайшем кафе и прогулку до спортзала, находящегося рядом с паспортным столом, куда идти уже было поздно. Поэтому он решил отложить данное мероприятие на завтра. Он хотел войти в доверие к Маше.

– Если не трудно, запиши, – признался он пунктуальной спортсменке, уязвленной его постоянными просьбами.

– Хорошо. Поставлю завтрашнее число и время, когда вы приходили. Но учтите, без опозданий, – пригрозила она, записывая себе на листке какие-то координаты, чтобы он мог прийти и вернуть завершенные дела.

Следователь Кирьянов был согласен на такой положительный ответ. Выяснять свои мотивы поведения у сотрудницы он решил по пути с работы, чтобы она сама видела его рвение сделать карьеру в правоохранительных органах. Он подождал, пока Маша закрыла архив на ключ, а потом вдвоем они поднялись на первый этаж, через переход вышли на проходную, не прощаясь, прошли через вертушку под пристальным взглядом дежурного по отделению. Следователь Кирьянов тоже был включен в список лиц, кто должен был периодически сдавать нормы ГТО, прыгать с парашюта, дежурить около автостанции, вносить свой посильный вклад в дело воспитания молодежи, посещая танцы, летние кафе и парки.

Они вдвоем вышли из цейтнота. По ходу движения трамвая миновали два квартала, оказались около спортивного комплекса, куда он ходил в детстве, посещая открытый каток, играя в хоккей с друзьями, кому не раз приходилось получать штрафные очки за грубое поведение на спортивной площадке.

Все принадлежности по фехтованию Маша хранила в шкафчике, запертом на ключ. Следователь Кирьянов остался наблюдать за своей пассией на трибуне, а она, переодевшись, вышла во всей красе – в шлеме и белой форме – тренироваться в зал для приобретения хорошего самочувствия и стимула в личной жизни, который сидел на трибуне, наблюдая за ее прыжками. Он одновременно без всякого профессионального интереса листал исписанные страницы потертых папок, в которых хранились фотографии и личные дела каждого члена семьи Шмюк —Безбедновых.

«Они приехали в СССР сразу после окончания гражданской войны из Западной Украины на границе с Польшей. Получили статус беженцев, а затем были отправлены на проживание в Марковский район, в село Екатериновка», – выяснил сыщик.

«Как будто все ясно. Виктор Шмюк, которого убил Никифор Безбеднов, отбывал наказание в период Великой Отечественной войны за кражу картофеля, поэтому его не забрали в штрафной батальон, а отправили в Сибирь, подальше от встречи со своими соотечественниками. Там он не был замечен в правонарушениях, благодаря этому он избежал продолжения», – читая дело о составе преступления, выяснял следователь.

По ходу чтения новый поклонник рапиристкой удивлялся изворотливости Маши, когда ей удавалось избежать укола противника по тренировке, отскакивая назад как белка.

«Вернулся он сразу после войны к себе в район, женился. У них родилась дочь Галя – племянница Безбеднова, которую надо отыскать. Жена, наверно или умерла, или разошлись. Ребенка оставила на попечение отца. Когда дочь подросла, он отправил ее в город к родному брату, чтобы она получила образование нянечки дошкольного учреждения, а потом устроилась на работу для продвижения по карьерной лестнице. Все логично. Как-то надо выживать в условиях послевоенной разрухи», – рассуждал милиционер, перекладывая одну папку и аккуратно открывая другую.

«Пока один пять лет, назло себе, находился в Сибири за кражу, другого забрали в Красную армию, где ему удалось перейти на сторону фашистов, чтобы не погибнуть под пулями, а вести подрывную деятельность предателя. После войны он сменил фамилию Шмюк на Безбеднов и успешно укоренился в городе».

«Однако сколько у них было детей? Это остается загадкой для размышления», – читая подписи юристов и адвокатов, поражался следователь Кирьянов.

«Думаю, что замена фамилии на Безбеднов стала главной причиной смерти одного из братьев, который не принял порядки государства, которое позволило ему выжить после военной разрухи. За то он же убил своего родственника, чтобы тот, вернувшийся из Сибири, не выдал тайну его участия в карательных операциях, предательство и расстрел мирного населения, проживавшего на приграничной территории с Белоруссией. Так как такая фамилия и те же инициалы упоминались в сводках Совинформбюро, приложенных к делу о реабилитации его брата-близнеца, кого он убил в хозяйском сарае. У брата Никифора Безбеднова было прежнее имя – Эдвард Шмюк, как указано в донесениях, а отчество одинаковое – Арнольдович, которое убийца сменил на Полуянович, скрываясь от правосудия. Кто-то специально не хотел рекламировать эти данные, чтобы шантажом жить спокойной жизнью, разводя кур. А вот, кстати, свидетельство о браке Безбеднова Н. с Осокиной Т., продавщицей мороженого. Этими сведениями они сбивали с толку поиск военного преступника. Надо посмотреть в паспортном столе, кто такая Осокина? Ну, это на завтра», – закончил читать следователь Кирьянов как раз в тот момент, когда к нему подошла подруга Маша, вернувшаяся из раздевалки после тренировки на рапирах.

– Я готова, мы можем идти, – сказала она, лучезарно улыбаясь своему поклоннику. – Как у тебя дела? Все прочитал?

– Отлично. И я ознакомился с архивными данными. Теперь у меня есть претензии к работникам Общепита. Не желаешь зайти в какое-нибудь сносное кафе и поужинать? – предложил дознаватель, надеясь на согласие милой девушки.

– Хорошо. Пойдем, – с иронией ответила Маша, изрядно уставшая после сорокапятиминутного расслабления на спортивной площадке. – Мне тоже хочется прогуляться и перекусить.

Вдвоем они прошли на выход. Маша кивком головы простилась со своей соперницей, которая нанесла ей только три укола. До предполагаемого кафе они быстрым шагом дошли за десять минут. Заняли столик у окна рядом с кашпо, стоящим на подоконнике. Выбрали то, что показалось им наиболее приемлемым по цене. Заплатив приличную сумму, они хорошо поужинали салатом из овощей и мясом, приготовленным на пару с гарниром. Выпили две чашечки кофе с пирожным. В отличном настроении, получив массу удовольствия от общения, продолжили прогулку.

Владимир Кирьянов проводил Машу до дома в надежде встретиться завтра, вернуть ей папки, выписки и копии которых он собирался сделать дома, а на работе в райотделе милиции поставить печать, заверив у своих коллег. Он возвращался домой, обдумывая один за другим план ликвидации преступности. Дело о пропаже девушке стояло у него на повестке дня.

Дома он сделал копии узаконивания Виктора Шмюка в своих правах, как доказательство его невиновности в террористических операциях нацистов, где принимал деятельностное участие его брат-близнец – Шмюк Э. А., сменивший имя и фамилию на Безбеднов Н. П. Гражданин Безбеднов, бывшая Осокина, оказалась у него под подозрением. Поэтому дознавателю надо было снова появиться у них в доме. Но предварительно зайти к соседям, чтобы они охарактеризовали кратко всех обитателей особняка с загадочной репутацией.

Следователь Кирьянов в первое посещение не заметил никаких предметов культа, украшений или сувениров в комнате-кухне. Все у них было крайне аскетично, без украшательств, о чем кричали модные журналы. Кружевные салфетки, так распространенные в Западной Европе, тоже отсутствовали. Утоптаный, как асфальт, двор без травы, деревьев и клумбы не видел лопаты или граблей в течение десятков лет. Видно было, что изредка там подметали, после удаления куриных перьев и пуха.

«Рачительные хозяева, настоящие бюргеры, которые при всей их занятости не поленятся, а приберут, чтобы гости не чувствовали неудобств. Но железная кровать племянницы напо-

минала тюремное ложе без простыней и подушки. Как будто белье сняли специально, чтобы скрыть следы преступления или кровавой драмы. Если представить, что с племянницей что-то случилось, а родственники стремятся ввести в заблуждение сотрудников яслей, которые первые хотели наложить на пропавшую девушку административное взыскание, а самой Таисии Безбедновой ничего не оставалось делать, как написать заявление под нажимом директора яслей – гражданки Петровой», – рассуждая, таким образом, следователь Кирьянов дошел до дома.

Вечером он сделал, что намеревался, снова углубившись в чтение дел Безбеднов – Шмюк.

«С вором картофеля я разобрался, а вот профессиональный нацист и убийца – Эдвард Шмюк, отсидевший срок за ограбление сберкассы, ставший Никифором Безбедновым, продолжил свою тайную деятельную подрывную политику по ликвидации каждого проявления демократизации общества», – с досадой думал оперативник. «Он мог испугаться, что его брат будет шантажировать, чем тот занимался, чтобы заполучить работника на своем дачном участке. Надо проверить, с кем он вернулся с войны, или кто менял фамилию в тот период по этому району. А нет ли у них еще каких-то родственников, кто мог быть заинтересованным в присвоении частной собственности? В селе Екатериновка они вчетвером проживали в доме пожилой пенсионерки, которая скончалась. Она завещала им свой дом из-за отсутствия наследников, которые погибли на фронтах Первой Мировой войны. Теперь понятна эта вынужденная эмиграция, чтобы принять пленных, доказав им свое добрососедское отношение», – засыпая, думал следователь Кирьянов, вспоминая изредка лицо архивариуса Маши, с кем он хорошо провел вечер, гуляя по городу, посещая спортивный зал и кафе.

На другой день на совещании, когда собрались все сотрудники милиции, генерал Кедров высказал дельное предложение:

– Надо всем сотрудникам пройти медкомиссию, так как участились случаи венерических заболеваний. Если будут вопросы, обращайтесь ко мне за пропуском в нашу ведомственную поликлинику.

Потом каждый милиционер доложил о проведенных оперативных мероприятиях. Когда подошла очередь следователя Кирьянова, он встал с видом человека, получившего ответственное задание, поправляя пуговицы на форме, сказал:

– Расследование по поиску исчезнувшей гражданки Безбедновой движется медленно, так как нет ни одной версии, а свидетели утверждают, что она никуда из дома не отлучалась.

– Сегодня мы знаем, что фамилия этой исчезнувшей гражданки фигурирует в другом деле по двойному убийству. Проверьте, нет ли у нее визитов к сотрудникам по работе, – предложил генерал Кедров следователю Кирьянову пообщаться с воспитателями и заведующей яслями.

Тем не менее, дознавателю надо было отнести документы в архив, зайти в паспортный стол, договориться с кинологом на обследование двора Безбедновых с собакой, пригласить сотрудников для разговора или самому зайти в ясли, чтобы они могли дать ниточку к поиску девушки.

«Кто-то должен знать», – вспомнил следователь Кирьянов высказывание пожилого пенсионера, когда он опрашивал соседей уголовного дома по той же улице.

Он отнес дела в архив, заметив, что у архивариуса Маши отличное настроение. В паспортном столе, находящемся в соседнем корпусе, он искал в журнале записей актов гражданского обмена паспортов, тех, кто менял документы, получая новые взамен утерянных. Фамилии были записаны последовательно без алфавита. Но уделять много времени данному поиску ему не пришлось, так как он сразу обнаружил выдачу паспортов Безбеднову и Осокиной в один год по одному месту жительства.

«Однако сколько сразу появилось вопросов без ответов», – думал он, концентрируя внимание.

«Как они одновременно потеряли документы? Что-то за этим всем скрывалось?» – разглядывая даты подачи заявлений в один день, спрашивал себя оперативник.

«А вообще-то всякое могло случиться... Переезд из одного места жительства в другое вместе на попутной машине, знакомство, плохие погодные условия, преднамеренная забывчивость... Да мало ли? Объяснения отсутствуют. Это плохо. Наверно получение паспортов производилась в срочном порядке или по знакомству за один день. Вот как указано здесь», – милиционер прочитал ту же самую дату выдачи в день обращения – 2 июня 1945 года.

«Какая спешная работа! Подпись начальника органа внутренних дел неразборчивая без расшифровки. Все сработано очень грамотно. Не придерешься. Никто сюда не обращался ранее для поиска государственного преступника, о котором трубила вся зарубежная пресса. Списки печатались постоянно для всеобщего обозрения. У нас есть все фамилии этих лиц с инициалами в недавних разработках. Фамилия Шмюк фигурировала там, если мне не изменяет память, но с другими инициалами не того человека, который проживал круглый год на дачном участке, как будто прятался от правосудия. Вот этим делом занимался мой предшественник, который искал государственных преступников, но ушел на пенсию по инвалидности. Да, хороший был человек, но умер недавно по болезни или ему помогли? Вот это тоже загадка. Кто-то знал о его ранениях в госпитале, если рассуждать по той же схеме. Но и другой вариант тоже не исключен, как советовал генерал, предшественник нашего руководителя. Кому-то нравились все эти перестановки...» – размышления завели следователя Кириянова в тупик, но он не успокаивался, а продолжал рассматривать Советский герб с колосьями, восходящим солнцем, лентами, перекрещенным серпом и молотом на фоне земного шара.

«Фотографии рядом стоящих лиц в списке, получивших паспорта в тот же счастливый для них день отсутствуют. Хотя надо обратиться в архив к Маше. Наверняка она сможет сказать что-то вразумительное по этому поводу. Хорошо. Отложим это свидание на вечер. Надо узнать, куда архивариус сегодня направится после работы. У нее всегда масса безотлагательных забот, но мы неплохо посидели с ней вчера в кафе. Если такая привычка привьется, то через месяц сделаю ей предложение руки и сердца по всем правилам, и мы поженимся. Устроить это можем в спешном порядке. Вот здесь и лежит ключ к раскрытию преступления, совершенного каким-то третьим лицом, чья вина прослеживается очень явно, кому не нужно было разглашать сведения о происхождении еще двух женщин, стоящих рядом по списку, приобретших паспорта с новой пропиской и фамилией: Мельниченко и Гузанова. Прямо сельхозпроизводители какие-то участвовали в восстановлении разрушенного хозяйства страны. А фамилия Осокина – тип сорняка среди орошаемого земледелия. О прежней фамилии женщины ничего не было сказано. Затем она, по-видимому, сменила свою фамилию на фамилию мужа.

Интересную загадку представил этот третий, у которого был отличный опыт в ведении дел юридического характера. Значит, его инициалы или подпись есть где-то у нас, как сотрудника милиции. Надо полистать журнал, чтобы уяснить, кто работал в тот период на месте начальника по оформлению паспортов. Возможно, эти люди связаны кровным родством, раз их оформили без юридических проблем. Подпись можно изменить, подделать, но графологическая экспертиза сможет определить характер или привычки человека по мелким штрихам. Криминальный характер преступления хорошо прослеживается, потому что сокрыты деяния некоторых лиц под фамилией Шмюк, кого мертвым под другим именем и отчеством нашли убитым в сарае, а рядом повесился сам убийца на потолочной балке.

Есть вероятность, что тот, кто оформлял документы, не знал о преступном прошлом Шмюка Э. А. или полагал, преступления не настолько тягостны, что могут рассматриваться как уголовно наказуемые. Но почему у пропавшей племянницы такая же фамилия?» – удивился дознаватель, перед которым разворачивалось преступное прошлое тех пяти фигурантов, кто сменил паспорта на новые.

«Возможно, она надеялась, что так ей легче будет устроиться на работу», – решил сыщик, вспоминая из уроков истории, каким гонениям подвергались дети мигрантов, переселившиеся из приграничных территорий с Турцией, Украиной, Молдовой, Прибалтикой, Китаем, но вскоре возвратившиеся на родину.

«В войну они могли быть заняты чем угодно, вплоть до работы в концентрационных лагерях смерти строителями, надзирателями, детскими воспитателями, врачами, уборщиками», – пренебрегая усталостью, неутомимый сыщик снова пришел к однозначному выводу.

Он поискал в журнале сведения за последние два года и действительно обнаружил, что такая гражданка со свидетельством о рождении на имя Шмюк Галины, получила паспорт РФ с другой фамилией – Безбеднова, а родственники удочерили свою племянницу, поручившись за нее. Пустили к себе в дом помощницей по хозяйству. Изобретательность хозяйки дома, жившей под одной крышей с государственным преступником, заставила снова задуматься сыщика.

«Наверняка их связывала давняя дружба, если они вернулись откуда-то одновременно с этими женщина, судя по записи актов гражданского состояния. Можно только догадываться, но прямые улики виновности их в каких-то отклонениях от нормы отсутствовали. Года рождения и даты появления на свет у трех женщин разные. Они потеряли документы в послевоенной суматохе. Что реально говорит об отсутствии связи по учебе, но отчества, как ни странно, совпадают – Викторовны – вполне русские.

Самая старшая, судя по годам, Таисия. Средняя – Елизавета, а младшая – Дарья. Если это три сестры, то имена их изменены до неузнаваемости, так же как произошло сказочное изменение имени нациста Эдварда Арнольдовича на законопослушного гражданина – Никифора Полуяновича, который умудрился поучаствовать в ограблении сберкассы, получив внушительный срок за убийство инкассатора. Тут уже не придерешься к происхождению. Но есть ли в русском языке имя Полуян? Об этом история умалчивает. Очень похоже на белорусские корни», – отмахнувшись от дальнейших поисков, следователь Кириянов отдал журнал регистрации приезжих за 1945 год паспортистке.

Он, как намеревался, зашел к ветеринару, чтобы уяснить, когда можно пойти с собакой по месту бывшего проживания пропавшей Гали Безбедновой.

– Меня не надо торопить. Сегодня после обеда приходите, сейчас у нас все свободные собаки на тренировке. Их учат ходить по бревну, ловить убегающего преступника, – заявил кинолог, записывая новый вызов к себе в журнал с требованиями.

Получив отлуп, оперативник направился по месту бывшей работы девушки – в детские ясли. Заведующая комплексом ясли-сад Петрова Анна Васильевна, сидевшая прямо на полу с полуторагодовалыми младенцами, переодевала своего маленького принца в новый костюмчик. Она кокетливо улыбалась. Некоторые дети ходили около невысокого шкафчика, где лежали резиновые животные, деревянные кубики и пирамидки. Кто-то из малышей сидел за столиком, кое-кто рассматривал с интересом игрушку. У кого-то состоялся разговор по душам.

– Могу с вами поговорить, Анна Васильевна, по поводу вашей бывшей сотрудницы, уволенной с работы, – спросил дознаватель, заметив, что женщина уже готова с ним общаться, так как она предоставила ребенку двигаться самостоятельно.

Свое удостоверение следователь Кириянов, как положено, предоставил заведующей в раскрытом виде.

– Я вас слушаю, – спросила Анна Васильевна, поднимаясь с пола.

– Не замечали вы чего-то особенного во внешнем облике вашей бывшей сотрудницы, о которой вы писали докладную нам в милицию и в Райздравотдел? – спросил сыщик, переложив кожаную папку с молнией в другую руку, открыл дело, развязав веревочки.

Он нашел лист с подписью Петровой.

– Нет. Все как обычно. Но ее поведение мне нравилось. Она никогда не спорила, была доброжелательной и спокойной. Работала первый месяц, как практикантка. Собиралась здесь остаться после выхода из декрета, – ответила женщина, охарактеризовав свою бывшую сотрудницу с самой лучшей стороны.

– Так. Понятно. Она собиралась рожать, – продолжил дознаватель выяснять детали своего расследования. – Обращалась ли она к врачу, вы не знаете? Кто был отец ребенка?

– Собиралась пойти и встать на учет по беременности. Говорила, что сходит в поликлинику в ближайшие дни. Но с тех пор прошло дней десять, поэтому мы нашли нужным написать во все инстанции, чтобы на нас не повесили, что мы будто притесняем практикантов, – сказала заведующая, наблюдая за своими питомцами.

– Любопытно, – удивился следователь Кирьянов.

– Там у нее проблемы были с медкнижкой. Она пришла к нам по направлению из дошкольно-педагогического училища. Получила медкнижку, заверив врачей, что сходит к гинекологу. Как она сама мне сказала «ее зафиксируют в роддоме». Вообще, вы сами понимаете, о чем идет речь. Для мужчин это бывает мало понятно, – пояснила женщина.

– Спасибо. Вот теперь хочу выяснить, нет ли у вас ее личных вещей? – снова спросил дознаватель, намереваясь выяснить все до конца, чтобы не возвращаться к этому вопросу.

– Никаких чужих вещей у нас нет. Примите это к сведению. Все здесь государственное: и мебель, и раскладушки, и белье, и кастрюли, и ложки, и горшки, – решила завершить разговор Анна Васильевна, останавливая руками бегущего карапуза.

– Она питалась вместе с вами? – спросил сыщик вежливо, не собираясь покидать такое уютное гнездышко.

– Конечно. Мы едим только компот и печенье. Но детям даем молоко, кефир с хлебом. По утрам варим манную кашу тем, кто умеет кушать ложкой. Ну, это наши проблемы. Дети у нас все ухоженные. Родители их не жалуются, но хотели бы, чтобы приняли новую сотрудницу на помощь нам. Так легче было бы справляться с обязанностями. Есть кандидатуры. Одна девушка уже оформляется, проходит медкомиссию. Ждем, не дождемся, – с оптимизмом заверила Анна Васильевна, принимая сторону следователя Кирьянова. – Свято место пусто не бывает...

– Верно, но если что-то случайно узнаете о пропавшей сотруднице, позвоните мне в райотдел, – дознаватель записал ей свой рабочий телефон в ежедневник. – Хотя думаю, что вряд ли. Мы сами сделаем все от нас зависящее.

– У меня ваш номер телефона есть. Спасибо, – заведующая показала перекидной календарь, где были записаны те же цифры.

Следователь ушел из детского учреждения. Он, как обещал, снова появился у кинолога рядом с загоном, где сидели две овчарки немецкой породы после тренировок с поимкой преступника.

– Теперь мы готовы пойти по вашему требованию. Эльба – отличная служебная овчарка найдет труп из-под земли, – похвалил ветеринар дрессированных животных.

Он надел намордник на Эльбу. Они решили дойти до дома Безбедновых пешком по скверу. Прогулка отняла максимум пятнадцать минут. Следователь Кирьянов постучался в дощатую калитку громко, но никто долго не открывал. Они толкнули дверь. Калитка распахнулась. Подошли к входному парадному, недавно ровно выкрашенному красной масляной краской без истертостей. Им навстречу появилась хозяйка дома в своем обычном виде – светлом ситцевом платке, такой же кофте и юбке.

– Здравствуйте, проходите, – хозяйка провела их во двор.

– Таисия Викторовна, мы хотим осмотреть, есть ли у вас вещи племянницы, чтобы собака взяла след? – спросил сыщик, наблюдая за недовольным выражением лица женщины, как будто ее кто-то не вовремя разбудил, вытащив на улицу без разрешения.

– Вот здесь она спала, – под нажимом призналась родственница пропавшей девушки, указывая на железную кровать, застеленную, как раньше, темным тонким одеялом.

Эльба подошла к кровати, обнюхивая место, где спала последние дни, как в воду канувшая, практикантка-воспитательница яслей. Повернувшись в противоположную сторону, дрессированное животное выбежало во двор к курятнику. Толкнуло носом дверь в систему птичника и отхожего места одновременно, где выгребная яма была устлана редкими досками. Эльба остановилось в нерешительности, присела на тщательно подметенную, но, не смотря на это, пыльную землю. Кинолог и следователь Кирьянов внимательно следили за передвижениями Эльбы.

– Эта дверь куда-то дальше ведет на другую улицу? – спросил сыщик, заметив, что животное зашло в тупик, повернувшись, отошло в сторону от курятника, где вся выгребная яма, судя по запаху, была засыпана дезинфицирующим белым порошком.

– Нет. Там стена, – четко отделяя слова, ответила собственница дома, двора и дощатого курятника, откуда высыпали птицы, кудахча и гогоча, когда она открыла нараспашку две двери.

– Ну, вот, как и в прошлый раз, – провозгласил кинолог, хватая Эльбу за кожаный ремешок, пристегивая длинный поводок. – Будем ждать, когда гашеная известь выветрится, чтобы найти следы вашей племянницы. А сейчас... – он сделал многозначительную паузу, – мы с вами распрощаемся.

– Что же, если следы отсутствуют, будем разрабатывать свою версию исчезновения, – сказал следователь Кирьянов, больше обращаясь к кинологу, чем к заявительнице, чье любопытство брало верх над разумом.

Она снова загнала молча кур в птичник, взяла из коробки пшено, насыпала в длинный желоб рядом с насестом, предназначенный для кормления домашней птицы. Там под насестом видны были места в пуху и перьях, куда куры откладывали яйца. Чистая вода была налита в ведре. Затем рачительная хозяйка закрыла входные двери в курятник на вертушку, не обращая внимания, что оба сотрудника милиции и собака вышли через калитку на улицу с удрученными выражениями лиц, собираясь вернуться.

– Мне понятно, что Эльба не ошиблась с направлением, но искать дальше пока рано. Надо вызывать специальных сотрудников автохозяйства, – признался сыщик Кирьянов кинологу, когда тот по шее похлопывал Эльбу, выдрессированную в питомнике.

– Она знает свое дело, никогда не ошибается. Но думаю в данном случае, второго визита с собакой не потребуется. Такая эта хозяйственная и гостеприимная жена, что ужасное впечатление оставляет их куриная дисциплина. Но с психологией людей я знаком в теории, а на практике все случается. Видимо, хозяйка беременная. Она передвигается ловко, сноровисто, – заключил кинолог, закуривая.

– Не заметил ничего особенного в ее поведении. Думаю, можно договориться с ней. Предложить проехать с нами, когда потребуется для опознания, если мы найдем тело пропавшей племянницы, – с тоской по окончанию следствия, сказал следователь Кирьянов.

Он зафиксировал у себя в тетради сделанный осмотр двора с собакой, чтобы отчитаться перед руководством за проведенную работу, поиск вещественных доказательств или отсутствие оных. Сотрудники милиции вернулись в отделение. Следователь Кирьянов распрощался с кинологом, а сам зашел к генералу Кедрову, чтобы доложить о следе, который собака взяла, но через пять минут потеряла.

– Знаю, что были по месту жительства заявительницы Безбедновой. Хорошо сделали. Наши собаководы никогда никого не подводили, – стал настаивать генерал, с одобрением глядя на своего подчиненного. – Наверняка в их дворе или доме есть зацепка. Нашли то, о чем я говорю?

– Эльба потеряла нюх около курятника, где рядом расположено отхожее место, усыпанное гашеной известью. След пропавшей гражданки Безбедновой исчез, поэтому нужны сотрудники

автохозяйства, кто будет заниматься изучением содержимого всего сарая. Есть подозрения, что мы на правильном пути, – признался сыщик, но с некоторым отчуждением анализируя свои новые предстоящие расследования, когда одно дело еще не было завершено, а предстояло много доделать.

– Действуйте по вашему усмотрению. Но не забудьте доложить мне о результатах, – поддержал его генерал Кедров.

Следователь Кирьянов покинул кабинет вышестоящего руководителя с желанием привести в исполнение свои планы по изучению архивных фотографий за те года, когда получили паспорта, подозреваемые в деле о двойном убийстве. Кто был как-то связан с погибшими на дачном участке. Он появился в «библиотеке преступлений», как он сам для себя обозначил комнату со стеллажами, где в папках находились раскрытые дела. Архивариус Маша посмотрела на своего друга с участием.

– Маша, у вас есть фото граждан принятые в 1945 году для замены паспортов после потери? – хотел уяснить дознаватель некоторые факты по делу о двойном убийстве, чтобы в деле поставить жирную точку.

– Нет. Ничего такого у нас не имеется. Но лучше спросите у тех, кто работал до меня или в фотолаборатории, – ответила она, кокетливо глядя на своего жениха.

Следователь Кирьянов смутился ее голубых глаз с черными накрашенными ресницами.

– Идем сегодня вместе домой? – спросил он у девушки. – Буду ждать тебя на проходной.

– Могу дойти без провожатых, но посетить кафе буду рада, – ответила Маша, сочетая в себе сотрудника милиции и спортсменку.

– Договорились, – обрадовался старший лейтенант, добившись продвижения по служебной лестнице в глазах сотрудницы.

«Следовательно, вечером надо будет узнать, кто из нас двоих собирается принять участие в предстоящем кроссе по пересеченной местности», – подумал сыщик, снова направляясь в паспортный стол. «Обязан срочно позвонить в морг и автохозяйство, если найдем труп во владениях дома Безбедновой, чтобы выдали машину для вывоза оттуда мусора. Может быть, кто-то зарыл тело во дворе у порога или рядом с курятником, а потом утрамбовали землю. Не зря Эльба отошла к забору, показывая, что след потерян», – решил он, поднимаясь к себе в кабинет.

Там он, не присаживаясь за стол, только отложив папку с молнией на стеллаж с нераскрытыми делами, набрал номер телефона гаража городского автохозяйства:

– Вам звонят из райотдела милиции, – сыщик назвал свою фамилию и координаты. – Нам срочно надо записать наряд-заказ на две машины: труповозку и для очистки отхожих мест.

– Понятно. Вам смогут предоставить эти машины через час, сегодня они уже получили разнарядку. Записываю, транспорт для морга и ассенизаторскую машину для очистки выгребной ямы. После согласования всех нюансов с водителями, обе машины будут готовы выехать и произвести работы. Говорите адрес, – потребовал женский голос оператора гаража.

Следователь Кирьянов назвал номер дома по улице Шевченко, где проживала семья Безбедновых, откуда пропала их племянница Галя. Он тоже должен был прийти, чтобы вместе с сотрудниками автохозяйства написать протокол обследования, помогая одинокой женщине справиться с трудностями, когда ее родственников адресовали в морг. Он собирался затем вместе с гражданкой Таисией Безбедновой, подозреваемой сыщиком в соучастии в злодеяниях мужа в годы Великой Отечественной войны, направиться туда же для опознания трупов мужа и деверя.

«Можно сходить в паспортный стол, посмотреть фотографии послевоенных времен. Думаю, что у них сохранились копии с фамилиями и именами. Всегда оставались пять или две карточки, надо уточнить. Приклеивали только одну карточку размером три на четыре. Выясню, если что-то есть у них в закромах», – рассуждал оперативник, когда вышел из своего кабинета.

Пройдя метров двадцать, оказался рядом с дверью, ведущей в кабинет паспортистки. Женщина в форме улыбнулась, заметив его вторичное появление в ее чертогах:

– Опять пришли по нашу душу? Сколько раз еще появитесь?

– Да. Хочу найти фото тех, кто получил новые паспорта в 1945 году в нашем районе, если копии снимков у вас сохранились, – сказал милиционер, облачаясь на подставку перед окошечком выдачи документа.

– Сейчас посмотрим, что найду, – сотрудница согласилась помочь следователю Кирьянову в деле о выявлении государственных преступников, проживающих на территории областного центра.

Она отвернулась от окошка, наклонилась, открыла дверцу письменного стола, где находились все карточки за те истекшие годы. Достала большой конверт, завернутый в газету, передала своему коллеге, чтобы он сам разобрался, сверяя с журналом, где были записаны фамилии заявителей. Заодно сыщик хотел выяснить, кто помог им получить новые документы, узнать его фамилию, адрес и место проживания, как прежнего начальника органа внутренних дел. Порывшись среди мелких снимков на документы, следователь не терял чувства времени. Он следил строго по часам, так как ему надо было явиться на улицу Шевченко, зафиксировать приезд двух машин из автохозяйства города, чтобы они там разобрались по своему усмотрению.

Заложив двадцать минут на поиск фотографий граждан Осокиной Т. В., Безбеднова Н. П., Мельниченко Е. В., Гузановой О. В., сыщик стал раскладывать скрепленные листы с заявлениями и объяснительными записками. Дел оказалось мало. Все четыре заявления лежали друг за другом на месте с прикрепленными фотографиями. Наконец удача улыбнулась сыщику. Он взял эти листы, чтобы показать эксперту Семенюку на предмет кровного родства женщин с разными фамилиями. Но требовалось соблюсти формальности. Написать заявление на временное изъятие документов из архивного фонда. Что следователь Кирьянов сделал неукоснительно. Когда он рассматривал фото женщин тех времен, то обнаружил несомненное сходство.

«Это три сестры», – понял милиционер окончательно. «В войну они тоже не теряли время даром, а зарабатывали. Думаю, что Таисия Безбеднова, которая подала заявку на поиск своей племянницы, с кем я встречался в особнячке, та самая Осокина была сообщницей нациста Шмюка Э. А.. Могла работать под его началом. Можно сделать запрос в Германию, чтобы выслали списки с копиями фотографий женщин, принимавших участие в расстреле мирных жителей в концлагерях на территории Украины, Белоруссии, Польши, Чехословакии. Несомненно, эти данные у них сохранились. Если такие сведения я получу, то смогу сравнить снимки с теми, которые уже у меня есть в наличии», – представил следователь Кирьянов свои дальнейшие шаги.

Он взглянул на часы, ускорив шаг, понимая, что опаздывает к месту событий. Новое направление расследования успокоило и воодушевило детектива.

«Машины наверняка уже стоят, ждут моего появления. В таких случаях они всегда успевают», – раздосадованный милиционер, применив дедуктивный метод расследования, заключил про себя как Эркюль Пуаро с серыми клеточками мозга.

Казалось, что земля горела у него под ногами, когда он повернул за угол улицы Шевченко, то увидел две заказанные машины, стоящие буквой «Г» около подозрительного особняка, а у калитки он увидел двух разговаривающих женщин. В одной из них он узнал хозяйку дома Безбеднову в той же светлой косынке, такой же юбке и блузке. Вторая, подошедшая к ней подруга, немедленно исчезла. Выглядела она примерно также, но была чуть выше ростом, без платка. Одета была в темный летний цветной костюм, как будто казалась гораздо моложе, задорнее и разговорчивее.

«Прилетела ворона. Очень похоже, что еще одна сестра с новым паспортом появилась на горизонте. Если кого-то из них арестуют, то другая наследница останется жить в собственном доме. Вот они у меня обе на подозрении... Свято место пусто не бывает...», – вспомнил он слова Анны Васильевны – заведующей яслями.

Невдалеке выстроились все соседи углового дома с детьми, кого он даже не успел опросить, но надеялся сделать это в ближайшие дни. Когда он подошел к первой машине, чтобы выяснить их цель, то оба шофера с протянутыми ему путевками, стояли около него.

– Давно приехали? – спросил следователь Кирьянов, отмечая время своего появления в путевом листе водителей.

Они с усмешкой забрали тонкие желтые страницы.

– Нет. Минут пять стоим, наблюдаем со всеми свидетелями. Видно серьезное дело, раз столько народу мы собрали вокруг себя. Задержимся потом, чтобы перекусить. Нам приплюсуя эти пять минут на обед, – считая свой трудовой стаж, заметили шофера, предлагая сыщику начать обследовать нужный участок.

– Сделаем, что надо. Пойду, поздороваюсь с хозяйкой дома. А вы по моему кивку заезжайте во двор, когда ворота раскроются, – вслух сказал милиционер.

Следователь Кирьянов с папкой под мышкой постучался в калитку. Когда ему открыли, он подошел к Таисии Безбедновой, прошел во двор самостоятельно, так как женщина успела зайти на свою территорию.

– Откройте ворота. Нам нужно срочно очистить отхожее место рядом с курятником. А кур можете не тревожить, – приказал милиционер.

– Разрешение у вас есть? – спросила женщина, не показывая своих глаз из-под платка.

– Все есть. Я сам сейчас открою, – с этими словами милиционер, отодвинув засов забора, открыл ворота.

Он посмотрел налево. Никого из соседнего дома на улице уже не было, но справа в отдалении он увидел ту же самую подругу хозяйки, которая подходила к ней. Кивнув водителю ассенизатору, чья машина уже стояла в проходе между клумбами, так как машины поменялись местами, тот въехал во двор, а санитары из катафалка санэпидстанции с носилками вошли следом. Ворота прикрыли. Через пятнадцать минут соседи из углового дома заметили, что на носилках вынесли что-то большое, спрятанное в темно-синий мешок, втащили сзади, положили на пол. Туда же сел следователь Кирьянов, не забыв отметить в путевых листах шоферов, что производственное задание выполнено, прибавив им час на обед. К нему подседа хозяйка дома в растрепанных чувствах, охая и стная, очевидно не ожидавшая такого поворота событий. Ворота закрыл шофер грузовика – ассенизатор, когда въехал на проезжую часть вслед за катафалком. Они двинулись по улице, пересекающей Шевченко по направлению к моргу. Следователь Кирьянов заметил, что две детские головы спрятались за парадной дверью углового дома, когда машины проезжали мимо с трупом жертвы.

Когда машины подъехали к цели, тело отправили на опознание в морг. А подозреваемую Таисию Безбеднову в укрывательстве государственного преступника посадили в КПЗ для дальнейшего расследования. Тут же дознаватель сообщил генералу Кедрову о найденном неопознанном трупе женщины в сарае рядом с курятником по адресу, где проживала пропавшая гражданка Галина Безбеднова, а главная подозреваемая в убийстве женщины сидит в камере.

– В паспортном столе получил все заявления исторического характера за сорок пятый год. Буду сравнивать фотографии лиц с реальными персонажами трагедии. Возможно, появится хоть одна зацепка, – добавил он под конец своего устного отчета.

– Хорошо. Держите меня в курсе. Я постараюсь вам помочь, чем смогу, но подозреваемую Безбеднову обязательно покажите врачам. Отведите, если потребуется, с сопровождающей нашей сотрудницей к парикмахеру и психологу. Нужно определить ее вменяемость, чтобы она опознала своих убитых родственников. Это без канители отнимет у вас весь завтрашний

день. Ну, а сегодня продолжайте сличать фотографии с паспортов. Если что-то очень срочное, звоните мне прямо домой, – заявил генерал Кедров, в рабочем порядке поблагодарив дознавателя в правильно спланированной операции, произведенной с его разрешения.

– Так точно, – сказал сыщик, проверяя наличие у пояса сзади пистолета и наручников, пристегнутых к шлице брюк.

– Письменный отчет мне потом на стол. Будем отправлять в прокуратуру, придется нам попотеть с этим процессом. Опять, если найдут грамматические ошибки или неправильный перенос, всю вину взвалят на весь уголовный розыск области, но могут передать дело на исследование в столицу. Вообще-то хлопот не оберешься. Правильно, что не стали разглашать подробности в местной газете. Слишком торопиться тоже не стоит, – изрек генерал Кедров с уважением, оценивая старания своего подчиненного.

Следователь Кирьянов ушел от руководства с чувством исполненного долга. Обнаружив труп женщины в отхожем месте во дворе дома заявительницы по улице Шевченко, шофера разъехались на обед. Теперь эксперту Семенюку надо было провести судебно-медицинскую экспертизу, а свидетельнице Таисии Безбедновой и подозреваемой в одном лице опознать, является ли покойницы ее племянницей.

«Если наши догадки подтвердятся, то дело можно будет передавать в суд, как сказал генерал Кедров. Остается сверить между собой разные карточки женщин, которые я взял в паспортном столе, на предмет находятся ли они между собой в кровном родстве», – решил сыщик, заходя в кабинет эксперта Семенюка, занятого срочным делом.

Но его на месте не оказалось, так как он ушел в морг, чтобы сделать анализ крови всех трех жертв: племянницы и двух братьев-близнецов, для уточнения их родственных отношений.

«Нотариус должен будет предъявить документы на право наследства, чтобы из тех денег похоронить покойников, так как у Таисии Безбедновой все меньше оставалось шансов выйти на свободу. Эксперт напишет эпикриз. Тогда уже будут на основании этой справки делать дальнейшие выводы о произошедшем. Почему скончалась молодая, в полном расцвете сил девушка?» – снова дознаватель задавал вопрос.

Он позвонил надзирателю СИЗО по местному телефону, когда вернулся в свой кабинет, разложив документы на столе:

– Вызовите в КПЗ психолога для беседы с только что заключенной под арест женщиной, подозреваемой в убийстве.

– Психолога ждут еще другие заключенные, поэтому лучше отвезти новенькую в психиатрическую лечебницу, где ей займутся специалисты в этой области. У нас машина сейчас имеется в наличии, – отрапортовал надзиратель.

– Хорошо. Будьте начеку. Возможны непредвиденные обстоятельства, – предупредил следователь Кирьянов, радуя за своих подчиненных. – Доложите мне, когда ее перевезут в поднадзорное учреждение. Если надо, все документы на ее задержание находятся у меня, – добавил он и повесил трубку.

– Так точно, – сказал дежурный сотрудник ведомственной охраны, ответственный за исполнение наказания в СИЗО.

Сыщик сел за стол. Он внимательно стал изучать карточки и личные дела, добытые им в паспортном столе.

«Черты лица очень похожи, но возраст с разницей в пять лет. Самая старшая – Таисия Безбеднова и две ее родные сестры, но с другими фамилиями. Та молодая женщина в темном костюме, которая стояла у ворот рядом с подозреваемой, наверно, младшая из сестер – Дарья Гузанова. Средняя – Лиза Мельниченко, по-видимому, проживает в другом городе. А где? Вот вопрос», – следователь Кирьянов убрал в стол заявления.

К нему в кабинет с самой арестованной появился солдат с автоматом за спиной и доложил:

– Привел для снятия отпечатков пальцев и отправки в лечебницу.

– Хорошо, спасибо. Можете ожидать за дверью, – поблагодарил дознаватель, так как должен был произвести предварительный допрос задержанной, подозреваемой в убийстве с отягощающими обстоятельствами. – Сейчас принесут нужные приспособления.

Эксперт Семенюк, находясь в морге, взял кровь на анализ у жертвы, найденной менее часа тому назад, положил пробирки в реторту. За это время санитары произвели проветривание помещения морга, как было положено по правилам, записанным в режиме работы специфического учреждения, где находились химические препараты и хирургические инструменты. Оставалось ждать результатов, чтобы узнать степень родства девушки с братьями-близнецами и опознания троих покойников арестованной Таисией Безбедновой. К этому шагу ее хотели подготовить, чтобы она смогла ответить на некоторые вопросы следователя Кирьянова. Эксперт вернулся к себе в лабораторию, поставил на стол реторту с тремя пробирками, помеченными мягким красным грифелем. Захватив накат для снятия отпечатков пальцев, поднялся в кабинет дознавателя. Рассуждать на философские темы ему было некогда, но проявить инициативу для помощи в расследовании он был обязан по долгу службы.

– Что тебя толкнуло на такой опрометчивый шаг, как убийство своей родственницы, а потом сокрытие этого проступка от органов милиции? – спросил следователь Кирьянов, пока эксперт снимал отпечатки пальцев у женщины, чье прошлое вызывало у него недоверие и антипатию.

– Я не убивала ее. Она сама туда упала случайно. Я ничего не знала об этом. Вы мне не приписывайте того, что я не делала, – с сильным акцентом сказала женщина в свое оправдание, нервничая, заикаясь, теребя косынку, съехавшую набок.

– Откуда у нее на голове обнаружили вмятину от удара тяжелым тупым предметом, а на лице – кровоподтеки? – спросил дознаватель, не соглашаясь с принятой нормой поведения у преступницы – безответственностью и вседозволенностью.

Лицо вдовы приняло восковой цвет, но, несомненно, было надменным, а лицемерные слова нисколько не умаляли ее виновности, не смотря на то, что она была беременной с небольшим сроком. Примерно четыре-пять месяцев.

– Поскользнулась на досках, упала и ударилась, – продолжала она настаивать, чтобы ввести в заблуждение следователя Кирьянова и эксперта Семенюка.

– Нам бесполезно с тобой разговаривать, поэтому сейчас надо пройти на опознание трех родственников, находящихся в морге. Ты в состоянии это сделать? – спросил дознаватель, зная, что у арестованной такая плохая биография.

«Куда не ткни, везде проявлялись отголоски тяжелых давних военных преступлений, исполнением которых она занималась наравне со своим мужем в концлагерях. Что хорошо заметно по ее грязным, но интеллигентным рукам, которые никогда не знали физического труда, а лишь могли стирать следы преступления с пыльного двора», – наблюдая за процессом снятия отпечатков пальцев, сообразил дознаватель.

«У них могли быть сообщники, что абсолютно точно: переводчики или старосты, кто держал в подчинении деревни, хутора, села, заставляя мирных граждан работать на фашистов, кормить их на оккупированной территории Белоруссии и Украины. Фрицы уничтожали все на своем пути, сжигали дома, насиловали женщин, угоняли в плен стариков и детей. Заставляли работать на себя ни в чем неповинных жителей, строить печи, где круглосуточно горели трупы, униженных, превратившихся в скелеты, подвергавшихся истязаниям, заключенных. Надо спросить отдельно ее про службу в гестапо. Кого она лично помнит по работе в концлагере. Сколько им платили, что они после войны сменив фамилии и паспорта, успели обзавестись красивыми добротными домами с живностью, купленными за те грязные деньги», – рассуждал по ходу дела дознаватель, складывая свои бумаги в папку, завязывая тесемки, чтобы потом снова развязать.

– Да. Мы дружили все, но жили по отдельности. Я их хорошо знала, поэтому смогу определить каждого из моих родных членов семьи, – ответила Безбеднова, поражая сыщика своим хладнокровием и фанатизмом по отношению к семейным вопросам.

Эксперт Семенюк закончил снимать отпечатки пальцев.

– Надо сопроводить гражданку Безбеднову для опознания трупа женщины, которую нашли сегодня, – сказал он, убирая свои приспособления в специальный мешок.

У него было, как обычно, большое количество анализов, результаты которых могли повлиять на решение суда при вынесении окончательного вердикта. Следователь Кирьянов вышел из кабинета на минуту, приказав конвоиру строго:

– Уведите арестованную в морг на опознания ее родственников. Я буду сопровождать вас.

Затем он вернулся назад. Конвоир, не надевая наручников на арестованную, вывел ее из кабинета, заставил встать лицом к стене, когда эксперт и дознаватель покидали корпус, направляясь к моргу. Там на столах уже лежали трупы семьи Безбедновых, с фиктивной фамилией, которую они присвоили, проживая в селе Екатериновка в доме одинокой старушки, чьи сыновья погибли на фронтах под Сталинградом, Курском, при взятии Брестской крепости, обороне Севастополя, в Кронштадте. Такой циничный результат доказывал кощунство и жестокость всех войн вместе взятых, несущих не научные открытия, как пытались для собственного оправдания доказать фашистские преступники, а физическое уничтожение народов, рас, этническое предназначение, культурное развитие и светское воспитание.

– Ты узнаешь этих людей? – спросил следователь Кирьянов, когда конвоир привел арестованную в подвал, отделанных кафельной плиткой со столами и шкафами, покрытыми оцинкованным железом.

На губах у арестованной появилась горькая складка.

– Да, это – мой муж. Второй мужчина – его родной брат, сомневаясь в собственной правоте, сказала арестованная.

Она сделала паузу, когда сама подошла к столу, где лежала ее мертвая племянница.

– Это – моя племянница. Вы разрешите мне ее похоронить? – спросила подозреваемая, надеясь на снисхождение.

– Похоронами займутся правоохранительные органы за деньги от продажи вашей собственности – дома, земли, дачного участка, пока ты находишься под арестом, – предупредил дознаватель.

– Могу дать из своих накоплений, чтобы не отдавать дом в чужие руки. У меня есть сестры, вы наверно знаете, кто-то доложил вам об этом. Одна не живет здесь, а вторая... – подозреваемая опустила глаза, как будто вспоминая свое давнее детство.

– Что вторая? – вопрос застрял в ушах арестованной.

– Она также как и я беременная. У нас есть деньги, чтобы похоронить всех наших родных. Сестра меня предупредила об этом, – заискивающе продолжила Таисия Безбеднова.

– Где живут сестры, ты знаешь? – спросил эксперт, кому предстояла большая работа по определению степени родства всех членов погибшей семьи.

– Средняя сестра давно уехала отсюда. Где живет, не знаю. Адрес младшей сестры у меня есть. Я вам напишу на бумаге, – с легким европейским акцентом сказала подозреваемая, обращаясь в его сторону.

– Хорошо, мы свяжемся с ней. Она сможет оформить все формальности и необходимые документы через нотариуса в кратчайшие сроки со справкой из милиции. Это ускорит процесс. Нам достаточно одного наследника, когда дело касается уголовного преступления. Она сама распорядится с похоронами, – пообещал дознаватель, обрадованный, что все оборачивалось лицевой стороной. – Но ей тоже надо явиться на опознание.

Следователь Кирьянов нашел чистый лист бумаги, перевернул и обнаружил повестку в суд на обратной стороне. Нашел строку, где было отпечатано слово «адрес» и вежливо спросил:

– Диктуй, я напишу сейчас, а завтра отправим по почте. Тогда определимся с ее показаниями и степенью вашей с ней вины. Если будешь врать, ухудшишь свое шаткое положение.

Пьяная от успеха своей затеи и долгосрочных планов, обводя вокруг пальца любого наивного обывателя, подозреваемая продиктовала адрес Гузановой Дарьи Викторовны – своей родной сестры, чего так долго добивался от нее дознаватель. Он убрал листок в карман и тут же жестко приказал:

– Отправить подозреваемую в следственный изолятор.

Конвоир вывел женщину в коридор и отвел в ту же камеру, где она находилась. Исключение составляло то, что вскоре ей принесли баланду, подушку, коневое одеяло, постельное белье с биркой из прачечной. Измученная видом своих мертвых родных, Таисия Безбеднова, привыкшая с детства к цветным с мелким рисунком простыням и большим пуховым подушкам, надела сине-серую однотонную простынь на матрас. Накинула наволочку сверху маленькой подушки. Преклонила голову, свернувшись калачиком, как затравленный зверь, вышедший из окружения, моментально уснула.

Следователь Кирьянов и эксперт Семенюк разговорились, так как в конце рабочего дня у каждого из них было желание провести остаток смены с друзьями или у телевизора, но не выслушивать надоевшие бредни подозреваемых. Те всеми силами хотели выпутаться, вынашивая слова оправдания своим поступкам перед милитаристскими заявлениями других заключенных, когда попадали в данную среду обитания.

– Отдам результаты исследования тебе на обозрение завтра, но кое-что будет готово только через неделю. Анализ ДНК предстоит проверить не раз, когда будет стопроцентное совпадение родства, – заявил эксперт спокойно, разглядывая клеенчатые бирки с номерами на ногах покойников.

Они поднялись в кабинет следователя Кирьянова. По привычке выпили по стакану чаю перед уходом домой, обсуждая текущие проблемы. Дознаватель переложил повестку с адресом, написанную в морге, в специальную папку, где хранилось дело с шифром, чтобы не исчезла важная информация, которая должна была понадобиться в ближайшие дни.

– А что, разве такое бывает? – спросил с юмором сыщик.

– Ну, это я так образно выразился, чтобы ты понял, не стоит верить ни одному ее слову. Она, может быть, замышляет что-то, – посоветовал эксперт, наливая себе в стакан кипятка и размешивая ложкой сахар. – Нам никто варенья не припас.

– Врать в такой ситуации ей не выгодно, но мы проверим степень ее участия в карательных операциях с сорок первого по сорок пятый годы. Сколько человек пали от руки фашистских надзирателей, а скольких она отправила в газовую камеру... Теперь с этим делом будут разбираться в Москве, куда по приказанию генерала надо будет отправить все документы для подтверждения моих догадок. Сама-то она не признается в виновности в смерти племянницы. Что в данном случае предпринять? – допивая чай с пряником, спросил молодой оперативник.

У опытного эксперта округлились глаза от недоумения. Подсказывать оперативникам он считал своим главным долгом.

– Надо сходить тебе к ней домой, осмотреть все закоулки. Найти предмет, чем была нанесена рана. Доказательств будет достаточно, чтобы она получила высшую меру наказания. Хотя в таком положении, как у нее, положена отсрочка. Таким образом, родив ребенка, она сделает его своим наследником, а ребенок ее племянницы умер. Думаю, что это послужило основной причиной и мотивом преступления, – ответил эксперт, собираясь уходить.

Слова коллеги обнадежили следователя Кирьянова, в чьи планы входило сделать карьеру в юриспруденции.

– При таких делах не стоит торопиться. Собираюсь прогуляться с нашим новым архивариусом Машей сегодня после работы, – доложил сыщик с пафосом, когда они бодро выходили из дверей районного отдела милиции.

В тени под деревом следователь Кирьянов заметил стоящую Машу. Она дожидалась его появления. Сыщик подошел к ней.

– Тогда, до завтра, – помахав им рукой, сказал эксперт, улыбаясь.

Вместе с подругой милиционер отправился, как и хотел, в кафе, а потом сделал ей предложение руки и сердца. Об этом важном для них факте они решили никому пока не сообщать, а подать заявление в ЗАГС, сыграть свадьбу летом в том же скромном стиле, как было положено молодоженам.

* * *

На следующей неделе, когда майские праздники миновали, в угловой дом по улице Шевченко на первый этаж опять наведался следователь – старший лейтенант Кирьянов, когда детей не было в коммунальной квартире. Он снова стал задавать те же важные вопросы, выясняя обстоятельства криминального дела, в котором оставалось много белых пятен.

– Надеюсь, что никто больше не пропал, – пошутил Борис Павлович, когда так же, как в прошлый раз, встретил участкового милиционера в форме.

– Нет никто. У вас есть какие-то свои версии исчезновения женщины? – спросил следователь Кирьянов, понимая, что со временем события должны проясниться.

– Жена говорила, что слышала от соседей с другой стороны их дома, что у пропавшей Галины был аборт с сильным кровотечением. Будто тот факт она тщательно скрывала от посторонних глаз и ушей. Возможно, у нее был любовник на стороне, который не хотел на ней жениться. Из-за этого она могла покончить жизнь самоубийством, – предположил пенсионер, взвешивая в уме вероятное стечение роковых обстоятельств.

Следователь Кирьянов задумался. На его часах было начало одиннадцатого, поэтому он хотел успеть до обеда вернуться на работу и доложить генералу Кедрову о своих визитах.

– Вот нам нужны хотя бы такие факты. А то на работе и по месту жительства вообще ничего не хотят говорить. Думаю, что личная ориентация в этом деле сыграла решающую роль, – заумно выразился милиционер.

– Симпатия – это еще не все в жизни. Если она делала аборт, то психическое здоровье было подвергнуто риску. Надо, полагаю, выяснить у ее подруг или знакомых, с кем она делилась своими надеждами, и кто мог «помочь» совершить ей что-то страшное, – добавил Борис Павлович на основе своего жизненного опыта.

– Спасибо. Пройдусь до тех соседей, о ком вы говорили, чтобы уточнить кое-что, – поведал участковый милиционер о своих планах в расследовании степени вины арестованной, а затем он собирался найти орудие убийства в доме подозреваемой.

– Приходите, пожалуйста, если что-то надо будет выяснить. Мы живем открыто, – посоветовал Борис Павлович, дожидаясь, когда дочь вернется из школы.

Оперативник прошел мимо дома, где когда-то проживали люди, и где было совершено преступление непредсказуемого характера. Он оказался рядом с соседним домом справа около въездной арки без ворот. На первом этаже жила семья студентов-молодоженов. Открыть чужие двери не представляло возможным, так как они были закрыты. Там никто не проживал по решению о расселении из перенаселенных домов. Молодая пара встретила его. Они отдыхали и готовились к предстоящей сессии. Когда оперативник постучался к ним, ему открыли они оба в летних шортах и майках.

– Кто из вас может мне сказать о соседях, которые жили слева от вас? – спросил сыщик, когда показал им свое удостоверение в раскрытом виде.

– Проходите к нам, – пригласил его парень с черной шевелюрой.

Он пропустил оперативника в свое жилище.

– Мы их не знаем, но очень они подозрительные, – сходу ответила девушка, когда милиционер зашел внутрь комнатухи, где невозможно было развернуться троем взрослым людям.

Высокий парень, с удивлением посмотрев на сыщика, спросил, видимо не поняв смысл самого вопроса:

– Что вы сказали? Откуда нам знать?

– Может быть, вы покупали у них что-то? – переспросил следователь Кирьянов, понимая, что ему не хотят идти навстречу.

– Ах, да, хозяйка этого дома постоянно приносила нам яйца. У нее была своя клиентура, – вспомнила девушка.

– Хватит болтать. Покупали мы у нее еду, когда стипендию получали. У нас в деревне нет родственников, а на рынок бегать некогда, – вспыхнул парень, выставляя себя в роли главного свидетеля, чтобы понравиться своей жене.

– Помните о каких-то случаях, произошедших с ними раньше? – спросил дознаватель формально, так как его устроили все полученные сведения.

– Да, вы сами все наверно знаете. Мы там у них не ходили по дворам и комнатам, – напрягшись, изрек глава семьи.

Дознаватель ушел от них. Он поднялся по наружной лестнице на второй этаж, где проживал в трехкомнатной квартире со всеми удобствами школьный учитель литературы с женой и двумя детьми погодками. Когда оперативник постучался к ним, ему открыла худенькая блондинка. Рядом с ней «толклись» двое милых ребятшек – мальчик и девочка восьми-девяти лет.

– Я следователь из райотдела милиции, – он показал удостоверение в раскрытом виде.

– Что вы хотите от меня? – спросила женщина, отгоняя детей от себя. – Идите к себе поиграйте в игру, – настоятельно попросила она своих очаровательных ребятшек. – Проходите в зал, пожалуйста, пригласила она милиционера сесть за стол, обращая внимание на его профессиональную форму и погоны.

– Что вы знаете о людях, проживавших в соседнем доме слева от вас? – хотел уяснить себе милиционер, но садиться за стол не стал, а так и остался стоять в прихожей, когда мимо него протиснулись дети, направляясь в детскую комнату.

В зале была красивая современная мебель, телевизор и книжный шкаф, набитый сверху донизу художественной литературой от Шекспира до Вознесенского и Рождественского.

– Мы покупали у них продукты питания. Соседка сама нам приносила еду на выбор: яйца, свежих кур, уток и гусей, – ответила она без тени кокетства.

Женщина любезно улыбнулась, пытаясь скрыть от симпатичного молодого участкового милиционера свое скромное платье, бледный вид и отсутствие румянца на лице.

– О происшествиях в течение этого года на вашей улице знаете? – дознаватель не думал, что она в курсе последних событий, хотя полной уверенности у него не было.

– Мне хватает забот с детьми. Что-то есть у вас еще интересное спросить меня? – она нервно отвернулась и вскинула головой, показывая золотые сережки в ушах.

– Нет, спасибо, – поблагодарил ее следователь Кирьянов, понимая, что бизнес у Безбедновых процветал и шел полным ходом, набирая обороты после оптовой продажи яиц в Коопторг.

Визит сыщика к женщине с двумя детьми на второй этаж справа от домика Безбедновых оброс паутиной слухов и сплетен. Все соседи решили, что они стали любовниками, но реальных доказательств этого ни у кого не было. Хотя решили, кто пользовался услугами хозяйки курятника, что с учителем литературы она развелась давно. Никому не стоило сомневаться в благих намерениях юридического лица в налаживании семейной жизни брошенной одинокой матери. О чем та могла только мечтать. Следователь Кирьянов ушел от нее с воодушевлением, а по пути завернул в тот самый особняк с курятником, чтобы найти орудие убийства девушки

Гали. Разрешение на обыск он взял у себя в сейфе, а ключ, он знал, лежал под лестницей около входной двери. С калиткой пришлось повозиться, так как она открывалась крючком через щель почтового ящика. Но с этой задачей оперативник справился успешно, когда нашел крючок, подвешенный с внутренней стороны сбоку.

Пройдя в коридор, он обследовал каждый метр жилого помещения, заглянул в платяной шкаф, набитый зимней одеждой. Увидел злополучное серое шерстяное платье, которое сразу навело его на мысль о преднамеренном убийстве. В ящике шкафа находилась стеклянная посуда, чайник и кастрюля. В диване лежала обувь и спальные принадлежности. Сверху шкафа и на столе было пусто и чисто. За диваном и шкафом – ни пылинок. Сыщик открыл маленькую прямоугольную чугунную дверцу, находящуюся внизу газовой печи, присел на корточки и заглянул внутрь. Там лежал обычный красный кирпич для обжига, чтобы жар не попадал в комнату, а распространялся внутри печи, согревая помещение. Однако была поздняя весна, напоминающая лето. Давно никто не топил печь. Единственным тяжелым предметом, которым мог быть нанесен удар, был этот предмет, используемый только зимой по назначению.

Аккуратно, чтобы не повредить, возможно, оставшиеся отпечатки пальцев, сыщик вытащил кирпич из печи, используя большой мужской носовой платок. Положил находку на кухонный стол, осмотрел, но ничего не заметил подозрительного. Потом он убрал в целлофановый пакет, прихваченный с собой, когда собирался идти по данному адресу. Надежда, что на кирпиче остались отпечатки пальцев, была. Новых улик у него не было.

«Жестокость тетки поражает. Мир вокруг племянницы обернулся своей самой неприглядной стороной. Измена, корысть, ревность, жадность, зависть, тайна – все эти качества окутывали смерть девушки темным саваном», – размышлял следователь Кирьянов, когда покинул чистое убежище, которое могло стать местом, где бы воспитывался ребенок племянницы, а стало приютом злости, лицемерия и надменности.

Сыщик вернулся в райотдел милиции. Он отнес свою находку эксперту Семенюку в лабораторию.

– Вот, пожалуйста, обрати внимание, что у меня есть, – доставая из мешка кирпич, сказал дознаватель, обращая внимание, что эксперт сидел в точно такой же позе, как и всегда, когда изучал под микроскопом срез ткани или кровь.

– Ну, вот. Хорошо. Это то, что нам надо, – сказал эксперт, заканчивая свои манипуляции.

– Сможешь изучить на наличие отпечатков пальцев? – спросил следователь Кирьянов, когда эксперт отнес изученные препараты и ткани в стеклянный шкаф.

– Сегодня нужный результат узнаем к концу рабочего дня... – обрадовал специалист, опытный в таких вопросах.

Он взял, как обычно, все препараты, кисточкой в тальке стал проводить по боковинам кирпича. Несколько отпечатков сразу проявились. Глядя на свои находки, он сообщил сыщику:

– Вот это то, что ты просил меня найти. Теперь надо сверить с отпечатками пальцев арестованной.

Эксперт нашел лист, на котором были отлично видны черные круги в квадратных ячейках.

– Напишу подробный отчет и принесу тебе в кабинет, – сказал эксперт Семенюк, приобщая к материалам дела, все найденные отпечатки пальцев на кирпиче.

– Хорошо. Я буду ждать, – обнадежил дознаватель своего коллегу, возвращаясь в свой кабинет.

Сыщику надо было доложить генералу Кедрову обо всех уликах, найденных им в доме у Безбедновых. А потом сделать запрос через военное Министерство в Германию о фамилиях и фото женщин, которые находились на службе у нацистов. Требовалось узнать их должность, карьерный рост, премии и надбавки, чтобы доказать причастность к нацистской группировке.

«Могу обнаружить неожиданные для себя факты. Все сестры как раз подходили по возрасту. Старшей было двадцать восемь лет, когда началась война, средней – двадцать три, а младшей – восемнадцать. С учетом их образования, они могли оказаться по собственной воле в рядах СС», – рассуждал дознаватель, когда снова перекладывал дела, найденные в паспортном столе.

«Хотя весной сорок пятого года в конце войны, они могли переметнуться на сторону союзников или сжечь свои старые аусвайс, а потом представить ситуацию, как будто они – мученики концлагерей, страдалцы – бывшие военнопленные, контуженные или беженцы. Нужна точная идентификация, чтобы не спутать с разведчицами и антифашистами», – к такому выводу пришел сыщик, убирая листы с заявлениями о замене паспортов, датированные сорок пятым годом, в стол.

Он достал совершенно чистый лист бумаги, чтобы написать запрос в Москву по истечении двадцати лет после победы над фашизмом, когда продолжали искать военных преступников в разных странах, куда могли те спрятаться от правосудия:

«Прошу выслать нам список и копии фотографий женщин, участвовавших в карательных операциях на оккупированной территории в период военных действий с 1941 по 1945 годы».

Следователь поставил свою подпись, число и печать райотдела милиции, заверенную у секретаря генерала Кедрова.

– Собираетесь заняться историческими расследованиями? – спросила его секретарша, с силой ударяя по листу печатью с подписью старшего лейтенанта.

– Надо раздобыть и уточнить некоторые сведения, в связи с недавним арестом подозреваемой, – признался сыщик, забирая официальный запрос.

– Можете оставить у меня. Я отправлю почту. До вас участковый занимался этим вопросом. Но он умер при невыясненных обстоятельствах. Был инвалидом, участником войны. Дело заглохло. На его место приняли вас, – посочувствовала секретарша.

– Будет возможность, постараюсь выяснить причину смерти, чтобы закрыть висяк, – добавил оперативник, у которого скопилось масса неотложных дел. – Фамилию и личные данные участкового можете мне написать на листке.

– Конечно. Его фамилия – Матросов, а досье все еще находится в отделе кадров нашего отдела, – пояснила она с апломбом.

– Хорошо. Я запомнил, – сказал дознаватель, оставляя свой запрос у секретарши на столе.

– Ну, это не срочно, – примиренчески изрекла она.

Следователь Кирьянов вернулся в свой кабинет, а там уже находился эксперт Семенюк. Он важно произнес, показывая на листы, где он написал отчет и ссылку на статью закона:

– Вот принес полную идентификацию отпечатков пальцев на кирпиче с теми, которые сняли у арестованной подозреваемой.

– Могу нести все это хозяйство на рассмотрение руководству. Чем скорее мы закончим, тем раньше займусь новым расследованием. Правда, надеюсь, что для суда всех этих доказательств будет достаточно. Тем более сделал запрос в Москву в Министерство обороны относительно военных преступлений гражданки Безбедновой, – сказал дознаватель с ударением на слове «суд», у которого руки чесались заняться своим личным делом.

– С этим проблем не будет. Дадут то, что заслужила. Будет что-то срочное, приноси, – сказал эксперт и ушел продолжать изучать вещественные доказательства в свою лабораторию.

Следователь Кирьянов направился к генералу Кедрову с докладом о сделанных экспертом выводах.

– Вот, товарищ генерал, что Семенюк мне сейчас принес, – сразу сообщил он, заметив занятость начальника милиции.

Тот разбирался у себя в столе в поисках нужных бумаг и газет.

– Спасибо. Сейчас же посмотрю. Только надо уточнить, как тебе в голову пришла такая идея – сделать запрос в Министерство обороны. У нас достаточно материалов относительно военных преступлений. Вот, наконец, нашел газету с именами, фамилиями, а фотографии военных преступников есть у меня в сейфе в особой папке. Ты наверно узнал у секретарши, что этим делом до тебя занимался участковый Матросов. Вот если будет время, навести его родственников. Узнай, в чем они нуждаются, – сказал генерал, стряхивая с себя пыль. – Однако могут быть новые сведения. Надо позвонить, если есть что-то похожее, они сами нам сообщат об этом, – сказал начальник милиции, а в обмен дал оперативнику то, о чем он просил в письме, где был подробный список подозреваемых рецидивистов военного времени, проживавших в области.

Среди них сыщик нашел фамилию Шмюк Э. А.. Он обратил внимание на английские окончания и немецкие корни представителей с русскими именами. Генерал Кедров сел за стол. Он стал читать отчет дознавателя и эксперта по произведенному предварительному расследованию преступления непредсказуемого характера.

«Сталинская чистка носила иллюзорный оттенок, однако многим репрессированным удалось избежать вербовки на фронт, а кто-то специально нажился на военных операциях, не потеряв ни капли крови», – рассуждал про себя оперативник, дожидаясь, пока начальник милиции знакомился с произведенным расследованием.

Быстро пробежав исписанные листы с опросом свидетелей и результаты дактилоскопической экспертизы, генерал с уважением к присутствующему старшему лейтенанту, сказал:

– Нашли соответствие отпечатков пальцев. Это очень хорошо. Можно дело отправлять в прокуратуру. Тянуть с этим не стоит. Двоих ее родственников похоронила младшая сестра, но есть задержка с племянницей. А теперь все определилось. Можно снова приглашать младшую сестру, чтобы у нас не было застоя в делах.

– Так точно, вещественные доказательства есть. Будем заниматься текущей работой, – согласился дознаватель.

Через месяц эксперт Семенюк доказал после проведения анализа ДНК, что все трое погибших – родственники. У племянницы Гали был срок беременности пять с половиной месяцев, примерно такой же, как у арестованной тетки – жестокой убийцы. Следователь Кирьянов присутствовал на суде. Там разбирали степень вины бывшей надзирательницы концлагеря, помогавшей мужу. Суд приговорил ее к высшей мере наказания, но, учитывая беременность, «заменил» на пожизненный срок заключения. В списках женщин, участвовавших в подобных делах, обнаружили тех, кто уже отбывал срок заключения. Дело об исчезновении Галины Безбедновой в милиции вскоре было закрыто. Его отложили в архивную папку за достаточностью выясненных обстоятельств криминального расследования.

В тот день после работы дознаватель сообщил своей невесте Маше, что не сможет проводить ее до дому. Он был вынужден лишний раз выяснить, есть ли какие-то вещественные доказательства вины участницы соседки Матросовых по подъезду с фамилией Гарднер в диверсионных карательных операциях на оккупированной фашистами территории Белоруссии. На эту английскую фамилию он натолкнулся, когда изучал материалы дела.

– Привет, Маша, найди мне, что ты знаешь о наших бывших сотрудниках. Эти нераскрытые дела лежат на отдельной полке в алфавитном порядке под шифром «Секретно», – спросил следователь Кирьянов, когда спустился в архив, чтобы ознакомиться с начатым, но незаконченным расследованием.

– Полку знаю, но зубы туда класть опасно. Можно не вернуться, – предупредила его девушка с наигранной улыбкой.

Маша отошла от стойки, исчезнув между стеллажами.

– Смотрю, – крикнула она из глубины комнаты. – Только одно есть там нераскрытое дело. Принести?

– Неси, жду. Сейчас посмотрим, что там имеется, – ответил терпеливый посетитель с погонами старшего лейтенанта.

– Но там только одни картонные корочки. Ах, вот еще выпала фотография, – Маша наклонилась и подняла с пола черно-белую карточку ярко накрашенной женщины в немецкой военной форме, сидящей за столом.

Она тут же вложила фото внутрь папки без белых тесемок и передала следователю Кириянову со словами:

– Извини, поторопилась. Как у тебя настроение? Все раскрыли?

– Надо срочно заняться внутренними проблемами, – ответил в духе Пинкертон симпатичный посетитель, на которого он был чем-то похож, разглядывая фото. – Есть наводка. Надо удостовериться в моих предположениях. Сегодня кафе и совместная тренировка на право участвовать в городских соревнованиях отменяются.

Неугомонный сыщик немедленно записался в ту же секцию по фехтованию в клуб «Юность». Они вдвоем с Машей стали регулярно посещать занятия, чтобы постоянно находиться в спортивной форме и пересдать нормы ГТО.

– Значит, боишься сильного противника, – изрекла девушка с вздернутым носиком и веселым нравом.

– В другой раз получу корочки Мастера спорта. Пока не готов, – продолжил разговор сыщик и с грустью поднялся к себе в кабинет.

– Ладно, не обижайся, – сказала ему вслед Маша.

Следователь зашел в отдел кадров милиции, находящийся напротив бухгалтерии. Он обратился к двум сотрудницам в милицеской форме, сидящими за столами, в чьей власти было принять на работу или отказать:

– У вас есть адрес бывшего сотрудника майора Матросова?

– Да. Личное дело у нас сохранилось, – ответила та, что постарше, но молодая инспектор изъявила желание помочь недавно принятому сотруднику. – Мы сейчас вам все найдем.

Она встала, подошла к прямоугольному деревянному ящику и стала искать по алфавиту, перебирая картонки с личными данными руками с красным ярким маникюром.

– Вот пожалуйста, – быстро произнесла она, положив на стол анкету, где значился адрес, семейное положение, образование и карьерный рост майора до Второй Мировой войны, в течение, после демобилизации и путь его дивизии.

В кадрах следователь Кириянов задержался, увлекшись чтением. Он присел за свободный стол, выписал себе в записную книжку то, о чем его просил генерал Кедров, то есть адрес. Оказалось, что майор был женат, холост или вдовец об этом ничего не было сказано, но помечены карандашом внизу страницы его правительственные награды и Почетные грамоты от руководства МВД.

– Можете сделать любезность, – стал рассыпаться в благодарностях оперативник, – дать мне это личное дело для ознакомления на один день?

– Нет. Такое правило в нашем уставе отсутствует. Там и так все понятно сказано. Выписывайте, что вам надо здесь, да мы уберем на место, – вежливо отказали оперативнику в его просьбе.

Сыщик вернул личный листок инспектору, когда внимательно изучил фотографию красивого военного в милицеской форме. Распрощавшись моментально с ними, он поднялся в свою обжитую комнату, которая была прежде кабинетом майора Матросова. Задетый за живое отсутствием помощников и элементарных сведений, объединяющих воедино всю историю этого криминала, сыщик принялся с яростью разбираться во всех папках незавершенных дел, стоящих на полках. Все это богатство ему надо было быстро проверить, превратив в короткую отписку, путем концентрации сведений. Отправить в архив, как завершенные дела. Чем он занялся немедленно, доставая по очереди то одну папку, то другую. Складывая

раскрытые преступления отдельно, нераскрытые, подлежащие изучению и отправке на экспертизу, в другую. Рутинная работа заняла у него весь остаток рабочего дня. Оставалось изучить почти столько же, сколько он сделал, поэтому, чтобы не помять форму, следователь Кирьянов закончил рабочий день точно по распорядку.

Вечером после работы Владимир Кирьянов встретился с Игорем Семенюком. Они собирались выпить по стакану крепкого чая с печеньем. Следовательно, им предстоял серьезный разговор, о котором никто из их окружения не должен был знать. Предстоящее дело носило сугубо органичный характер, не связанный с реально существующими фактами. Как бы из разряда потустороннего. Все события имели фантазмагорические корни. Когда женщину подозревали в нанесении тяжких телесных повреждений и смерти кадрового военного, прошедшего Великую Отечественную войну, вернувшего с орденами и медалями за взятие Кенигсберга и Берлина.

Чтобы найти хорошего сыщика, для этого генералу Кедрову пришлось обратиться на кафедру сыска и криминалистики Юридического института, где в числе аспирантов значился подающий надежды студент – Владимир Кирьянов, чей отец тоже прошел фронт, но не вернулся, а погиб в конце войны при освобождении Восточной Пруссии от фашистских диверсантов.

– Надо сделать запрос в архив морга относительно эпикриза моего предшественника – оперативника майора Матросова, – сказал следователь Кирьянов с иронией, глядя в глаза эксперту Семенюку.

– Сделаем, – согласился эксперт.

– Есть у тебя эти документы? – спросил сыщик, когда его коллега открывал квадратный железный сейф, стоящий на полу, где хранились материалы подобных нераскрытых дел.

– Будет тебе и белка, и свисток, – ответил с юмором эксперт, отдавая сыщику прямо в руки то, о чем тот спрашивал. – Читай, что непонятно, можешь спросить, – садясь за стол, сказал коллега.

Следователь Кирьянов с любопытством стал читать выписку из истории болезни. Заинтересовавшись содержанием, он забыл, что чай давно остыл, а разогревать ему уже не хотелось.

– Все понятно. Вопросов нет. Буду отталкиваться от твоих выводов. Но виновного, безусловно, требуется наказать, – сказал, еле сдерживаясь, чтобы не выразиться нецензурно, старший лейтенант, перелопатив медицинскую карточку вдоль и поперек.

В окончательном диагнозе, написанном в конце листа, ясно значилось: удушение от прикосновения женских рук без маникюра.

– Да, вот представь себе, – с напряжением заключил эксперт.

– Наверно такое не часто встречается в криминальной литературе. Конечно, если не брать во внимание Соньку-Золотую ручку, Лукрецию Боржда или Мата Хари. Но там всегда имело место отравление и предательство, – следователь стал перечислять известных авантюристок, прославившихся в уголовном мире своими «подвигами» по части кражи драгоценностей.

– Сейчас такое не актуально, но имело место быть, – съязвил эксперт Семенюк, когда оперативник стал разглядывать отпечатки пальцев, найденные на трупе майора Матросова.

– Будем рассуждать логически. Зачем убивать законопослушного гражданина? По всей видимости, у нее были веские причины. Она натренирована была не в спортзале, а где-то в спецподразделениях СС. Так как до войны у нас в стране девушек не принимали в клубы боевых искусств. Конечно, были чемпионки мира по лыжам и конькам, но чтобы владеть приемами джиу-джитсу или карате... Это из ряда вон, – возмутился сыщик.

– Кроме того, заметь, майор преподавал астрономию и гражданскую оборону в средней школе у семиклассников. Показывал, как владеть противогазом. И все такое прочее... Директор его очень хвалил, как знающего специалиста, – добавил масла в огонь эксперт Семенюк, зная твердый характер и сильную волю сыщика.

– Бесспорно, хороший был человек и ответственный сотрудник. Воспитывал молодое поколение в боевых традициях. Надо искать, чем он занимался здесь. Какие мероприятия проводил, ты помнишь? – спросил сыщик, вздохнув, отрешившись от своих личных дел.

Мысленно он даже не мог себе такое представить, чтобы опытный военный был задущен светской львицей на улице, что было как раз в духе тридцатых годов в период разгула реакции и НЭПа.

– Вот он занимался тем же, чем и ты. Проверял списки лиц, занятых предательской террористической деятельностью, завербованных нацистами, отправленных на работу в концентрационные лагеря в качестве надзирателей. Будто хотел найти свою смерть, – предположил эксперт Семенюк.

– Ну, это ты брось... Упадническое настроение не годится. Нам надо искать среди его прежних подопечных, – упорствовал следователь Кирьянов, намереваясь перекопать носом всю округу, но разыскать ту самую причину преждевременной кончины своего коллеги, даже если на это уйдут годы.

– Никто еще не брался за это дело, поэтому действуй так, как бы тебе выпал счастливый билет, – советовал эксперт.

Поэтому сыщик наметил себе обойти всех подозреваемых из списка, представленного генералом Кедровым ему на обозрение, включая даже тех, кто уже находился в местах лишения свободы на территории области. Дело и смерть прежнего участкового майора Матросова легли на плечи следователю Кирьянову тяжелым грузом, когда он посетил семью своего погибшего коллеги, увидев, в каких условиях они жили. Милицейский дом находился в самом центре города, на тихой, мало проезжей улице. Двухкомнатную квартиру Матросовы снимали на первом этаже.

Сыщика встретили в коридоре взрослый сын и его жена с внуком майора на руках. Младенец что-то гулил, запинаясь, а женщина старалась приложить его к груди. Старший лейтенант представился, показывая свое удостоверение в раскрытом виде.

– Нам нужно поговорить о последних днях жизни вашего отца. Мне поручено расследовать уголовное преступление заведомо продуманное, выполненное в условиях мирного времени, – следователь Кирьянов сказал тихо, чтобы не разбудить уснувшего на руках матери младенца.

– Проходите. Мы можем показать вам фото военных лет, – предложил сын – студент университета, – если вам это интересно.

Оперативник расположился за столом, а женщина с ребенком ушла в соседнюю комнату качивать малыша. Когда он погрузился в боевой путь погибшего милиционера, то обратил внимание, что имелись снимки даже его службы добровольцем в освободительных отрядах республиканской интербригады в гражданской войне Испании на танке Т-26. Затем было показано передвижение дивизии, в которой служил отец парня, по Германии. Фото под Сталинградом, на Украинской земле, Белоруссии и на Курской дуге отсутствовали из-за ранений и боевых действий при наступлении в этих районах.

Следователь Кирьянов не выдержал:

– Воинская книжка у вас наверно есть? – спросил он сурово.

– Да. Военный билет сохранился, – ответил сын спокойно.

Девушка налила им два стакана чая, поставив рядом с разложенными фотографиями военных лет и семейными снимками мирного времени. Альбом со свадебными фото, отдыхом на море с женой и ребенком, спуск на байдарке с горной реки в Домбае, сдача норм ГТО в лесу, песни у костра под гитару, Майская демонстрация. Маленькие фото на паспорт, комсомольский, партийный билет лежали в конверте. Справка о получении инвалидности затесалась среди других ветхих снимков отца, матери, старших братьев, двоюродных родственников, маленьких детей, общих школьных друзей и выпускников Высшего военного училища, кого

тут же отправили за пределы СССР тушить пожары и присоединиться к партизанам в Толедо и Валенсии.

Просмотрев все фотографии, у сыщика сложилось впечатление о сильном характере и твердой воле профессионального военного, чья жизнь без остатка была посвящена защите Отечества. Следователь с удовольствием выпил чай с кексом. Он предложил семье Матросова помочь ему в расследовании:

– Не помните, случайно, чем конкретно занимался в последние дни жизни ваш отец, – спросил он перед уходом.

– Насколько я знаю, у него был список предателей, принимавших участие в отрядах СС. Он хотел уделить внимание, как они отбывали наказание в исправительных учреждениях. Точно не знаю, но он что-то намекал на тюрьмы в пределах области, – сказал парень, изменившись в лице.

– Эти документы остались у него где-то, а может быть есть черновики, куда он записывал адреса расположения тех исправительных учреждений? – спросил оперативник то, о чем говорил генерал Кедров.

Сыщик надеялся на быстрый положительный результат, так как за последнее время интуиция его ни разу не подводила. Даже в деле с пропавшей девушкой, он не отступился от своей цели.

– Сейчас давайте поищем вместе. Вот его стол, где у него хранились все деловые бумаги, – парень подвел оперативника к обычному коричневому полированному столу без тумб. – Он даже списки школьников хранил здесь в отдельной тетради. Мы ничего не выбрасывали после похорон, думали, что все его изыскания должны пригодиться в милиции.

– Вот это спасибо, – поблагодарил следователь Кирьянов сына майора за его длинную речь.

Они вдвоем стали рассматривать старые газетные вырезки десятилетней давности, когда проходила чистка населения от спрятавшихся нацистов, кому удалось избежать наказания сразу после окончания войны в 1945 году.

– Вот все тетради за время его работы в милиции, куда он вносил раскрытые преступления и наверно фамилии уголовников, – сказал парень резко, усадив оперативника в низкое кресло. – Садитесь сюда. Так вам будет удобнее.

Он пододвинул к креслу журнальный столик, куда перенес все то, о чем просил его сыщик. Это занятие отняло у следователя Кирьянова почти час, но он выделил по датам дела, отмеченные в тетради в последнюю неделю жизни майора Матросова.

«Посещение ЛТП Шарикоподшипникового завода, СИЗО, ИУ в Заводском районе», – была последняя запись.

Список женщин-предательниц, отправленных в тюрьмы за участие в работе гестапо в качестве актрис, переводчиц, уборщиц, секретарш-делопроизводителей, официанток, поварих, чтобы заработать коврижку с маслом, когда каждый день отправляли в газовые камеры 5 тысяч человек, был небольшим. Они не представляли угрозы для населения, так как уже отбывали наказание. В свое время эти профессионалки были любовницами фашистских извергов, поэтому тогда получили направление на работу, проживая в благоустроенных общежитиях в качестве сотрудниц. Они получали довольствие, форму и аусвайс немецкого образца.

– Могу я взять на время эту последнюю тетрадь? Здесь находятся сведения, которые нам нужны, – пояснил следователь Кирьянов, обращаясь к сыну майора Матросова.

– Пожалуйста, берите. Мы тоже хотим с женой узнать подробности. Кто на него напал и задушил прямо около входа в подъезд? Так, кажется, заключил эксперт, когда я читал его заключение. Что же произошло в реальности с моим отцом? – спросил парень, стирая слезы с лица.

– Мне поручили это дело довести до конца. Проведу расследование и доложу вам обязательно о моих результатах поиска. Есть подозрение, что нападала тренированная женщина из бывших репатриированных арестанток, которая сумела спрятаться, но ее все-таки нашли и заключили под стражу. Но как она оттуда сумела исчезнуть? Это даже не поддается никакому логическому мышлению, – предположил сыщик, пытаясь раскрутить тугой узел, который требовалось просто разрубить на части.

Следователь Кирьянов ушел от сына майора Матросова с желанием тут же отправиться по тем местам, куда успел сходить бывший участковый. Но, посмотрев на часы, он обнаружил, что было начало девятого. Из этого вытекало, что надо было позвонить Маше и генералу Кедрову, чтобы сообщить о своих находках и попросить о снисхождении на один день. Он собирался закончить свое либеральное расследование без собачьего лая дрессированных овчарок и избияния свидетелей, подозреваемых в убийстве сотрудника милиции, за что давали наибольший срок наказания.

Первой на очереди стояла его невеста Маша. Оперативник, когда вернулся домой, спешно набрал номер подруги. Он настойчиво сказал с чувством ответственности за свои слова:

– Завтра буду ждать после работы на проходной. Надеюсь, что у тебя найдется для меня пара слов? Можем посетить кафе.

– Договорились, – ответила девушка. – Не скучай без меня.

Она уже вернулась с тренировки, готовила вкусный ужин для себя и родителей, стоя на кухне в фартуке перед плитой.

Генерал Кедров, услышав о сделанных значительных шагах в направлении раскручивания убийства майора Матросова, сказал:

– Завтра пройдишь по тем адресам, что записаны в тетради нашего бывшего ветерана войны. Даю тебе разрешение явиться на работу, когда освободишься. С машиной тоже дело решено. Возьмешь утром в гараже. Путевку я подпишу всем сотрудникам.

Сидя вечером перед телевизором, оглядываясь назад в свое прошлое, генерал Кедров признал справедливость своего выбора, когда ему требовалось найти наиболее гибкого и трудолюбивого сотрудника. Работа в райотделе милиции была настолько ответственной и подчас неразрешимой, что надо было расследовать сразу несколько дел, избегая трений с населением.

* * *

На другой день следователь Кирьянов на машине отправился на окраину города, где находилась женская тюрьма. Он со списком женщин-репатрианток явился в исправительное учреждение, показал свое удостоверение старшего лейтенанта милиции в раскрытом виде, представив имеющийся у него список заключенных на проходной, чтобы ему разрешили поговорить с начальником. Стрелок позвонил, куда требовалось. Дал трубку сыщику, а тот подтвердил свое решение встретиться по очень важному вопросу, чтобы решить все текущие проблемы.

– Разрешаю вам пересечь проходную нашей зоны. Пусть вам выпишут пропуск, – сказал начальник хриплым голосом.

Получив маленький клочок бумаги с указанием часа и минут, оперативник поднялся на второй этаж, покрашенного голубой краской административного здания. Он нашел комнату с номером начальника тюрьмы. Вошел в большой просторный кабинет с двумя окнами, полированной стенкой, диваном, стульями, массивным письменным столом, уставленным книгами в стойке и флажками. Официальная обстановка требовала соблюдать этикет между сотрудниками и гостями. Начальник в серой форме сидел за столом, листая журнал, рекламирующий строительные материалы.

– Что хотите узнать у нас? – спросил подполковник, здороваясь за руку с оперативником.

– Мы расследуем дело о спланированном убийстве нашего ветерана войны, майора Матросова. В списке его последних записей значилось ваше учреждение. Приходил ли он к вам для проверки? – спросил следователь Кирьянов, вдыхая свежий утренний воздух, врывающийся в раскрытое окно.

– Да. Он периодически наведывался к нам по настоятельной просьбе вашего руководства, чтобы быть в курсе, кого из наших заключенных готовят к освобождению, – сказал начальник тюрьмы воинственным тоном.

– У меня есть список женщин, отбывающих наказание у вас в колонии. Вот, пожалуйста, посмотрите. Мне хотелось бы выяснить, кого вы освободили за последний месяц? – осведомился оперативник, чтобы положить конец своим внутренним стычкам и разногласиям. – Это очень важная деталь.

– Вот Гарднер, – начальник показал в списке на фамилию английского происхождения. – У нас имеется справка о ее нормальном психологическом здоровье. Весь срок она уже отсидела. Находилась здесь по нескольким статьям. Но главная ее вина заключалась в пособничестве фашистам в нацистских лагерях смерти, – доставая досье из шкафа-стенки, стал объяснять начальник исправительного учреждения. – Она была переводчицей-перебежницей. Переводила с английского или с немецкого языка на русский. Когда, как надо было, по ее словам. Требовалось пройти обследование по месту жительства и встать на учет. Адрес ее у нас есть. Она сожительствовала с мужчиной, с кем скрывалась в Китае от правосудия. У нее есть несовершеннолетняя дочь. Вот их данные, – рассматривая свою коричневую папку с выпиской из тюрьмы заключенной Гарднер, сказал начальник женской тюрьмы, отдавая картонные корочки в руки следователю Кирьянову.

– Вот это мне и требовалось узнать. Оказывается, она владела приемами рукопашного боя, не разрешенными в нашей стране. Место прописки в том же доме, что у майора Матросова. Думаю, она является главной подозреваемой в его смерти, так как, судя по записям, он препроводил гражданку Гарднер в места лишения свободы, когда она приехала из Китая и зарегистрировалась со своим сожителем по тому адресу, – развил логическую цепочку дознаватель. – Нам нужны ее отпечатки пальцев, чтобы сверить с оставшимися отпечатками на теле нашего сотрудника.

– Предполагаете, что это месть? – спросил начальник, наливая минеральной воды из бутылки себе и следователю Кирьянову.

– Такое чувство, что ваша бывшая подопечная избрала свой путь вне всякого закона, – согласился сыщик, который продолжал стоять перед столом начальника тюрьмы, читая досье заключенной.

– Она обычная рецидивистка, – констатировал начальник тюрьмы. – Вне всякого сомнения, она очень опасная.

– Могу я взять отпечатки пальцев с собой? – спросил сыщик, когда, наконец, выпил воду, поставив стакан на место. – Верну по почте.

– Да, возьмите, – согласился начальник женской тюрьмы, понимая такое поведение заключенной, что горбатого могила исправит. – Отзвонитесь, когда закончите расследование. Желаю удачи!

Следователь Кирьянов ушел, чтобы показать отпечатки пальцев эксперту Семенюку. В райотделе он тут же отнес свои вещественные доказательства в лабораторию. Дождался, пока эксперт подтвердит их идентичность. Тут же на машине с ордером на арест он поехал к гражданке Гарднер по тому же адресу, где он был вчера, но на пятый этаж. Сыщик позвонил в распятанную дверь. Девочка-подросток лет двенадцати в мятом платье открыла ему.

– Вы к кому? – спросила она с испугом, отстраняясь от двери.

Следом в прихожей показалась сама хозяйка квартиры в грязном заношенном одеянии с претензией на шик. Показав свое удостоверение в раскрытом виде, оперативник прошел в квартиру. Он знал по личному делу, с кем она проживала, кроме ее дочери.

– Здесь проживает гражданка Гарднер? – спросил следователь Кирьянов, преграждая выход из квартиры.

– Да, это я, – чуть слышно сказала рецидивистка. – Отойди отсюда, – скомандовала она дочери, которая с любопытством наблюдала за происходящим. – Иди в свою комнату и сиди там.

Девочка шмыгнула в боковую комнату, закрылась на обе распашные двери.

– Вы арестованы по подозрению в убийстве нашего оперативного сотрудника. Вот ордер на арест, – оперативник предъявил ей документ. – Пройдемте со мной.

Он надел ей наручники, препроводил в специальную, предназначенную для такого случая, машину-фургон. В кабине их дожидался шофер. Как и предыдущую, арестованную, подозреваемую отправили сначала в КПЗ. Оперативник написал отчет генералу Кедрову, отнес сам лично к нему в кабинет.

– Хорошо. Пусть пока там посидит, подумает, напишет признательные показания. Отправим дело на рассмотрение в суд, – сказал генерал, не теряя времени даром. – Можно допросить и устроить следственный эксперимент.

Следователь Кирьянов ломал голову над тем, почему земля носила таких осквернителей мира – хищников в образе и подобию богоматери. Тревожные мысли не давали ему покоя: «Фашизм проник в их душу и тело. Как паутина, опутал мозги. Ни перед чем не останавливаясь, обе пожинали плоды на ниве Дахау, Освенцима, Бухенвальда. Одна препровождала детей в газовые камеры, а другая – через громкоговоритель объявляла об этом. Так они считали, что воспитывали свою волю и умение зарабатывать. Послушаем, что другая фифа скажет в свое оправдание. Себя и их главаря-фюрера они любили, наверно, больше, чем несчастных, обездоленных детей».

– Приведите заключенную Гарднер из КПЗ, – сказал оперативник дежурному по этажу, чтобы тот позвонил коридорному в спецприемник.

Через пять минут Гарднер уже стояла около кабинета следователя Кирьянова. Конвоир пропустил ее вперед и закрыл дверь. Она прошла и остановилась. Следователь Кирьянов, сделав вид, что видит ее впервые, спросил, глядя на ее руки, закованные в наручники:

– Как фамилия?

– Гарднер Лидия, – ответила она, встав в привычную позу «вольно», расслабившись, чуть ли не плача от переутомления.

– Можете садиться, – предложил оперативник, доставая сигареты, закуривая, при этом, стряхивая пепел в блюдце, которое он держал в верхнем ящике старого письменного стола, пропахшего табаком и леденцами, хранимыми его предшественником в старой железной коробке из-под Монпансье с выраженным ароматом пряностей: малины, груши, яблока, выпускаемые Московской конфетной фабрикой.

Подозреваемая в смерти милиционера села около стола. Короткое шелковое серое платье без рукавов с вышитым воротником оголило ее округлые колени. От нее шел запах кухни и больничного холода. Выглядела она свежо для своих сорока пяти лет, ни тени измождения на лице.

«Отсидела и опять за старое», – подумал милиционер, стараясь сосредоточиться на главном своем вопросе: «Зачем?». Он затушил сигарету. Убрал блюдце в стол. Пододвинул к себе лист со стандартными вопросами, чтобы оформить задержание по всем правилам закона и порядка.

Следователь Кирьянов заполнил те графы требуемого листа опроса, где не требовалось задавать вопросы. Затем выписал данные из предыдущего дела, которое он по своему усмот-

рению забрал из места ее лишения свободы, чтобы потом отослать по почте, а себе оставить копию. Он не был уверен, что у них в архиве есть такое дело – с ее фотографией по пояс в синей армейской форме Абвера, но без погон, с нашивками на карманах и лацканах, изображающих фашистскую свастику. Он сформулировал вопрос по-другому, чтобы не казаться тривиальным и навязчивым:

– Ваше семейное положение?

– Есть муж и ребенок. Мы с ним проживаем в гражданском браке пятнадцать лет, но я прописана на общей с ним жилой площади, – сказала она, кокетливо скашивая глаза на руки следователя Кирьянова занятого делом.

Он написал адрес тот самый, где он уже успел побывать в гостях.

– Ваше прежнее место жительства? – спросил старший лейтенант, поглядывая на циферблат своих часов.

Стрелки достигли без четверти пять. Надо было закругляться.

– Там все указано. По прошлому ко мне нет претензий. Отсидела срок, как положено, от звонка до звонка, – ответила она, теряя игривость и выученные приемы завладеть вниманием мужчины.

– Расскажи все порядку, – приказал оперативник.

– Меня завербовали в Германию, когда окончила в Саратове Педагогический институт в 1941 году по ускоренной программе, факультет – учитель иностранного языка – английский, немецкий. Поехала работать разведчицей-связисткой по назначению – в лагерь беженцев, преобразованный в концентрационный особого типа из-за скопления людей. У нас там была группировка, которая вела подрывную партизанскую деятельность. Все сведения передавала нашему руководителю. Он отправлял информацию в Москву. Мы помогали бежать из лагеря нашим товарищам, захваченным в плен, в мусорном баке. Когда в 1945 году вернулась оттуда, познакомилась со своим мужем. Мы с ним уехали в Китай в русскую провинцию – Харбин по трудовой путевке. Пробыли там пять лет. Он был главным инженером по строительству домов, а я была домохозяйкой, воспитывала дочь, – рецидивистка Гарднер говорила, чувствуя свою безнаказанность и разнузданность, но боролась с желанием встать и уйти, чтобы закончить надоевшую ей за многие годы процедуру дознания, за что ей пришлось бы отсидеть в камере без кровати на каменном полу.

– Нам надо провести следственный эксперимент. Вы согласны сотрудничать с нами? – спросил сыщик, записывая под диктовку сведения, интерес к которым то угасал, то возникал вновь.

– Да, согласна, – матерая разведчица преобразилась и расцвела.

– Хорошо. Завтра надо показать, как вы убили нашего сотрудника у самого подъезда, – отрезал оперативник.

Если бы появился эксперт Семенюк, то сыщику было бы проще общаться с надоевшей посетительницей. Хотя надо было привыкнуть к рабочему распорядку. Ничего не оставалось делать, как позвонить ему, чтобы он пришел и провел дактилоскопическую экспертизу, чтобы новые пальчики хранились у них в деле. Вторичная процедура была обязательной для суда. К этому у сыщика еще не выработалась привычка быть адвокатом, прокурором и милиционером при своей занятости.

Эта женщина с привычками диверсантки напоминала ему известную американскую актрису по своему стилю поведения, вспомнить фамилию которой он никак не мог. Он терпеливо перебирал в голове фамилии популярных кинозвезд: «Сара Бернар, Софи Лорен, Джульетта Мазина, Грета Гарбо, Мэрилин Монро, Дина Дурбин... Но скорее не блондинка. Что-то среднее между Софи Лорен и Диной Дурбин. Вот вспомнил однофамилица. Жемчужина – Ава Гарднер – чистой воды», – воображение следователя разыгралось, но он не показывал вида перед распускающей хвост авантюристкой.

– Поднимись к нам со своими инструментами. Надо снять отпечатки у нашей подопечной, – сыщик пригласил своего коллегу из лаборатории для формального знакомства с арестованной.

– Иду. Уже собирался звонить тебе, – сказал эксперт Семенюк второпях.

В кабинете вместе с экспертом появился конвоир. Видимо, так было суждено всем присутствующим в кабинете, что пятиминутная процедура не помешала им расслабиться, пока солдат снимал и надевал арестованной наручники после прохождения жалкого доказательства ее вины в пределах райотдела милиции.

– Увести, – приказал следователь Кирьянов конвоиру, когда эксперт Семенюк закончил свое дело, вернулся к себе в лабораторию с нужными дактилоскопическими отпечатками.

Лидия Гарднер неохотно встала со стула. На ногах у нее были домашние тапочки, как раз те, в которых она ходила по квартире.

– Прошлого не вернешь, – обернувшись в дверях, она сказала.

Тут оперативник, раздосадованный, что предыдущая подозреваемая была полной противоположностью этой, но вершила дела такого же порядка, оставшись один, сложил все бумаги вместе, убрал в сейф до следующего допроса.

«Какая предусмотрительная эта Немезида. Просто попрала все законы вселенной», – мелькнула у него идея, чтобы завершить дело. «Завтра после следственного эксперимента, не смотря на погоду, найду нужным, сам подпишу дело у генерала Кедрова. Пусть немедленно отправляют в суд на рассмотрение. Никаких новых версий не предвидится».

Он спустился в лабораторию. Они вместе с экспертом выпили, как обычно, два стакана чая с сахаром. Но обсуждать женские привычки не стали из-за отсутствия своей вины в данных трагических обстоятельствах.

– Забыл тебя спросить, ты собираешься сегодня домой или пойдем вдвоем в кафе? – сыщик хотел узнать у эксперта Семенюка его ориентацию на остаток вечера.

Их дружба приобрела форму привычки с уголовным уклоном.

– Могу прогуляться с вами, если не возражаешь, – согласился тот, убирая посуду в стол и собираясь уходить.

– Красота красотой, а закон соблюдать надо, – изрек сыщик, когда они вышли на улицу вместе с архивариусом Машей по очереди из входных дверей корпуса милиции с яркой вывеской наверху и стендом с правой стороны подъезда с блеклыми фотографиями: «Их разыскивает милиция».

– Предлагаю зайти ко мне в гости. Познакомимся с родителями, – весело проговорила девушка.

– В такой чудесный вечер мы будем сидеть дома? Нет. Есть предложение посетить набережную, искупаться в Волге или съесть мороженое. А к тебе мы зайдем в воскресенье, когда все будут в сборе, – жизнерадостно сказал оперативник, посмотрев на своего коллегу – эксперта Семенюка.

– Я согласен. Но уговор, по пути купить цветы девушке, – у эксперта были серьезные намерения, но он знал, что Владимир Кирьянов не отступится, а будет продолжать расследовать преступления на всех почвах, даже на ревности.

– Идемте. Не буду с вами спорить. Так мне сегодня повезло, что за мной ухаживают двое милиционеров, как будто я правонарушительница, – смеясь, согласилась девушка.

Выглядела она чудесно в синей форменной юбке, белой блузке в крапинку с рюшами. Они вышли на проспект, заметив несколько продавщиц цветами, подошли ближе. Парни в гражданской одежде, но с удостоверениями из органов правопорядка в кармане, сложились по рублю, купили Маше букет белых ромашек, который так гармонировал с ее замечательным носиком.

Компания прогулялась по городу. Заглянули в кафе. Там съели по порции мороженого, выпили из трубочки прохладный коктейль с ломтиком апельсина и спустились к набережной

Волги. Нырять они передумали, но с удовольствием наблюдали, как дети прыгали в реку, проплыв немного, выныривали, смеясь, бежали снова к воде.

– Дети – настоящие моржи, – восхитилась Маша, укоризненно поглядев на своих друзей. – Может быть, вы тоже попробуете доплыть до островов? – спросила она в шутку.

– Нет, в другой раз, разбежимся и нырнем, – отказался Игорь Семенюк, – сушиться неохота...

Они подошли ближе к берегу. Температура воды была градусов шестнадцать. Но горячий ветер и солнце обжигали спины загорающих купальщиков. Они осторожно спускались по лесенке и плыли, вызывая зависть окружающих своим атлетическим торсом.

– Ну, а я сплываю ради девушки, – сказал Владимир Кирьянов, разделся, отдал одежду на сохранение Маше, нырнув, проплыл еще метров двадцать в пресной голубовато-зеленоватой воде.

Сняв стресс, оперативник присоединился к своим сотрудникам.

– Будем чтить уголовный кодекс, – пошутил он, когда они поднялись вверх по набережной, прошлись по парку «Липки», где гуляющая публика покупала газировку, минеральную воду, детям сахарную вату и эскимо.

На следующий день утром следователь Кирьянов стоял у кабинета генерала Кедрова с документами, дожидаясь, пока все собирались на срочную летучку. Секретарь в форме капитана милиции с такой же кипой документов ждал своей очереди для индивидуального доклада. Так у них было принято: сначала отчитывались генералу, а затем обсуждали пути выхода из создавшейся ситуации.

– Наша новая подозреваемая, мне кажется, находится в родстве с американской актрисой Авой Гарднер, «одной из ярчайших звёзд Голливуда 40-х и 50-х годов, номинанткой на премию „Оскар“. Она вошла в список величайших кинозвезд в истории Голливуда. Обладательницу „лица ангела и тела богини“ часто называли одной из самых красивых актрис XX века», – прочитал оперативник вслух сноску из книги по зарубежному киноискусству. – Тот же год и число рождения в американском городке...

– Ну, и что. Значит она обычная диверсантка, заброшенная к нам из США, которая избрала военную карьеру, чтобы больше заработать в лагерях смерти, а не быть копией сестры, а продвигаться самостоятельно. Так часто поступают с сестрами близнецами. Предлагают им встать на торный путь ради денег. Это нам еще ни о чем не говорит, – удивляясь наивности и таланту начинающего сыщика, сказал начальник отделения – генерал Кедров, когда тот зашел к нему с докладом.

– Подобная ситуация произошла с биографией братьев Шмюк, которых мы нашли мертвыми у них же на даче, – противопоставил следователь Кирьянов людей одного круга, но положительно разных наклонностей.

– Они сами подозревали себя... – сделал вывод начальник уголовной милиции. – У надзирателей так принято. Что собираетесь делать с ней сегодня? Она написала признательные показания? – спросил генерал Кедров, начиная нервничать.

– Нет, но согласилась сотрудничать. Сегодня мы проведем следственный эксперимент. Были взяты новые отпечатки пальцев... – сказал сыщик, удовлетворенный разговором с вышестоящим лицом. – Оформлю дело, а потом отправим в суд для проверки.

– Хорошо, – услышал старший лейтенант долгожданное одобрение генерала Кедрова. – Действуйте по вашему усмотрению. Машина будет в вашем распоряжении. Теперь знаете, что эта особа – не нашего круга, а с далеко идущими планами подрыва устоев цивилизации и прогресса. Можете идти, – провозгласил генерал.

Когда доклад у руководства был закончен, снова привели подозреваемую Гарднер, но в тюремный двор, где уже стояла наготове машина. Следователь Кирьянов успел позвонить в гараж, чтобы водитель приготовился к экскурсии по городу к месту убийства майора Матро-

сова. К ним присоединился эксперт Семенюк, чтобы подозреваемая не чувствовала себя обиженной вниманием мужчин, у которых было к ней дело.

«Вывод напрашивается однозначный – боялась, что ее посадят в тюрьму, так как списки военных преступников были официально представлены в прессе. А майор Матросов выявил свою соседку быстро. Она старалась замести следы, но не рассчитывала, что все произойдет так скоропалительно. Наверно надеялась еще сбежать за границу», – размышлял сыщик, наблюдая, как подозреваемая запрыгнула в зарешеченный отсек.

Они подъехали к пятиэтажному дому, где жили по соседству майор Матросов и Лидия Гарднер. Въехали через ворота в обширный квадратный двор с двумя лавочками и песочницей для детей, закрытый с трех сторон самим угловым домом, а с четвертой стороны был забор, отделяющий НИИ. Посередине двора были натянуты веревки для сушки белья. Машина загрозила выход из широкого въезда. Большие железные ворота закрыли в целях предосторожности. Следователь в сопровождении эксперта вывели участницу трагедии на место преступления. Подвели ее без наручников к тому месту, где нашли тело их коллеги и остановились. Следователь Кириянов закрыл парадную ближайшую дверь, ведущую на улицу. Никто из жителей не показывался во дворе, так как было самое раннее утро. Следственный эксперимент должен быть без срывов.

– Покажите место, где вы напали на майора Матросова, как набросили на него веревку и задушили? – спросил следователь Кириянов, заведомо изучив фото с места преступления.

Подозреваемая, одетая в то же самое платье и тапочки, подошла к сквозному ближайшему выходу из подъезда, наверно в тайне надеясь, что кто-то сможет помешать их инсценировке.

– Майор вышел из дверей подъезда в семь часов вечера. Двери были распахнуты. Я стояла за дверью. Когда он подходил к нашему подъезду, куда ближайший путь составляет из сквозного соседнего подъезда, – говорила она медленно и лениво, без жестикуляций, – я накинула ему на шею петлю, быстро затянула узел, положила тело на асфальт и пошла домой.

– Вы следили за ним с улицы или со двора? – спросил следователь Кириянов, а эксперт Семенюк записывал признательные показания на диктофон.

– Знала, когда он обычно возвращался с работы, – сказала она без эмоций, не проронив ни слезинки, как будто рассказывала не о себе, а о постороннем человеке.

– Значит, следили за ним? – спросил оперативник, озадаченный жестокостью поступка и ее сходством с кинозвездой мирового класса. – Сколько потребовалось дней на такое кощунство?

– Мне хватило одного вечера высидеть вот здесь на лавочке в отдалении, чтобы заметить его появление в парадных дверях. Он меня предупреждал, когда заходил к нам, чтобы я сходила после колонии в милицию отметилась и устроилась на работу. Если не пойду, то он вынужден будет сам меня туда отвезти, – этих слов следователь Кириянов долго добивался от подозреваемой в кровавой драме.

– Достаточно. Нам понятно, что ваш страх за свою жизнь, заставил совершить преднамеренное убийство. Но на работу вы устроились, я так понял? – под конец спросил следователь Кириянов, соблюдая наименьшее расстояние от рецидивистки.

– Да. Проработала неделю в школе. Сейчас вот меня оттуда уже уволили, – ответила она с циничным выражением лица, понимая под словом «работа» – оформление на временное замещение вакантной должности. – Добровольно сдаюсь вам.

Следователь Кириянов, эксперт Семенюк сопроводили убийцу в машину и закрыли дверь на засов. Вся процедура отняла максимум десять минут, но убийство произошло в считанные секунды.

Заседание суда, запланированное на рассмотрение этого дела, прошло через неделю. Седой пожилой судья вынес правильное решение: десять лет исправительной колонии,

не смотря на то, что у диверсантки и рецидивистки Гарднер, что было доказано в ходе обсуждения, была несовершеннолетняя дочь и сестра-близнец, покоровшая киноэкраны США и Европы. Из мест заключения подопечная не вернулась. Подростке дочери и мужу разрешили похоронить их родственницу, которая отбывала свой срок в той же колонии строгого режима, где и Безбеднова Таисия, она же Эмма Шмюк, за убийство своей племянницы Гали, забеременевшей от хозяина дома, по словам его жены. О девичьей фамилии – Глюк – Эмма никому не говорила, но следователя Кирьянова это не интересовало. Ему достаточно было выяснить после получения ответа из Министерства обороны, что надзирательница Шмюк и ее муж вместе работали в концентрационном лагере в течение трех лет до победы над фашизмом. Потом спешно меняли свои документы и фамилию на Безбедновы.

Карьера Эммы Шмюк – Безбедновой Таисии – на театральной сцене в стенах исправительного учреждения могла бы восхитить любого неискушенного зрителя. Когда была написана и поставлена в Драматическом театре пьеса на основе биографии одной из таких диверсанток, работавших в гестапо, то главную роль – Нилы Снежно – поручали иногда сыграть Безбедновой, с чем она с успехом справилась. Когда режим за спокойное поведение немного ослабили, привозили на милицейской машине в театр. Она шла вместе с конвоиром в гримерную и выходила на сцену. Надо было принять во внимание, что эксцентричность актрисы была сродни фетишизму, граничащим с желанием любой ценой прославиться.

Первые две премьеры прошли без сучка и задоринки, если не считать, что пистолет Макарова у молодых актеров был настоящий. Нила Снежно была сильно ранена в живот, но потом ее увезли в тюремный лазарет. Она долго лечилась. Спектакль отменили. Так как ни одна из актрис театра не хотела участвовать в смертоубийстве даже при всех званиях.

– Может быть снова будет постановка, но не скоро, – отвечали театральные кассиры докучливым зрителям, когда они спрашивали билет. – Пока билетов в кассе театра нет. Когда-то напечатают.

Как всему составу труппы театра, так и самой Безбедновой Таисии понравилась сыгранная роль. Она была убийцей племянницы, будто претендовавшей завладеть ее имуществом путем наследования дома и курятника будущим ребенком. Такую слезливую историю Эмма Шмюк рассказывала в письмах, посылаемых в Верховный суд для облегчения наказания.

Через пол года пьесу возобновили. В конце спектакля зрители аплодировали игре талантливых актеров и актрис. Они не подозревали, что смерть барабанщицы на этот раз была натуральной. Больше она на театральные подмостки не выходила, так как была застрелена из оружия мальчишками в шутку по ходу действия, как было написано в сценарии и разработано режиссером. Это обстоятельство долго приводило в замешательство ее дочь, выросшую в детском доме. Она также стала разводить птицу с течением времени. Зарабатывала, приторговывая тушками и яйцами через свою тетку – самую младшую из сестер Глюк – Дарью. О чем эти три самоуверенные особы мечтали с детства, играя в принцесс в маленьком домике, расположенном в Северной Лотарингии, а затем переехали в село Екатериновку, дабы осуществить заветную мечту каждой – стать, как минимум, царицей Екатериной III.

Быстро пролетела весна. Из маленького белого домика на улице Шевченко, где снимала комнату пропавшая женщина, никто больше не обращался в милицию. Случай утратил свою новизну, но оставался на рассмотрении у следователя Кирьянова в течение долгого времени. Он не приходил опрашивать свидетелей, так как в ходе судебного слушания свидетелем выступил он сам и эксперт Семенюк, демонстрируя свои неопровержимые доказательства виновности подсудимой.

Соседи пришли к заключению, что дело находится в ожидании новых свидетелей, но интересоваться результатами и сделанными выводами никто из них не стал.

– Без нас всех найдут, – говорил Борис Павлович, уравновешивая свои детей, чтобы они не совали нос в чужие дела.

* * *

«Если вы пришли в ресторан не один, а с женщиной, то (если это зимний или осенне-весенний сезон) у раздевалки помогите своей даме снять пальто и только после этого можете раздеться сами. Причем при входе в вестибюль ресторана вам следует снять головной убор, отдать зонт швейцару. Так обычно поступают в ресторане, в театре, концерте и др.» – Коля-финка – жилец полуподвального помещения углового дома по улице Шевченко, где проживал этажом выше Борис Павлович Вежин с семьей, читал правила поведения в общественных местах, зевая и перелистывая взятую на прокат у них книгу. Фолиант был в блестящей синей обложке и большого формата, что ему особенно нравилось.

Отбыв срок за непреднамеренное убийство чугунной кувалдой своего напарника во время смены на заводе, он откинулся с зоны. Пришел домой с видом хозяина комнаты, где проживала его сожительница, родившая мальчиков-двойню, похожих друг на друга, как две капли воды.

Дети постоянно находились в детском доме, так как гражданская жена Коли – Валя работала на местной трикотажной фабрике. Звеньева Тося угодливо разговаривала с ней, глядя снизу вверх, потому что ростом Валя удалась. Свою работу женщина знала отлично и пользовалась уважением в коллективе. Она надеялась после детдома в первый класс отдать близнецов в ближайший интернат, как сделали все ее единомышленницы по работе. Постоянно рассказывала об этом каждому встречному-поперечному, надоедая своими слащаво-слезливыми историями соседям по верхним этажам коммунального дома, бывшей аптеки, но переделанного под жилье.

О таких каменных строениях прекрасно сказал Гоголь, как о Собакевиче, «нескладно скроен, да крепко шит». На втором этаже стандартного строения с коммунальными комнатами со двора был большой деревянный балкон из коридора и кухни. Над балконом слышалась воркотня голубей. В надстроенных сараях, где раньше была голубятня, во дворе проживал, вернувшийся недавно из армии, солдат-срочник, устроившийся работать на рынок мясником, обустроивший себе в постройке притон из трех клетушек. Собак в доме не водилось.

Правда один раз появилась маленькая шавка у тюремного надзирателя – Егора Васильевича и работницы Молкомбината – Анны Ивановны по соседству с интеллигентными, тихими, провинциальными служащими – семьей Бориса Павловича, которые сменили мебель, снабдив ею Валю. Собака как-то выбежала на общую кухню, залиvisto лая. С разгона стукнула носом в ногу пятиклассницу Настю – дочку служащих – в первый день сентября, когда ребенок явился из школы с радостным видом и сообщил о начале учебного года. Девочка испугалась и вскрикнула. Тут же все домочадцы высыпали на общую кухню. Они стали обсуждать непредвиденный случай.

Собаку отвели, куда следует, а ребенку пригрозили сделать сорок уколов в живот. Других неожиданных событий не происходило, за исключением найденной случайно в углу кухни первого этажа мертвую, разложившуюся крысу за столом продавщицы овощного магазина – Тамары.

Немедленно вызвали санэпидстанцию. Провели дезинфекцию помещения с кафельным потрескавшимся полом – бывший зал для посетителей аптеки, где можно было танцевать, что они иногда делали, справляя свадьбы двоих совершеннолетних детей тюремного надзирателя и работницы Молкомбината. Однажды продавщица овощного магазина – Тамара потеряла золотую серьгу с большим рубином. Следом за этим у соседки из маленькой семиметровой комнатки, недавно вселившейся туда со своим молодым мужем, случился приступ эпилепсии прямо на кухне, когда она готовила обед.

– Немедленно надо вызвать скорую помощь, – посоветовала одна из жиличек – жена служащего – Нина Афанасьевна.

Телефон находился только в военном госпитале через дорогу. Туда послали саму говорящую об этом. Всех детей удалили из кухни, своими силами справились с упавшей на пол женщиной, получившей небольшие травмы. Скорая помощь отвезла ее в больницу. А соседи стали говорить, что это произошло из-за того, что она нашла золотую серьгу, потерянную Тамарой, отнесла в скупку, получив небольшие деньги. Вместо того чтобы честно вернуть владелице и мирно сосуществовать. Квитанцию молодой супруг нашел, показав всем взрослым соседям на общей кухне в развернутом виде, как доказательство вины своей припадочной супруги. Пока та лежала в больнице, он, вместо того, чтобы посещать больную, не теряя время даром, сошелся с женщиной с противоположной стороны улицы. После чего она забеременела. Затем в семиметровку въехала пенсионерка с внучкой. Вскоре появилась другая жиличка с вредными привычками: полоскать белье с хлоркой, развешивая на кухне, что никому не нравилось, но приходилось терпеть присутствие сырости. Из кухни дверь вела в обширный дворик с мусорным ящиком, аккуратно побеленным и с разложенными листами клейкой бумаги для мух.

Комната Вали, проживающей в полуподвале, по случаю предоставления ей руководством фабрики жилплощади за перевыполнение плана по пошиву спортивных костюмов, представляла собой обычное складское помещение, дверь открывалась без скрипа. Одна кровать и стол стояли по углам. Два стула и антикварный, продавленный, бархатный, черный диван с вензелями были принесены из двора с большими трудностями. Кто-то из соседей решил заменить мебель на удобную и современную.

Коля-финка был очень высокий, упирался головой в притолоку. Он имел спортивные достижения на стадионе, чем понравился Вале, где они познакомились. Он едва ли помнил тот праздничный майский вечер, когда за деньги он поспорил на улице с девушкой, что поставит мировой рекорд по бегу. Они с компанией пришли на стадион, сели на трибуны, распили бутылку пива. Коля снял, купленную приемным отцом, майку. Отдал друзьям. Он попросил считать вслух и побежал стометровку. На самом деле результат оказался лучше, поэтому у Вали загорелись глаза от изумления.

Первый проступок – стал сожительствовать с девушкой – работницей трикотажной фабрики, он совершил на другой день после окончания интерната, когда его направили на завод учеником слесаря и подсобным рабочим. Вскоре, буквально через неделю, когда при разговоре другого рабочего с мастером-наставником, тот хвалился, что если работать без прогулов, можно отлично заработать, Коля специально замешкался. Он краем уха услышал, что у опытного мастера-наставника есть в кошельке хорошие деньги за работу в предыдущем месяце. Коля наглядно увидел, как мастер расплачивался в столовой за обед и задал себе первый в жизни вопрос: «Почему у меня нет сейчас таких денег?»

– Коля, а ты что будешь заказывать? – спросил опытный рабочий у него, когда они пришли в заводскую столовую в перерыв на обед.

– Вот котлеты и щи, – ответил, вступавший в жизнь, ученик.

– Платить есть чем? – иронично спросил его мастер, завидел, что ученик растерялся.

– Нет, но могу завтра отдать, – ответил ученик. – У меня денег сегодня нет, – пояснил он.

– Завтра-то, завтра, – передразнил наставник, – а надо сегодня! – хрипло процедил следом. – Заработаешь, будешь, как все мы питаемся в столовой...

«Убил бы такого наставника», – пронеслось у Коли в голове. «Имею право питаться хорошо и сейчас. Только улучу момент!» – созрел у ученика коварный план.

«На мастера у меня пока руки коротки, да и схватят сразу. Вот сменщик, видать по характеру даже зарабатывает больше мастера, а хлюпик-хлюпиком», – вспомнил ученик своего сменщика – крепкого парня, чуть старше ученика.

«Свалю с завода с хорошими деньгами», – мелькнула у Коли криминальная мыслишка, не задумываясь о последствиях.

Имея взрывной характер и высокий рост, он не стал дожидаться зарплаты. Решил отметить свою свадьбу, но, чтобы бесплатно. Он хотел потешить свое честолюбие и желание процветать за счет обычного среднего обывателя. После смены в коридоре он подкараулил своего сменщика, который проработал уже пять лет в стенах завода, явившегося в цех вовремя, на полчаса раньше, чтобы подготовиться к смене: переодеться, разложить вещи.

Они вместе зашли в раздевалку. Коля принес кувалду заранее и спрятал под скамейку. Он нехотя переодевался в будничную одежду, сложил в шкафчик, посматривая, как сменщик располагался, раскладывал по-хозяйски вещи по полочкам. Выждал, когда тот отвернулся и готовый приступить к работе вышел из раздевалки. Первый шаг, сделанный сменщиком в коридоре, оказался последним. Ученик размахнулся и со всего маху ударил сменщика сзади чугунной кувалдой, предназначенной для забивания штырей в рельсы. Тело заташил, оставив в подсобке. Он порылся в вещах убитого, нашел кошелек. Деньги из кошелька на бутылку водки и закуску он взял себе. Потом выбежал из проходной завода с радостным выражением лица. На улице он отряхнулся и вразвалочку отправился на рынок. По ходу заглянул в пивную и выпил кружку пиво.

«Ну, теперь я богатый», – подумал, совершивший наглое убийство, молодой человек, чья судьба только начинала разворачиваться.

Когда пришли его цеховые товарищи в тот же день, они немедленно вызвали милицию. Тело сменщика отправили в морг. Нашли в подсобке под деревянной лавкой оружие преступления со следами крови на тыльной стороне.

Колю арестовали поздно вечером на глазах у испуганной Вали, когда сожитель допивал водку, налитую в граненый стакан, сидя на стуле в общежитии для работниц швейной фабрики, закусывая соленым огурцом, купленным им на базаре, чтобы угодить сожительнице.

Она навещала из любопытства своего «хахалю» на суде. И потом бегала к нему, так как добивалась снисхождения у судьи, чтобы ее уголовного не отправляли далеко. Чего, к всеобщему удовлетворению, не произошло. Несколько раз она ездила к нему на свидания в места лишения свободы и забеременела двойней.

Куда съехала Валя сначала из общежития в подвал, а из подвала в однокомнатную квартиру, казенный или частный дом со всеми своими нажитыми вещами без детей, никто из соседей коммуналки, где она проживала прежде, не знал. Все оставалось у нее в кромешной тайне, кроме того, что, когда Коля появился в «комфортабельном» подвале после зоны, она горячо делилась с соседями своими пожеланиями и хвалилась, какой у нее сожитель стал плохой:

– Нигде не работает, денег не дает, ругается. Испортился.

Двумя рюмками водки Валин сожитель – Коля-финка —опохмелился после вчерашнего загула, сидя во дворе.

«Устраиваться надо на работу, а потом пойду с друзьями отмечу свое появление в свете», – рассуждал он трезво. «Милиция на постоянку препроводит. Можно не волноваться».

Вышедший из запоя Коля-финка (кличку ему прилепили в тюрьме за высокий рост и силу) туманно соображал, что книгу о правилах хорошего тона придется возвращать.

Под вечер он протрезвел, поднялся с продавленного дивана, набросил на себя синюю трикотажную кофту, подаренную сожительницей в честь его появления. Он взял, изученный с большим трудом, фолиант недочитанной книги. Вышел из подвала, где раньше хранились лекарства, по лестнице на первый этаж. Прошел небольшим коридорчиком мимо двух комнат тюремного надзирателя и работницы Молкомбината с детьми. Постучался в дверь служащих.

– Вот ваша книга, – сказал он главе семьи. – Извиняюсь, что не успел дочитать, – мямля на свой лад, закончил тираду.

– Дочитывай и тогда принесешь, – ответил глава семьи вежливо.

– Ну, зачем? – спросил Коля-финка, надеясь еще взять взаймы денег на бутылку водки, чтобы почувствовать себя благородным аристократом, таким как описывалось в правилах поведения в талмуде, о котором у него вообще не было ни малейшего полного представления.

– Читай, читай! Не волнуйся! – разрешил сосед твердо.

Наступила пауза. Отклика в душе Бориса Павловича – соседа по первому этажу Коля-финка не нашел

– Могу отдать и сейчас. Мне понравилось все в ней, – сказал Коля-финка, разглядывая, как дочь-подросток служащего лежит на диване, с интересом наблюдая за вечерним визитером.

Любопытному гостю не хотелось уходить, и он тянул время, как обычно на суде при допросе свидетелей.

– Приходи, когда прочтешь, – хозяин квартиры слегка подтолкнул Колю-финку в коридор, закрыв за ним дверь.

Волей случая книга так и осталась у бывшего зэка. Он никак не решался вернуть, так как продал за бутылку водки в гастрономе продавщице винными товарами. Наконец в один из последующих месяцев, праздно слоняясь по рынку, увидел подобную книгу на лотке, аккуратно накрыв полый пиджака, найденного во дворе дома, снял с прилавка. Книга была в точности такая же, но обложка на пол тона светлее, так как лежала на прилавке на солнце и выгорела. Коля-финка пришел домой, показал новый экземпляр бывшему владельцу предыдущей книги, радостно сообщив:

– Вот ваша книга на замену, а ту я где-то забыл... – чувствуя себя оправданным, сказал он в двери, но не стал возвращать.

«Я вернул», – так он подумал, оставив книгу себе, испугавшись того, что он сделал, тут же взял назад, чтобы продать при удобных обстоятельствах.

Соседи по первому этажу давно в мыслях распрощались с Колей-финкой и его наглыми манерами воровать все у всех подряд на виду: картошку со двора, разложенную для просушки, деньги у жены, овощи с базара. Ворую и перепродавая любую потерянную гражданами вещь, уголовник пил, пробиваясь временными заработками грузчика на рынке. Иногда он таскал на себе туши, помогая соседу со второго этажа, который гордо считал себя мясником, торгуя всеми категориями мяса и фарша. Запой случались довольно часто. В следующий раз он угодил за решетку именно за эти самые проступки. Особенно он не находил себе места, когда вспоминал, что его бывшая сожительница завела себе любовником постового, чтобы оградить себя от грубостей бывшего отца их совместно нажитых детей.

Стоял теплый сентябрьский день. На вокзале толпы отъезжающих торопились с вещами к вагонам поездов. Происходило движение в разные направления. Около вагонов провожающие отдавали последние наставления. Продавцы цветов предлагали небольшие букеты роз.

Придя в ресторан при вокзале один в обычной гражданской одежде, Коля-финка сел за стол, наблюдая через стекло за бывшей сожительницей – матерью его двоих детей, стоящей на перроне. За ней он следил с самой остановки троллейбуса.

Она ждала появления электрички, чтобы отправиться в сторону дач, навести на участке порядок, срезать созревшие овощи, выкопать картошку, засыпать виноград землей, переложить яблоки в маленьком фанерном домике, а затем перевезти кое-что домой. Изворотливая Валя хотела снабдить продуктами, заканчивающих колледж, проживающих в общежитии, детей, также своего нового любовника-милиционера, который придерживался строгих правил и никогда, кроме праздников, не прикладывался к рюмке водки или вина.

Когда заштатный оркестр в ресторане только собирался начать исполнять популярную мелодию о любви, улучив момент, Коля-финка вышел украдкой из ресторана, не расплатившись, так как официант еще не успел подойти к нему, а только положил приборы: нож и вилку. Он срочно выскочил на перрон, заметив, что Валя пошла в сторону подземного перехода и выхода на следующий путь, туда, куда должна была прийти электричка.

Коля-финка, прихватив с собой нож из ресторана, спрятал его в карман брюк. Он без эмоций подошел к своей бывшей сожительнице. Он молча вонзил ей нож в самое сердце. Она вскрикнула от сильной боли, взмахнула руками, как подстреленная птица, уронив сумку и сетку на тротуар, повалилась на своего бывшего сожителя.

Дежурные по вокзалу двое милиционеров, заметив происшествие, подбежали сзади. Они схватили убийцу женщины за руки и отвели в привокзальный участок, надев на него наручники. Врачи из санчасти отправили убитую жертву на опознание в морг.

– Что же ты, дядя, такой приткий? – спросил его молодой старший лейтенант – следователь Кирьянов.

– Хотел отомстить за себя. Пусть не путается с вами! – ответил бывший сожитель, оцепенело водя воспаленными от выпивки глазами по стенам чистой комнаты участкового.

– Вот и получишь по полной программе! – спокойно сказал милиционер.

– Она мне много должна. Я с ней долго жил, из-за нее в тюрьму первый раз сел, а теперь уже навечно расстался с Валецкой, – заверил Коля-финка дежурного. – Да она мне... – хотел повторить задержанный подозреваемый только что сказанное признание.

У участкового милиционера было еще много текущих дел, разговаривать, с заключенным под стражу рецидивистом, ему было некогда. Он составил протокол задержания в присутствии двоих свидетелей и отправил убийцу надолго в камеру. Такой жестокий криминальный случай вызвал у местных журналистов и корреспондентов телевидения непримиримый отпор. Маленькая заметка появилась в газете внизу страницы на следующий день. Все прежние жители коммуналки, кто помнил Валу – работницу швейной фабрики, прочитали прискорбное сообщение в газете и осудили ее бывшего сожителя.

– Зря она с ним встречалась, ничего путного из этого брака не вышло. Перевоспитать не сумела, а надеялась... – возмущались соседи.

* * *

Подросток – Настя – дочь Бориса Павловича, проживавшая на первом этаже уголовного дома, часто посещала спортивные секции по плаванию и фигурному катанию с подругами. Искусственный лед весной и осенью был для платных групп. В их группе тренер большое внимание уделяла хореографии. Все молодые спортсменки стремились сдать на разряд и придумать спортивный танец под музыку, но тренер сразу всех предупредила, что надо сначала откатать школу, то есть научиться рисовать на льду восьмерки и параграфы. Усиленные тренировки укрепили характер девушек.

Мама перешила Насте из зеленой шерстяной юбки короткое платье для фигурного катания на катке зимой.

– В воскресенье у нас дополнительные занятия утром на льду, – сказала она как-то, обращаясь к отцу. – Кататься надо до двенадцати, пока лед будет свободный, а потом придут хоккеисты. Пойдешь со мной посмотреть? – спросила она, чтобы доказать, что у нее есть положительные успехи в данном виде спорта, так как отец однажды похвастался перед родственниками, что у дочери прекрасные способности. – У меня программа, – похвасталась она.

– Пойду, – ответил отец девушки, заметив неизгладимую тягу дочери к спорту. – Тогда быстрее собирайся. Идем.

Зимним воскресным утром они не долго собирались. Наконец к одиннадцати добрались на трамвае до катка, огороженного металлической сеткой. На морозе было трудно затягивать коньки. Да еще платье сильно тянуло, так как она надела его поверх кофты. Она отдала искусственную каракулеву шубку отцу в руки, а белые сапожки поставила рядом.

– Разгонюсь и согреюсь, – сказала она, поправляя вязанную белую шапочку и варежки. – Отличная погодка!

Вид у нее на фоне сверкающего белого льда и огромных сугробов по периметру катка был очаровательный. Вскоре на этом месте выстроили высотную гостиницу с рестораном и спа-салоном. Рядом появился дворец «Кристалл» с искусственным льдом, где готовили прославленных Мастеров спорта.

– Не торопись, а то поскользнешься, – пошутил отец. – Показывай, что ты умеешь.

– Буду кататься без музыки. У меня нет с собой магнитофона для воспроизведения сопровождения танца, – предупредила она важно отца, настроение у которого заметно повысилось, глядя на детей.

– Ты потом любую мелодию подберешь к своему выступлению, – посоветовал отец серьезно.

– Надеюсь, – сказала Настя, с энтузиазмом начиная свой крутой вираж по кругу. – С музыкой у меня есть проблемы.

Она сделала несколько оборотов, повторила изученные движения. Затем дорожкой перешла к небольшим прыжкам, названия которых ей еще были мало известны. Снова повторила вращение, волчок и все па, изученные на хореографии, закончив свое выступление шпагатом на льду.

Солнце, едва появившись из-за облаков, исчезло. Морозец выдался сильный. Холодный ветерок развеял все надежды на потепление. Начался снегопад, припорошив каток.

– Надо повторить все, что нам показывали, – потребовала она внимания со стороны публики, которая появилась внезапно, тоже желая покататься и получить удовольствие от спортивной тренировки. – Дети здесь разбегались, весь лед засыпали снегом.

Дети врассыпную бегали по льду, мешая исполнять нужные фигуры. Они баловались, кидаясь снежками, смеясь, уселись на снежные сугробы отдохнуть.

– Вот видишь, и первая публика появилась, – обрадовано сказал отец, притоптывая на месте от холода, – покажи всем, на что ты способна. У тебя есть характер и воля к победе. Тренируйся!

Разогревшись от быстрого виража, Настя откатала свою произвольную программу еще раз. Запыхавшись, подъехала к отцу после исполнения шпагата на белом пространстве льда, изрезанного коньками, с рытвинами и ухабами. Платье для фигурного катания напоминало ей о зеленой листве лета. Она получила огромное удовольствие от тренировки под руководством опытного наставника, но снова завьюжило, и пошел сильный снег.

– Вижу, что у тебя хорошие успехи. Ты доказала, что умеешь кататься, – похвалил отец дочь-спортсменку. – Молодец.

– Пойдем домой, а то ты совсем замерзнешь, – посочувствовала она отцу, заметив, что стоять около часа на морозе не слишком приятно. – Думаю, надо возвращаться. Погода портится.

Она снова переоделась, накинула каракулевую искусственную шубку, схватила коньки в руки, побежала вперед. Теперь у нее появилась надежда, что спортивный разряд ей обеспечен. Хотя до Мастера спорта ей было еще далеко, тем более принимать участие в международных выездных олимпиадах, о чем она иногда мечтала.

– Хорошо научишься кататься на коньках, будешь участвовать в соревнованиях, – сказал отец по дороге домой. – Старайся.

– Надеюсь освоить главные элементы, а затем перейти к второстепенным пируэтам, – заметила она, как опытная фигуристка. – Но, – она грустно вздохнула, – лед с буграми.

– Какие у тебя отношения с подругами? – спросил отец настойчиво. – Ты общаешься с ними в школе на уроках?

– Конечно. Мы дружим нормально, – ответила Настя радостно, понимая, о чем шла речь. – А что? Есть о них какие-то сплетни?

– Всегда нужен хороший тренер и отличная спортивная форма, – продолжил он. – А с подругами надо разговаривать об учебе.

– У нас разные интересы в школе, а на фигурном катании – постоянно менялся состав группы, – доложила она.

– Это, верно, так всегда бывает, – философски заметил отец. – Ты можешь привлечь своих школьных друзей и научить кататься так же, как ты сама. Они тебе спасибо скажут.

– Да они сами не хотят, – сказала Настя в ответ, довольная, что тренировка прошла успешно. – Они странные бывают...

– Ну, это ты зря, они, видно, заняты чем-то более важным, – сказал он, когда они зашли в трамвай и заняли места.

Настя добросовестно заплатила за свой билет, так как у отца был бесплатный проезд, как у ветерана труда. Он достал из кармана и развернул местную газету, где он в свое время трудился. Он всегда читал политические, местные, сельскохозяйственные новости, ежедневно дочитывая до точки каждую статью, а затем обсуждал с соседями. А его дочь не любила делиться своими школьными делами с родителями. Ее вполне устраивала ситуация: быть среди отличников класса и заниматься регулярно спортом.

– Говорят, что у нас в городе нет хороших тренеров. Все лучшие спортсмены уехали в Москву, – проговорила она, желая перейти на другую тему – ближе к спортивным достижениям мастеров.

– Это возможно, – ответил он, убирая местную прессу в карман пальто. – О чем ты хочешь рассказать?

– Ты же смотрел мировые чемпионаты и состязания по фигурному катанию. Какие там замечательные пары! А среди женского одиночного катания почему-то нет чемпионов, – подсадовала девушка. – Конечно, будут, но не скоро.

– У тебя будет еще время потренироваться в этом году, – успокоил ее отец, когда они уже вернулись домой. – Дерзай.

– Если хочет заниматься среди чемпионов, пусть едет и живет в Москве одна, – продолжил старший брат – Петр – развивать спортивную тему, когда узнал, что сестра вырабатывала волю, стремилась достичь результатов в соревнованиях, посещая секцию и преодолевая жизненные трудности. – Ей все по плечу!

Сестра с отчаянием поняла, что поездка в столицу и занятия с именитыми тренерами ей не грозят в ближайшее время, но если не торопиться, как говорил ей отец, то можно получить отличные спортивные навыки, даже не уезжая далеко от дома.

– Куда я поеду одна? – спросила Настя наиграно разочарованно. – Где я буду жить? Среднюю школу надо будет бросать здесь... Переходить в другую... Много дорог впереди...

Она села на большой старинный диван со светло-коричневой гобеленовой обивкой. Положила ноги на сиденье, а сама оперлась об округлую спинку с деревянной полочкой, покрытой длинной вышитой салфеткой, на которой стояла мамина алюминиевая пудреница с голубой цветочной вставкой из скани, розовая пластиковая шкатулка для писем с розой в крышке, а в середине красовалось старинное детское фото отца, сидящего на деревянной лошадке. Эта картинка была вставлена в светлое матовое обрамление и установлена на маленьком пьедестале.

Настя периодически, в зависимости от настроения, перекладывала мелкие вещи с места на место, восхищаясь в душе, сделанной мамой, яркой вышивкой. Подобная вышивка, но чуть больше, лежала на пианино. На четырех стульях, стоящих вокруг стола, обитых черным дерматином, в свое время были надеты белые чехлы, на спинках которых красовались вышитые букеты незабудок. Эти чехлы просуществовали ровно один сезон и быстро порвались. Потом были выброшены самой мамой в огромный деревянный ящик во дворе, в назидание больше никогда не притрагиваться к иглке и нитке. Лежали чехлы где-то, или кто-то взял и зашил их

для использования? Никто не знал. Однако Настя сохранила в тайне от всех один экземпляр вышивки для себя на память.

Сидя на массивном диване, она всегда старалась расположиться прямо под газетницей с полуметровым изображением восточной красавицы в белом высоком тюрбане, синих шароварах, зеленых чуваках, белых, переплетенных шнурком, чулках, желтой атласной с красной каймой и широкими рукавами кофте поверх шелковой розовой сорочки. Узбечка, стоящая на терракотовом фоне, вышитой картинке, в руках над головой держала плетеную светло-желтую корзину полную изысканных фруктов: дыню, виноград, гранаты, яблоки, груши. Это оригинальное изображение состояло из маленьких кусочков ткани, плотно сшитых воедино в виде детской аппликации.

«Это просто поднос изобилия», – думала Настя, глядя на вышивку.

В дни болезни, девочка, глядя в потолок, рассматривала эту картинку. Она вспоминала о рукоделии, разных видах вышивок, вязании крючком, спицами, штопанье, шитье, все то, чем можно было заполнить ей досуг, когда температура спадала, и чему научила ее мама.

– Да, конечно. Всегда появляются преграды, но с ними можно и даже нужно бороться, – сказала мама строго, заметив плохое настроение у дочери. – Надо добиваться цели, поставленной впереди себя, – она решила по-дружески подбодрить ее не падать духом. – Ты не одна в своих стремлениях к победе!

Настя вспомнила девиз из книги «Два капитана» Каверина, которую прочитала в летние каникулы: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Она понимала, что мама для нее может быть единственным человеком для подражания.

– Пусть едет, куда хочет, – посоветовал брат, лгисто выискивая способ договориться с сестрой, никогда больше не встречаться по пустякам, чтобы не было жалоб родителям на грубое поведение другой стороны, дабы избежать недомолвок, глупых придирок и внезапных обид. – Раз решила расстаться с домом, езжай!

– Почему ты сам не поедешь в Москву? – спросила Настя, негодуя. – У тебя, как у парня, все проще. Ты очень способный.

– Слишком хлопотное это дело. Да и затраты большие, – ответил Петр глубокомысленно. – Надо конечно подумать...

В стенах коммунальной квартиры он старался занять посредническую позицию вместо того, чтобы заняться своими скрипичными музыкальными упражнениями для подготовки к вступительным экзаменам в Консерваторию или найти место, где можно применить свои таланты.

– Там у нас есть родственники. У них нет маленьких детей. Можно остановиться жить в их квартире на первых порах, – предложил отец здраво, а мама с грустью посмотрела на своих родственников, которых она видела не слишком часто из-за своей ответственной работы в больнице. – Жалко расставаться.

– Но меня они не приглашали в гости, – парировала дочь.

– А ты возьми и напиши им письмо, – снова возник голос брата из глубины комнаты. – Писать ты умеешь наверно.

Он перебирал большую кипу нот, напевая себе под нос турецкий марш Моцарта. Откладывая в сторону те ноты, которые они уже изучили, сравнивая пачки, он понимал, что все еще впереди.

Настя с усталостью оглядела родные пенаты, засыпая, ругала себя за нерасторопность и за отсутствие такта по отношению к родным: «Как я брошу родителей? У меня не хватит ни сил, ни денег на дорогу. Чтобы жить в незнакомом городе, нужны связи. Этих столичных родственников я совсем не знаю. Ну и что, если у них нет детей? Они не понесут ответственности за меня. Вообще, правильно сказал брат, что „это слишком хлопотное дело“. А как было бы

здорово и весело познакомиться с москвичами!» – осенило ее под конец. «Все равно когда-нибудь познакомлюсь со столицей».

III

Ухажеров у красивой, грациозной девушки хватало. Еще в школе за ней ухаживал на переменах «главный бандит» и верзила, смущая девушку своим появлением во время урока. Он жил на их улице со своей сожительницей – продавщицей обувного магазина – высокой, жизнерадостной блондинкой. Настя едва успевала отказывать в свидании всем одноклассникам, кто дружил с ней на переменах.

Однажды в дни школьных весенних каникул, когда еще был жив их отец, и они с родственниками не так часто посещали местное кладбище, Настя с мамой отправились на пароходе «Дмитрий Фурманов» прокатиться до Волгограда. Там произошла удачная встреча без нравоучений с прежним другом – Сашей, его старшей сестрой и моложавой матерью. Они путешествовали на том же пароходе, тем же классом, но в разных соседних каютах. Тогда у обеих мамаш при посадке и размещении появилось внезапное желание устроить Настю с ее старинным другом вместе на одну верхнюю полку для экономии пространства каюты.

– А если кто-то из нас двоих упадет с полки, – спросила тогда испуганная Настя, разговорившись в виду отсутствия кавалера.

– Не бойся, места всем хватит, – заявила самоуверенно мать Саши, оглядывая своих попутчиков с интересом.

Женщины сразу отбросили эти никчемные предрассудки. При детях они старались не болтать о пустяках. За ними увязался аспирант Медуниверситета Мантрыгин – высокий, крепкий, лысоватый парень – будущий ученый. Он стал назойливо преследовать Настю во время прогулок на палубе, фотографируя, рассказывая о сложностях семейной жизни, взаимоотношениях между мужчиной и женщиной.

– Мы с тобой так подружились, что можем перейти на более близкое знакомство, – продекламировал аспирант, поцеловав осторожно девушку в шею.

Настя удивилась несказанно такой смелости и откровенному нежному переходу в непривычных условиях к симпатии.

– О каких интимных отношениях мне нужно знать? – спросила Настя, заинтригованная следующим шагом красивого мужчины, стремящегося завести адюльтер с подростком одиннадцати лет, чтобы придать ее предназначенности более взрослое понимание со стороны пассажиров и команды парохода.

– Когда супруги или партнеры по секрету любят друг друга, то у них могут возникнуть непредсказуемые трения или конфликты, что часто случается в личной жизни у всех пар, – объяснил он девушке то, что Фрейд, а часто целые поколения и страны не могли доказать в течение всей своей трагической жизни.

– Мне еще рано об этом знать. Мы пока не муж и жена, – откровенно ответила Настя на его притязания.

– Философы забыли сказать о природном предназначении, апеллируя только к теории и психологии подсознательного момента ощущений, свойственных заурядным людям, мечтающих создать семью и научиться воспитывать своих детей – точной копии себя, – развил свою мысль аспирант.

Настя задумалась. Она вспомнила стихи Г. Державина, написанные в 1816 году – более ста пятидесяти лет назад, однажды услышанные на уроке литературы в школе и изречла:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

Она запнулась, не зная продолжения стиха. Вдруг с капитанского мостика услышала следующие четыре строчки, которые декламировал сам кавторанг, стоя на самом верху, глядя в уходящий форватор парохода.

А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

От этого ей стало ужасно совестно перед окружавшими их отдыхающими на речном пароходе за свое поведение, но чарующее влечение заполнял существование в течение дня.

«А вдруг кто-то заметит такой грешный проступок, что я влюблена, и у нас завязался разговор?» – промелькнула у нее каверзная мысль.

Из-за корпуса кормового отделения на второй и верхней палубе выскочил тот самый подросток, с кем, как она позднее догадалась, встречала когда-то Первоймай на улицах города. Он крикнул визгливо, пробегая мимо с молниеносной скоростью:

– Идите все сюда. Я их нашел, а то они уйдут.

Он повторил свои призыва два раза. Но никто не появлялся.

– Это тебя? – спросил в недоумении Мантрыгин, задушевно обнимая девушку. – У меня нет знакомых детей такого возраста, – примитивно солгал он.

– Наверно надо срочно идти на ужин, – ответила Настя вальяжно, начиная привыкать к его ухаживаниям. – Я проголодалась. Хотела вас спросить, вы не обиделись, что мы с вами постоянно прогуливались вместе? – спросила тона на два ниже девушка. – А то мне не хотелось бы, чтобы у вас возникло неправильное мнение обо мне, как о человеке.

– Нисколько, можешь не расстраиваться, – ответил он искренне.

Своими откровенными манерами аспирант-медик подкупил и вскружил голову юному созданию. У Насти было страстное желание выяснить у пожирателя сердец, кем она ему приходится по статусу. Поэтому она спросила Мантрыгина, стесняясь, на ушко, прислоняясь щекой к его чисто выбритой щеке, меняя обращение на фамильярно-приторные обиходные выражения, как с одноклассниками, обращаясь к взрослому человеку на «ты», будто он стал ее родственником или скинул лет десять:

– Кем я тебе прихожусь?

Она хотела сказать «дорогой», но слово застряло у нее в горле, как невысказанный беловато-прозрачный облачный ком, обволакивающий ее, совершающий в ней свои химические превращения. Она тут же разозлилась на себя, что не успела правильно высказаться. Но эгоизмом собственности она отгоняла от себя предательство, меняясь в лице, превращаясь в настоящую женщину-хищницу с требовательными запросами, забирающими частички своей страсти, поглощенная только такой весенней охотой. Мельчайшие остатки брэнного тела выпрыгивали в пространство, разгоняясь на бешеной скорости, набирая космическую окраску скоростного притяжения планетарного масштаба. Ждать и догонять было опасно, но рискованные направления испещряли переростка-мужчину, изгоняя из девушки-подростка неправильное и плохое, рядом с положительным примером, перерождая в наилучшее обновление цветения и плодоношение с неизгладимыми воспоминаниями счастья.

– Любовницей, – неожиданно ответил аспирант, глядя на нее в упор голубовато-зелеными глазами, полными надежды, невысказанной тоски по прекрасному безумному счастью первых свиданий, откровенных разговоров о пламени желаний.

Она старалась не замечать некоторого цинизма в его выражениях, так как слишком щекотливой была сама ситуация общения. Они немедленно сдружились, прогуливаясь вместе

по палубе, наслаждаясь теплым, весенним ветерком и великолепными видами Волжских просторов, где они выросли. Она была в куртке, шерстяных брюках, красных потертых босоножках, а он в приличном дорожном костюме и ветровке. Занимательно пружиня на поворотах, они перекачивались с участка на корме к бортику, хватаясь изредка за поручни.

– Сколько тебе лет? – хотел выяснить молодой хирург, увлекаясь худобой, изысканными чертами спутницы.

– Четырнадцать, – соврала Настя беспечно, чувствуя себя защищенной, прибавив всего два года. – Или около этого...

– Можно сомневаться, – прозаически раскрыл ее тайну взрослый ухажер со скрытой завистью, жаждой встать на одну ступень умственного и физического развития, вернув себе двадцать лет.

– Прости, прибавила всего лишь два года, но надеюсь, мы останемся друзьями, – изрекла она с детским пафосом. – Не обижайся, если мы скоро расстанемся, – высказалась она, придавая остроты своим детским переживаниям.

Они друг за другом, когда никого не было рядом, встали на самом носу судно, как учил всех отдыхающих руководитель развлечений, рассказывая легенды, показывая на деле свои способности. Раскинули руки в стороны по морскому обычаю, чтобы сохранить дружбу на долгие годы на суше.

– А теперь кто мы? – задал тот же вопрос аспирант-медик.

– Влюбленники, – перепутав слова «влюбленные» и «пленники», быстро произнесла девушка. – Ой, кажется, я ошиблась в любовной терминологии, – смутившись, отойдя на шаг, сказала она с жаром.

Посещение прекрасно оборудованного, с белыми скатертями на круглых столах, ресторана на носу парохода, проживание в каюте, вызвало гораздо меньше эмоций, но тоже доставило немало приятных минут всем пассажирам, кто разделял с ними этот небольшой круиз. Там Настя, тревожась за такие серьезные обстоятельства судьбоносного разговора с Мантрыгиным, все-таки надеялась на случайную встречу со своим давним другом, с кем познакомилась, когда ходила на Первомайскую демонстрацию с сотрудниками мамы. Но, увы! Она одна обошла вокруг все палубы, оставив на минуту аспиранта-медика, но к своей великой радости не встретила одногодку.

«Он стал такой прыткий, изворотливый, видно не хочет со мной разговаривать. Много других забот у этого мальчишки», – решила она, сопереживая маленькому негоднику, который завел адюльтер с собственной сестрой, скрывая свои отношения постоянной беготней по лестницам то вверх, то вниз. Но капитан заметил, что молоденькая подруга его сына – Настя Вежина не была его однофамилицей, но дальней родственницей по отцу. Он пригласил всех своих знакомых в Саратове отметить его день рождения за сносную плату с учетом расходов за питание и проживание не в комфортабельных каютах, а в трюме без удобств и постели, как настоящие матросы, за исключением обеда в ресторане раз в день. Всего было тридцать пять человек без команды речников. Своего сына – аспиранта-медика Мантрыгина – он поселил с собой в каюте в качестве помощника капитана за те же небольшие деньги, пригрозив ему, что он должен следить за дисциплиной на судне, давно списанному на рейд. Впоследствии этот двухъярусный пароход был подновлен для использования режиссером Михалковым при съемках художественного фильма «Жестокий романс» на основе переделанной пьесы Островского «Бесприданница».

Нина Афанасьевна в роли мамы и обожательницы детских надоедливых забав в это время оставалась сидеть на кресле, наслаждаясь видом необъятных речных просторов, беседуя с отдыхающими пассажирами, расположившимися рядом. Однако маленькая надежда увидеть старого приятеля у девушки оставалась. Долгожданная мимолетная встреча состоялась, хотя в непредвиденных обстоятельствах.

– Они воруют, – закричал маленький смутяня, возмутитель спокойствия, когда заметил, что у него появился соперник в лице взрослого красивого мужчины.

– Он что-то собой представляет? – спросил Мантрыгин, безнадежно увлеченный женскими слабостями.

– Нет. Он мой ровесник. Просто хулиган. Не обращай на него внимания, – ответила Настя, защищая свои интересы.

– Так кричат перед свадьбой, когда крадут невесту, – сказал Мантрыгин, затронув народные традиции.

– Ты куда-то пропадаешь. Я тебя ждала. Почему-то тебя не было целый день? – спросила она, не рассчитывая на правдивый ответ.

– Там был у себя в каюте. Спал, – ответил он с юмором.

– Так долго? Удивительно, – спросила и тут же ответила Настя.

Она заметила, что на пароходе у Мантрыгина был параллельный адюльтер с блондинкой Валеи, у которой тоже было место в каюте трюма. Они познакомились в железнодорожной больнице, там же где работала Нина Афанасьевна врачом скорой помощи, а мать Вали – Дарья, трудилась санитаркой, проживая с семьей Вежиных в коммунальной квартире на общей кухне в маленькой семиметровке. Она была самой младшей сестрой Шмюк, которая приходила прощаться с телом погибшей племянницы – Гали Безбедновой, ставшей жертвой собственных родственников. Валя была абитуриенткой Музыкального училища, на семь лет старше Насти, но провалила вступительные экзамены. С ней был знаком романтический Петр – брат Насти, питая самые теплые чувства. Но Валя выбрала хирурга, так как очень хотела от него забеременеть и родить ребенка. Потом отдать в детский дом. Самой сесте в спецподразделение милиции для изучения лиц склонных к диверсионной работе: с надломанной психикой, воров, маньяков, картежников, посаженных за мелкие преступления, чтобы завербовать их в отряд особого назначения для ведения подрывной деятельности на территории СССР. Мечтая поступить в Юридический институт, получив диплом, уехать на свою историческую родину в Германию.

Конкурировать с такой опасной соперницей Настя не собиралась, поэтому относилась ко всему этому забавному приключению скептически. Внезапно она увидела ту самую Валу, подходящую к ней, когда она стояла на палубе одна у бортика, где был спуск в трюм.

– Вижу, что ты скучаешь? – спросила та агрессивно.

– Нет, просто отдыхаю перед прыжком в воду. Готовлюсь стать великой пловчихой, – кутаясь в куртку, ответила Настя. – Что ты хочешь от меня? – потребовала она в ответ, боясь пошевелиться, так как с другой стороны к ней подошла другая девушка, примерно ее ровесница с твердым намерением начать драться за пустую палубу.

Туда никто не хотел выходить, так как дремали в тесных каютах перед посещением музыкального салона, играми в шахматы, домино, карты.

– Добрый день, неплохо так просто отдыхать? – спросила вновь появившаяся пассажирка, размахивая своими распущенными светлыми волосами.

Естественный поведением незнакомки ослабило стресс.

– Твоим вниманием не был обделен мой ухажер, – настаивала Валя, хватая Настю за правую руку, заламывая назад.

Ошеломленная грубым поведением взрослой женщины, Настя с силой выдернула руку, так, что чуть не ударила, стоящую справа высокую блондинку, рассчитывающую поквитаться с кем-либо за отсутствие сносных удобств.

– Ой, не заметила, что уже надо идти в салон, – сказала, попавшая в клещи девушка, едва выбираясь из цепких рук обеих соседок по прогулке, пытавшихся сжать старым приемом «битье масла».

– Ну, ты и стерва, – крикнула вдогонку Насте Валя, охваченная жаждой мести за свои неудачи в любовных интригах, проигрывая, перед милой кокеткой, набирающей цвет, подаю-

щей надежды стать в скором времени светской красавицей, львицей в мечтах, овечкой в поведении.

Наконец в тот же злополучный вечер она узрела совершенно четко того самого сметливого паренька, с которым гуляла на демонстрации год назад. Всей семьей они аппетитно поглощали ужин в ресторане, на который она с Мантрыгиным, увлекшись поцелуями и выяснением отношений, опоздали, уточняя свои партии в затеянном ими любовном союзе, пренебрегая условностями светской жизни.

– Настя, ты наверно проголодалась? – спросил он заботливо. – Зачем столько раз обходить палубу вокруг? Так хочешь похудеть и меня с собой затягиваешь в четвертый круг? Мы же уже одни здесь остались, все убежали ужинать, или ты объелась? – не давая ей осмыслить вопросов, он продолжал подталкивать свою подругу все вперед для резерва потенциальной энергии, накопленной на судне, чтобы растратить в городе на мелкие заботы о существовании.

– Нет, мы нагуливаем аппетит. Сейчас уже немного осталось. Вот кажется та самая дверь в ресторан, – сказала она, схватившись за латунную ручку двери, ведущую в незатейливый ресторан у кормы, огороженный занавесками на витражных окнах с латунными ободками и диорамным просмотром всех зашедших внутрь, как в большом аквариуме.

Оттуда они начали свой курс, чтобы скрыться от пассажиров парохода, которые толпой ворвались в зал, рассаживаясь за столами, дожидаясь, пока принесут деликатесы: бутерброды с красной или черной икрой, зеленый горошек, пюре с сосиской на второе, селедку, дымящийся суп из курицы или щи. Сладко-кислого десерта не предполагалось. Эту роскошь могли себе позволить только сами матросы, которые поглощали виноград, яблоки и гранаты у себя в камбузе вместе с капитаном парохода.

– Хотела кое-что сказать... Скорее предостеречь... – сказала девушка, взявшись за поручни, немного отстранившись от провожатого.

– Ты что боишься меня? – спросил он, превращаясь в кролика на тонкой ниточке с бантиком на шее. – Не бойся, я не собираюсь тебя выкидывать в воду, – он крепко обнял Настю, наклонив вперед, пытаясь оторвать от реи, за которую она держалась.

Он навалился всем корпусом, килограммов на восемьдесят пять так, что она еле сдержала дыхание, чтобы не закричать от боли и ужаса перед темной водной стихией реки, закручивающейся в водовороты при развороте между буйками на самой глубине.

– Ой, как на кладбище, – сказала она, вывернувшись, повернувшись к нему лицом, смеясь и заикаясь от воздуха, попавшего к ней в рот. – Увидела тебя рядом со мной в водной пучине.

– Неужели ты живая, морфология? Разве двух твоих родную и двоюродную теток по отцовской линии Антонину и Валентину не изнасиловал и не расстрелял потом белый унтер офицер по фамилии Романов Николай Николаевич в октябре 1922 года, когда им было обоим – тридцать три года, привязав веревками к кровати? А до этого он расстрелял в марте твоего шестнадцатилетнего дядю Владимира, когда тот пытался предупредить, что династия Романовых готовит нападение на семьи горожан, устраивая еврейские погромы. Этот тиран тогда сбежал из тюрьмы общего режима, – сказал Мантрыгин, заполняя паузу своим рассказом, давая Насте обсохнуть от брызг, взметнувшихся вверх, окатив обоих с ног до головы.

– Это что, экскурс в историю? О чем речь? Извини, ничего не поняла, – смеясь и плача одновременно от нахлынувших чувств, спросила она, продолжая вытирать лицо руками с кольцом на правой руке безымянного пальца.

Она отодвинулась от него, становясь в позу солдата на каком-то выделенном круговом пространстве, освещенная одним единственным ярким лучом заходящего солнца, брызнувшим из-за туч, притягивая, как магнитом, аспиранта-медика Мантрыгина.

– Ладно, забудь! Но помни, что ты мне скажешь, не имеет никакого значения к нашим личным отношениям. Мы с тобой теперь муж и жена. Что бы ты мне не сказала, будет всегда использовано против тебя, дорога моя девочка, соловушка, – сказал он, терпеливо дожи-

даясь, пока она не высохнет, чтобы продолжить прогулку по чистой голубой, отполированной до блеска пассажирами и матросами, палубе.

– Как романтично! Буду знать, кого ждать с берега, – сказала она фразу, предназначенную всем молодоженам, кто устраивал скоропалительную свадьбу перед фрахтом судна на рейд.

– Это еще не самое страшное испытание, которому ты должна будешь подвергнуться, кроме всех семейных воспитательных моментов... Вот на морских судах вообще нет рей, а только одни решетки... – сказал он, вызывая ее на спор.

– Эй! – крикнула Настя злорадно грудным голосом, сообразив, что он не намерен сдаваться, проверяет ее психику на прочность. – Потому что там лежат на этих решетках, когда начинается морская болезнь, – произнесла она, не зная, как продолжить свой новоиспеченный миф о своем могуществе над природой.

– Bravo! Объяснение принято с оценкой удовлетворительно, – задорно, с профессорским шумом, надеясь на ее сострадание к его вниманию, отчеканил он.

– Ну, так вот, прими к сведению. У меня не самые добрые отношения с братом, мамой и всеми хищниками в зоопарке. У них есть зубы-клыки, как у саблезубых тигров, ногти, как у орлов или кошек, а яд, как у гремучей змеи. А грохот, как у оркестрантов с музыкальными инструментами... Кажется, что меня ждут тяжелые испытания без тебя с вестибулярным аппаратом. Кто же тогда тот единственный, у которого нет уже сил помогать мне в грядущих жизненных трудностях? Он наверно будет мне другом на всю оставшуюся жизнь, а я не знаю об этом. Устала намекать на наши с тобой матримониальные заботы о подрастающем поколении, – сказала она, запрокинув голову назад, чтобы разглядеть попутчика-мужа, давая ему правую руку, чтобы он лучше рассмотрел ее блестящее на солнце кольцо.

Мантрыгину было любопытно такое проявление подростковых чувств у своей пассии, кого он хорошо знал с детского возраста, назначался сам ее опекуном, сочувствуя родителям. Даже дважды появлялся в школе на перемене, преследуя ребенка своими вожденными желаниями.

– Рассмотрю твоё предложение и кольцо, – проявляя активность, ответил он, взяв Настю за талию, целуя в тонкую шею, худые плечи, подбородок, лоб.

Он не давал ей прийти в себя от охватившего их романтического любовного влечения, перехватившего поступления воздуха внутрь организма.

– Вот, отдаю тебе руку и сердце в наше свадебное путешествие на веки веков, аминь! – воскликнула она чуть слышно, так как ничего другого не оставалось сказать.

– Страшно представить твоё будущее среди джунглей пампасов, где «бегают бизоны...», растут баобабы и кипят нешуточные страсти между пиратом, креолкой и ковбоем», – ответил он словами Остапа Бендера.

Он более послушно обнял Настю, овладев ею темпераментно, как опытной женщиной, среди одиноких кают на пустынной палубе первого класса. Прислоняя то к одному бортику, то к другому, то к стенке зала для концертов с занавешенными окнами. Они закатывались по стенкам в рулон, мотаясь из стороны в сторону, чуть ли не валясь с ног в месте для половых сношений, где они гуляли сразу после посадки с мамой, о чем та по секрету сообщила своей дочери. Туда периодически заглядывали усталые пассажиры, которым надо было пройти этот промежуток пути. Но старый друг Насти по Первомайской демонстрации – Саша – устроил там оцепление, не пропуская никого вперед, а сам нервно подглядывал за обычными природными действиями девушки с серьезными намерениями быть понятой не только своими чувствами, но и капитаном парохода, который стал гудеть в рупор и скандировать: «Товарищи отдыхающие, вы можете не спешить. Проходите в концертный зал. Сейчас там начнется просмотр художественного фильма: «Моя любимая девушка» с участием Мэри Пикфорд и Дугласа Фэрбенкса.

– Это чья дочка там разговаривает с моим знакомым? – с радостью крикнул кто-то из-за угла.

– Это – моя жена, – крикнул хирург, что есть мочи. – У нее искривление позвоночника, а еще мне нужен ассистент, чтобы найти кольцо, которое мы обронили... – более спокойно произнес он, плотно удерживая свою женщину рядом, не давая ей сделать не малейшего движения, чтобы избавить от своего участия, когда они сели, а потом встали в рост у музыкального салона.

– Это – моя дочь, – ответила с гордостью Нина Афанасьевна.

– Мы разучиваем новые движения танца. Боимся упасть в воду. Вот держимся друг за друга, как в венгерской рапсодии, – объяснила Настя свою неустойчивую страсть к Мантрыгину, как мужу, любовнику и законодателю мод среди закоряченных свидетелей.

– Вот новое па, смотрите, пожалуйста. Меня зовут – Вежина Настя, а это мое кольцо, доказывающее наш брак, – крикнула она, когда они перекатились прямо над кабиной капитана.

– Я все закрыла, а все двери нараспашку, – прошептала она легко.

– У нас получился такой хороший буевый теплый домик, как в школе, – ответил он, наклоняясь совсем близко к ее спине, стараясь приподнять с колен со спины за талию, будто она искала кольцо.

– Кто тебя научил мыть полы? – спросила она, представляя из себя крошечного ежика или черепаху, или зайца-русака в схватке с бенгальским тигром, когда ее куртка с мохеровой серой подкладкой развивалась, то все оставшиеся зрители, две-три пары подростков с родителями стали имитировать танцевальные движения, воссоздавая природное равновесие на пароходе.

Некоторые из пар стали издавать рычащие, булькающие, пищание звуки. Кто-то пел, мурлыкал, лаял, безмерно зачаровывая своими гримасами наблюдателей. Длинноволосая блондинка с высоким худосочным кузеном Насти изображали спаривание лебедей. Образовалось три стабильные пары, как в фигурном катании.

– ... мы выбились в финал, – чаруя своими прелестями, сказала Настя, негодуя и расталкивая тех, кто хотел занять ее позицию рядом с Мантрыгиным в природном танце. – Мы боимся, нас унесет ветром, – парировала она.

«Зря я это придумала. Такой конфуз мне никто не простит из одноклассников. Причем здесь твоя работа», – подумала Настя.

Сверху Мантрыгина подошла мама любопытного Саши, знакомого Насти по Первомайской демонстрации, а спереди мама Насти. Они образовали люльку, удерживая Насти с Мантрыгиным в определенном положении, давая им возможность расслабиться.

– Оставайтесь так, – сказали, стоящие рядом женщины: Нина Афанасьевна и подруга Мантрыгина по работе, с кем он иногда перекидывался однозначными фразами типа:

– Вытрите нам пол, Валя. Салфетки есть в ресторане. Принесите стакан содовой воды из гальяна, Нина Афанасьевна. Выпейте воду госпожа Рубина. А вы не моя женщина, Вера, – распределил роли четырех красавиц бенгальский тигр с легкостью хирурга, как перед серьезным оперативным вмешательством.

– Тебе это даром не пройдет, девушка, – затараторили сумасбродные сплетницы, в состав которых входила длинноволосая блондинка.

– Не отвлекайся от нашего родового инстинкта. Представь, что я бенгальский тигр, – сказал хирург, когда закончилось третье действие полового акта.

– Бывает, – упрекнула она его в безалаберности, когда все сбежали в столовую.

Все наблюдавшие за ними от скуки, отделились на значительное расстояние, кто-то прошел в ресторан, кто-то занял позицию в салоне, упиваясь американским фильмом.

– Что естественно, то не безобразно, – сказала, уходившая последней, как с тонущего корабля, Вера – высокая полная блондинка с хвостом, стараясь учтиво нырнуть в дверь музыкального салона, но каждый раз спотыкалась и оборачивалась, не желая заполнить собой дверь.

– Там есть доска порожка, его надо переступить, – произнесла с трепетом Настя, находясь в объятьях друга.

Наконец блондинка выскочила, исчезнув, избитая собственными трудностями и любопытством.

– Капитан, они – сумасшедшие кролики, – бросила она напоследок. – Будем держаться все вместе, если так тяжело жить, – многообещающе произнесла она.

– Мы не дети, а подростки, – лаконично сказала Настя в небольшой перерыв между вражением на месте. – Займемся любовью в другой раз, хорошо, дорогой.

– Нет. У нас скоро будут неприятности с властями, – ответил партнер по соитию, доставляя девушке новый взрыв эмоций, как судну, терпящему крушение.

– Тогда наберись терпения. Я не уйду со своих позиций без тебя-любимого, – дотрагиваясь ладонями до своего, стоящего на коленях сзади нее, мужа, обнимая его за талию сзади одной рукой, а другой крестясь, глядя на удаляющийся горизонт.

Они привели себя в порядок, заключая сепаратный мир с капитаном и командой парохода, вопреки начавшемуся ветру.

– Такого состава преступления у нас в уголовном кодексе нет, – закончив фотографировать природу, сказал, появившийся откуда не возьмись, друг отца Насти – профессиональный фотограф.

Пара поднялась с колен. Мантрыгин отряхнул, успевшие помяться брюки, а Настя с потухшим взглядом из-под опущенных ресниц, прижавшись как-то боком к партнеру по прогулке, завернули за поворот, продолжая обмениваться взаимными упреками к внезапно охватившей их сумасбродной любви на лоне природы, на глазах у толпы народа, стремящихся поддержать своих собратьев по разуму.

– Ответственность понесут устроители этой поездки. У кого больше будет претензий, те выиграют процесс, – пояснил он.

– Наше путешествие скоро подойдет к концу. Мы отправимся по домам, но пусть у нас в памяти останется этот незабываемый акт, – сказала она в сумерках на опустевшей палубе, приближаясь к ресторану.

– Брось грустить, соловушка, – подбодрил ее высокий статный кавалер, касаясь с ней крепким мужским плечом.

– Пойду в каюту, – сказала она дотошному любовнику. – Голова разболелась от качки на палубе, – добавила она нервно.

– Завтра встретимся там же, на корме, – с патетикой ответил Мантрыгин, увлеченный эротической интригой и взрывом эмоций у своей несовершеннолетней подруги. – Обязательно переоденься перед выходом на сушу... Хочу тебя сфотографировать в юбке... – настаивал он в назидание.

– Боюсь, что я тебе разонравлюсь, потому что у меня слишком худые ноги, – сказала совершенно испуганная девушка, настолько привлекательная в обыденной одежде, что у них обоих сильнее забилося сердце от переполненности чувств, а у нее начинало выпрыгивать от услышанного предложения пойти с ним на прогулку.

Эти жестокие слова подействовали на аспиранта с точностью до наоборот. Она напомнила ему маленькую гнедую лошадку, которая скакала рядом, периодически утыкаясь мокрым носом ему в крупную сильную ладонь, о чем он сообщил жене, с силой привлекая ее к себе.

– Не волнуйся, пожалуйста. Я привык к разным видам, но ты выглядишь очень хорошо... – сказал будущий профессор в полной уверенности, что она поверила ему безотчетно.

– Переберу чемодан. Найду что-то вроде юбки, как ты сказал, – согласилась она.

Поздно вечером все самые одичавшие за один день пассажиры сокрушили свои запасы еды за минуту. Туристы улеглись, распластавшись на жестких матрасах без простыней. Неуго-

монная Настя, поужинав в каюте своими запасами, вылезла из нижнего отсека парохода по лестнице, надеясь встретить того, с кем провела весь день, плодотворно пересекая голубую блестящую палубу в направлениях частей света. Он стоял как революционный штук прямо у самой вертящейся туда-сюда узкой двери, помогая ей ступить наверх, как истинный джентльмен, легко принимая ее вес, перенося на руках на стоящий почти у самого бортика один из двух стульев, сажая сам, сажая ее на сильные колени, укачивая, как младенца в колыбели.

– Я буду с тобой дежурить, не возражаешь? – спросила она, чувствуя себя не лишней в его одинокой компании на темной палубе, без единого фонаря, когда пароход шел полным ходом.

– Конечно, присоединяйся ко мне, буду рад с тобой поговорить о нас с тобой, – внося ноту терпения в их встречу при луне.

– Жизни не хватит для нашей любви, – сказала она, – но я уже давно не младенец. Не хочу тебе надоедать, – очарованная его участием, как можно элегантнее спрыгивая с колен, шепнула она.

– Ты не должна думать ни о чем, когда я рядом. Поняла? – спросил он, осознавая меру своей ответственности за дисциплину на пароходе, где он был назначен дежурным по палубе своим отцом.

– Где мы с тобой будем ночевать, милый? – кутаясь в куртку, пронизываемую холодным ветром, спросила она, мечтая согреться всеми силами рядом с человеком, сумевшим перевернуть в ее воображении представление о замужестве, браке, интимных отношениях, качестве жизни, путешествии по речным просторам.

– Вот здесь. Сейчас уснем, – ответил он приятным бархатным голосом, проникая в ее подсознание.

– Медведем я бы тебя не назвала, но думаю, что это самая разумная твоя мысль. Умрем, как герои на военном поле брани, – сказала она, удовлетворенная, что он тоже совсем потерял голову от любви, заговорив певуче и убаюкивающе.

«Как хорошо, что сразу от бенгальского тигра мы стали гораздо ближе в мире раздора, стараясь в наших стремлениях найти точку соприкосновения», – сообразила она, стоя рядом, привлекая его к себе, закрывая ему голову курткой с мохеровой подкладкой.

– Смотри, а то я задохнусь, – сказал он глухо, погружаясь глубоко в ее грудь, засыпая, как младенец, издавая звуки похрапывания, когда она стала укачивать любимую ей голову.

Боясь разбудить свою пылкую натуру, она осторожно снова села на стул, оторвав от груди его плечи. Он очнулся, безразлично глядя в черную пустоту, вспоминая что-то подобное, произошедшее в его жизни: неугомонное детство, школьные годы, обучение в вузе, ординатуру, операции.

– Где твоя каюта? – вкрадчиво спросила она, как психотерапевт на сеансе гипноза после покачивания маятником перед пациентом.

– Наверху вместе с капитаном. Мы спим по очереди на одной кушетке. Он мой отец. Приехал узнать, с кем я провожу свободное время, кто моя жена? Он сказал, что мне уже пора жениться. Найти себе достойную женщину, чтобы я мог не бояться, что останусь холостым на всю свою сознательную дальнейшую жизнь. Так устроена природа, что надо обязательно когда-то жениться. Вот ты собираешься выходить замуж? – спросил он, радуясь, что, наконец, высказался, вводя ее в курс своих планов на будущее, не смотря на то, что на суше у него уже был маленький сын, сожительница и ревнивая любовница.

– Да. Меня сватают за космонавта Титова, – ответила она, шутя, переводя стрелки на игру в бисер.

Такое забавное хитросплетение было трудно для восприятия мечтательной, романтической девушки-подростка, не привыкшей к полутонам, как в жизни, так и в общении с Мантрыгиным, чье сильное внимание действовало на нее магически. Она была сразу введена в курс дела, без самообмана с циничностью врача. Мимо проскользнул мягкой походкой брат

Насти – Петр, оглядываясь на пару, сидящую в темноте на стульях. Через минуту пробежал друг Насти – одноклассник Саша, с кем она виделась на Первомайской демонстрации.

«Оказывается, не могу оказать ему ни материальной, ни моральной поддержки. Абсолютно чужие в огромном мире стяжательства, насилия. Школьника. Ощущаю его тираническое влияние диктатора при любом стечении жизненных обстоятельств», – расшифровала она его творческий порыв рассказать о своих серьезных намерениях в поиске жены, чтобы продолжить дальше продвигаться по жизни на основе образования и всестороннего развития.

– Они – твои родственники. Едут своей компанией до Камышина, а оттуда сами знают, как добираться, – объяснил он в том же минорном тоне, а у Насти отлегла от души тревога, что они в темноте должны утонуть на дно реки и не всплыть после оката отрезвляющим цинизмом.

Она заскукала, залезая на качающийся стул с ногами, обвивая колени руками, глядя на его массивную фигуру, великолепную голову, достойную быть вылепленной скульптором.

– Твой голос я люблю больше всего на свете. Вот недавно мы с тобой его вспоминали. Он всегда так делает, появляется в самый неподходящий момент, – укоризненно произнесла она, вспоминая попутчиков. – За Петром пробежал его ученик, – пояснила девушка аспиранту-медику.

Вдруг Саша пробежал мимо них второй раз. Он закричал ту же самую фразу, что он кричал рано утром, до завтрака, когда они стояли на корме, прячась от людей:

– Воруют, хватайте их и ведите в полицию...

– Этот Саша, наверно, еврей, как и ты, дорогой, – сказала Настя.

– Возможно, а ты разве не еврейка? – спросил Мантрыгин с чувством жалости к своей особе, затронув его сокровенные нотки.

– Нет, я – русская. Мой отец – русский. Об остальных членах семьи ты знаешь лучше меня, – вернула она четко, надеясь, что он не будет обвинять ее в грабеже чужого стула, поэтому встала, но подходить к поручням побоялась одна.

Тогда он тоже встал рядом с ней, обнял за плечи, поворачивая как куклу к двери, ведущей с палубы, говоря с расстановкой:

– Не запретить тебе дружить с твоими сверстниками.

– Мы с ним встречались на Первомайской демонстрации, – поведала Настя историю годичной давности.

– Идем, будет гораздо холоднее. Сейчас уже полночь, нам надо выспаться перед выходом в город, – предложил он бодрым голосом.

– Это самое хотела тебе предложить, но боялась разбудить, – сказала она зевая.

– Ты была когда-нибудь в Волгограде? – неожиданно для нее поинтересовался Мантрыгин.

– Нет, а ты? – спросила она, надеясь на искренний ответ.

– Я уже был в детстве с отцом на этом же пароходе. Мы тогда катались вместе с мамой, но на этот раз она осталась дома. У нее много работы по дому и в огороде. Выращивает овощи и продает на базаре, но есть больные в поликлинике. Она тоже врач, как я. Вернее наоборот. Ну, ты поняла меня, соловушка, – объяснил он все подробности своего происхождения с гордостью за родителей и своих двоих родных братьев и сестру, которые имели перспективы сделать себе карьеру в любом городе, когда получают высшее образование в одном из Поволжских городов.

«Трудно ему будет запомнить, кем я буду приходиться, если мы поженимся в таком многочисленном родственном клане. Но рискнуть, стать хотя бы морганатической супругой на один день – в этом есть что-то соединяющее сердца, как у монарших особ», – подумала она, подходя к болтающейся двери.

– Пойду, разбужу пассажиров своей каюты. Неудобно возвращаться во втором часу ночи, – сказала она, целуя его в щеку.

– Тебе принесли еду в каюту. Она наверно остыла. Не забудь покушать перед высадкой на сушу, – сказал он, заботливо поворачивая ее лицо к себе.

– Хорошо. Я поняла, что надо сделать, – ответила она связно.

– Зайду, проверю. Ела ты в каюте или нет, – припугнул он с юмором, воспринимая ее потребности близко к сердцу.

Они вдвоем сорвались с места, вернувшись, кто, куда на основе мест, указанных в путевках. Настя спустилась вниз, открыла незапертую дверь каюты, обнаружив спящих пассажиров. Нина Афанасьевна проснулась, взяла со стола тарелку с рисом и большим куском курицы. Поставила на сиденье со словами:

– Садись, поешь. Простыней нет, пачкать нечего. Хлеба нет.

– Спасибо за хорошее угощение капитану корабля, несущему нас в прибрежные воды Адриатики, где мы найдем свое существование под кровом пальм, среди пампасов, среди бизонов и больших крокодилов, – велеречиво ответила она, отодвигая от себя оловянную тарелку без вилки.

– Можешь приступать к еде. Вот тебе ложка, – сказал Мантрыгин, заглядывая к ним, передавая Насте то, о чем он сказал.

Она пододвинула посуду, с аппетитом съедая все до единой крупинки риса, возвращая назад инвентарь пароходства, а сама залезла вверх на вторую полку по лесенке в душной каюте. Засыпая, она заметила, что кто-то приоткрыл дверь, а Нина Афанасьевна хотела выпорхнуть наружу, полюбоваться речными просторами в ночное время суток, но оказалась перед проблемой: дверь была прикреплена крючком к стене. Тогда она снова легла и уснула, продолжая немилостиво ругать твердые сиденья парохода «Дмитрий Фурманов», лежа на обычном одеяле без подушки, как в общем вагоне поезда. Ничего неожиданного за ночь не произошло. Никаких убийств с кровопусканием, прыжков за борт, взятия заложников, осмотра таможенников, обстрела с воздуха или суши. Но была одна остановка в Камышине, куда ссадили пятерых родственников Насти: родного брата Петра, двоих кузенов по отцу, таких же кузенов по коллеге по работе Мандыгина – Нины Афанасьевны. Дымя и спотыкаясь о толщу воды, пароход набирал скорость, продолжая свой путь в южном направлении. На другой день они встречались после каждого посещения ресторана. Снова шли вокруг по палубе, наблюдая работу машинного отделения, что скоро надоело им обоим. Когда вышли на берег на два часа то с чувством благодарности помахали капитану, который дожидался их у пристани.

– Денег у меня на нашу свадьбу нет, – призналась Настя, беря под руку Мантрыгина, когда они стали подниматься по высокой помпезной лестнице с квадратной ротондой – символизирующей о героическом прошлом города-героя Волгограда.

– Значит, будем жить без свадьбы, – резонно ответил он.

– Но я буду обязательно копить. Надеюсь, к окончанию школы накоплю что-то. Тогда мы сможем с тобой пожениться, – предложила она беспронизышный вариант.

– Буду ждать, когда ты закончишь школу. Только не забудь, что обязательно надо купить драгоценное золотое или серебряное кольцо на безымянный палец правой руки. Поняла, голубушка? – спросил он нежно, поцеловав Настю при всем честном народе – пассажирах, гуляющих по набережной Волгограда.

– Осторожно, нас могут заметить, что мы договорились о свадьбе, – предостерегла она женатого на своей родной сестре жениха, у которого уже был трехлетний ребенок – чудесный малыш, в чьи планы не входило расставаться с родственниками, даже троюродной тетей, кем ему по матери и отцу приходилась Настя Вежина.

Никакого риска потерять друг друга из вида не было возможности, проживая в одном городе Саратове с четырехсотлетней историей, основанным как сторожевая крепость для охраны южных рубежей Российского государства.

После прогулки по помпезной набережной, украшенной впечатляющей квадратной ротондой, сравнивая то, что находилось в Саратове с тем, что они увидели во время посещения достопримечательностей одного из красивейших городов Поволжья – города-героя Волгограда на автобусе, Настя и Мантрыгин возвращались домой тем же маршрутом, ощущая себя обновленными и похорошевшими. Они вдвоем стояли на носу парохода на самом ветру, ощущая прилив творческой энергии и сил для осуществления своей мечты.

Статный аспирант-медик испарился вместе с возвращением в родной город. Он решил продолжить свои медицинские исследования, чтобы защитить диссертацию. А Настя в день приезда получила напутствие от отца для своей дальнейшей карьеры, который назвал ее «легкомысленной девушкой». За что он присвоил ей этот титул, она так и не поняла до конца, но отнесла это на строгость воспитания. За время их отсутствия младший брат отца – высокий аскетичный мужчина – Константин Павлович в большой тайне от жены и двоих сыновей, появился с подругой у них в коммунальной квартире. Они поужинали и провели там ночь за рюмкой «чая». Из квартиры исчезла детская сумочка, два хрустальных фужера, некоторые детские книги в красивых обложках, туфли, одеяло, резиновые сапоги и семейное счастье.

– Мне сумочка все равно надоела, – прокомментировала Настя исчезновение будто старых надоевших предметов. – А рюмки? – спросила она формально.

– Оба фужера разбились, – объяснил отец нравоучительно.

– Кто же так испачкал простыни? – возмущалась Нина Афанасьевна, стыдливо рассматривая постельное белье после приезда из увлекательного путешествия.

– Понятия не имеем, – в один голос, громко ответили отец и сын, улыбаясь.

Наступила гнетущая пауза. Нина Афанасьевна уныло загрустила, сметая крошки хлеба со стола.

– Наверно так раньше было, – добавили они, подумав из уважения к вернувшейся хозяйке и сотруднице железнодорожной поликлиники.

– Зато я познакомился с хорошей девушкой. Она скромная и симпатичная. Умнее, чем Настя, – признался Петр, с видом оценщика-работоторговца на невольничьем рынке.

– На сколько умнее, ты сразу понял? – спросила сестра.

– Не на много лучше, но очень хорошо разобралась во всех твоих вещах, – сообразил он сразу, что сказать без иронии.

Насте стало неприятно, что кто-то чужой лазил по ее полке с одеждой, сложенной перед отъездом еще раз для памяти горкой.

– Какая она внешне, ты можешь описать? Есть в ней что-то особо примечательное, что у тебя вызвало самое приятное впечатление? – спросила она, как будто это что-то меняло, так как украденных вещей она уже не надеялась получить назад никогда при любых жизненных неординарных обстоятельствах.

– Как все девчонки ее возраста, – объяснил он доступно.

– Помнишь ее лицо? – настаивала Настя, затеявая глупый и неприятный ей разговор из-за собственного самолюбия.

– Такой орлиный нос, наподобие, как у меня. Высокая, худая. Правда, одежда маловатая на ней. Ну, возможно, мы поженимся, когда ей будем восемнадцать лет. Ждать осталось недолго, лет шесть впереди, – с еще большим тщанием сказал он, сильно привирая.

– Неужели ты способен на такое? – спросила она желчно.

– Надо получить специальность, диплом. Стерпится, слюбится. Мы обречены на выживание, как все млекопитающие. Купим, что надо, – ответил он мечтательно.

Петр лег на раскладное кресло-кровать, сложив руки на груди, как будто он великий философ.

– Вы что, обручились или помолвлены? – спросил отец, заметив упаднический тон и наигранный пессимизм избалованного сына.

– Думаю, что это самый лучший вариант для меня. Не такой я красавец, как герой американских вестернов. Мы распишемся и все, – не теряя надежды, пояснил Петр иронично, с оттенком злобы, сравнивая себя с любимцем публики – Грегори Пеком.

– Это, кто там говорит: стерпится, слюбится, – вступил Борис Павлович в диалог.

– А как надо сказать? – иронично заметил сын, прищурясь.

– Надо говорить: почем фунт лиха, если уже на то дело пошло, ты решил свою судьбу окончательно, – сказал отец, удивляясь хитроумию своего младшего брата – Константина Павловича, ввалившего без приглашения во время отсутствия Нины Афанасьевны к ним в комнату с подругой и ее отчаянной дочерью.

– Я их не приглашал к себе в гости, – оправдывался Петр багровея, а Настя никак не могла взять в толк, о чем же все-таки шла речь: об образе жизни или отсутствии одного.

– Все их ухищрения закончатся плачевно, мать взяли по доверенности из тюрьмы. Ты забыл, она сама сказала, что сядет за убийство милиционера, так как находилась под распиской о невыезде, а дочь будет с такими же наклонностями, когда подрастет, – объяснил отец, не преминув помочь жене на кухне.

Петр не хотел слушать запоздавшие нравоучения отца.

– У зэчки – подмоченная репутация, а милиция найдет нужным, удлинит срок пребывания в стенах исправительного учреждения, – последнее предложение он произнес гораздо тише так, чтобы до слуха дочери не донеслись эти позорные клички.

Настроение от таких слов у всех членов семьи Вежиных из радужного восприятия действительности омрачилось до предела. Было件нятно, что витиеватые милицейские параграфы, были предназначены исключительно для тех, кто попадал под статью закона за совершенное уголовное преступление и вынужден отбывать срок в колонии строгого режима за диверсионные действия.

– Неужели у Кости столько энергетики, что он вместо того, чтобы найти себе съемное жилье, как делали все порядочные женатые мужчины, которые заводили себе любовниц, явился к нам на постой, пока мы с Настей отсутствовали? – спросила Нина Афанасьевна, загодя ругая себя за нерасторопность, а сына за лень.

На девушку такая длинная и откровенная фраза мамы произвела сильное впечатление. Особенно слово «энергетика» отозвалось в сердце недопониманием. Спросить кого-то, чтобы узнать его значение, она решила чуть-чуть позднее, когда страсти вокруг кратковременного загула несколько улягутся. Нина Афанасьевна разогревала обед и варила компот, поэтому просила Настю принести все готовые блюда из кухни в комнату, расставить на столе приборы, как всегда, на четверых человек.

– Я не буду ни обедать, ни ужинать, – сказал Петр опрометчиво, вызывая к себе жалость.

– Значит, объявляешь голодовку? – спросили родители чуть ли не хором, стараясь выяснить причины такого остракизма, подойдя к лежащему сыну, посмотрев на него с искренним любопытством.

– Соседи меня накормили. Я помог им вытаскивать вещи из подвала на просушку и проветривание, – ответил Петр с чрезвычайным достоинством и гордостью за проделанную работу.

– У него все спланировано... – оправдывался отец, стараясь загладить вину изобретательного, хваткого, но перспективного родственника, который пользовался большой популярностью у женщин особого круга. – Захочет, есть, скажет. Пусть спит, – успокоил он жену с достоинством.

– Что за энергетика у дяди Кости? – поинтересовалась Настя следом. – Он кажется интеллигентный человек, друг нашей семьи, – Настя сама ответила на свой вопрос.

– Он очень большой начальник... Ему приходится много работать и зарабатывать... – отец сделал паузу. – Как всем сейчас, – стараясь водворить мир, сказал отец.

– Его наверно повысили в должности, если он приезжал из области с таким грузом забот? – удивилась Нина Афанасьевна, понимая хитросплетения судеб.

– Да, вроде того. Но я слышал, что они хотели разойтись с женой, когда недавно заходил к ним на старую квартиру. Даже подали заявление в ЗАГС. Он собирался покупать здесь земельный участок на берегу Волги и начать строить дачу... У него есть два сына, одному – двадцать, как твоему брату, а другому – десять, – отец перевел разговор на другую более приемлемую тему разговора.

При этих словах Настя, разочарованная поездкой на пароходе, разрыдалась бы, если бы ни мимолетное увлечение аспирантом-медиком Мантрыгиным, которого она вспоминала с теплой надеждой на продолжение общения.

– Интересные у меня появились родные, – ответила дочь в ударе от такой важной информации о возникших на горизонте родственниках – двух кузенах, которые вовсе не стесняли ее свободу, но знать о существовании которых было необходимо.

– Сможешь на них опереться в жизни, – подбодрил ее отец.

– Сразу два двоюродных брата выискались... – сказала она, копируя манеру отца разговаривать.

– Это очень хорошие ребята, – объяснил он с теплотой.

– Просто удивительно! – Настя изобразила восторг.

Борис Павлович стоял, упершись спиной на светло-желтый, с зеркалом и стеклянными дверцами буфет, откуда пропал хрусталь.

– Надо вас познакомить... Старший сын остался в селе оканчивать школу, – продолжил отец нравоучительно.

– У меня каждый день уроки и театральный кружок в школе еще не бросила... – сказала она, предупреждая о возможных расхождениях в расписании занятий.

Отец забыл, что его повзрослевших детей началась своя жизнь.

– Выберем время, сходим их навестить. Но учти, что с ними проживают пожилые родители твоей тети. Надо быть повежливей... Они старенькие, бабушке почти восемьдесят лет, но она очень бодрая, – сказал он серьезно.

Дальнейшее приятное знакомство со своими кузенами далось дальновидной девушке с легкостью, учитывая опыт предыдущих встреч в светском обществе. Она с ностальгией предвкушала узнать характер парней, чтобы обсудить хобби и наболевшие темы по учебе. Как и обещал отец, однажды днем они посетили дальних родственников, живущих в районе набережной, но застали только младшего брата – высокого, русоволосого парня, когда он закончил делать примеры из учебника по алгебре.

– Как твои дела в учебе? – спросила Настя с видом учительницы, так как была его на год старше и не хотела стеснять младшего кузена своими дотошными разговорами и просьбами.

– Вот смотри, – он протянул ей тетрадь с домашним заданием. – Сам сделал. Можешь проверить, – предложил он скромно.

Настя внимательно изучила алгебраические расчеты, написанные аккуратным детским почерком, но пересчитывать не стала.

– Молодец! У меня тоже одни пятерки по математике, – призналась она гордо, но разговаривать, изливая душу с впервые увиденным подростком, ей не хотелось.

– У тебя есть репетитор по алгебре? – спросила она настойчиво.

– Иногда приглашают, но очень редко, – ответил он важно.

– Но литература мне нравится гораздо больше, чем точные науки. Там у меня тоже отлично, – похвалилась кузина.

– Кому что нравится, – одернул он без тени сомнения.

Парень демонстративно убрал тетрадь в портфель. А девушка заметила в его комнате большой книжный шкаф набитый сверху донизу учебниками по высшей математике, физике, гидротехнике, тракторостроению разных авторов и годов изданий.

– Сочинение по литературе посмотрю у тебя в следующий раз, – воодушевила она его. – Хорошо?

– Это нам редко задают, – доложил двоюродный брат.

Борис Павлович с дочерью ушли из дома Константина Павловича с надеждой встретиться с родителями кузена в другой день. С нетерпением дочь добивалась от мамы фотографий со своего примитивного аппарата, сделанных аспирантом Мантрыгиным. Хотя поклонник утомил ее медицинскими высказываниями за время плавания по Волге. Как-то медик вернул пленку, которую обещал проявить, но ей самой пришлось проявлять и распечатывать снимки, вызывая приятные воспоминания о прошлом. Тот романтический адюльтер заставил двенадцатилетнюю девушку смотреть на врачей, особенно мужчин, глазами аспиранта. Настина мама проследила за карьерным ростом Мантрыгина. Она изредка докладывала дочери о некоторых фактах из его биографии: женитьбе по расчету, переходе на другую должность в стационар клиники, разводе, понижении по службе, смене обязанностей врача на фельдшера. Но оказалось, что это только сказки для неуравновешенных детей и больных, кому срочно требовался знающий специалист в области хирургии.

– Почему твой знакомый хирург не приходит к нам гости. Мы могли бы попить чай вместе с его семьей, – предлагала она вариант продолжения флирта, недопонимая, что у него свой жизненный график, и на нем лежит ответственность зарабатывать деньги для содержания семьи и ребенка.

– Он постоянно занят на работе, поэтому не придет к нам, – разъяснила Нина Афанасьевна дочери ее наивную просьбу.

– Раз у него семья, конечно, он вряд ли вырвется, чтобы ходить просто так по гостям, – поддержал отец Насти рассуждения мамы.

Но так случилось, что в летнюю поездку на десять дней к Черному морю в Адлер купе Мантрыгина с женой и ребенком и семьи Насти Вежиной: брата и мамы оказались по соседству. Он был безмерно рад такому стечению обстоятельств, выглядел солидно по-мужски, продолжая ухаживать за девушкой, угощал яблоками на остановках, когда Нина Афанасьевна с Петром ходили обедать в вагон-ресторан. Громко рассказывал всему обслуживающему персоналу, что собирается провести целый месяц на побережье, чтобы поправить здоровье ребенка:

– Участились простудные заболевания у детей. Вот поэтому мы едем отдыхать на юг на месяц с ребенком.

– Он у нас вполне здоровый мальчик! – восклицала его жена – такая же внушительная особа с гордостью.

Борису Павловичу из-за перебоев в сердце врачи наотрез запретили менять климат, поэтому он остался дома. Заплатив за квартиру за неделю вперед, обе семьи сотрудников стали жить в непосредственной близости от моря и дешевой столовой. Ходили на один пляж загорать и купаться. Настя и хирург Мантрыгин восхищались больше видом друг друга, чем красотами морского побережья, пальмами, знойными закатами и чарующими рассветами

Семья из трех человек: худощавая женщина с двумя детьми – сыном лет девятнадцати, смуглого красивого парня, и дочери-подростка, очень худенькой и разговорчивой – обычно обсуждали меню, сидя на веранде кафе.

– Мне можно не брать комплексный обед. Я кушать не хочу, – сказала Настя решительно, надеясь, что не выйдет за рамки семейного бюджета, если сядет на диету, так как деньги на нее выделил из своей пенсии отец.

Она насмешливо рассматривала курортников, которые с полными подносами быстро отходили от кассы. Когда подъезжали к Сочи, она съела целый пакет яблок, напивавшись вита-

минами, поэтому чувствовала себя на редкость сытой и счастливой, что, наконец, ее мечта – побывать на Черном море – начала сбываться.

– Ну, тогда мы съедем все, что нам предложат. А тебе закажем манную кашу и второе блюдо. А первое: суп или щи – разделим между собой, – предложила мама пленительной улыбкой, привлекая внимание загорелых, атлетически сложенных, мужчин, которые никогда не были на севере, лишь слышали о существовании такой стороны света давным-давно в школе.

Семья, таким образом, сытно пообедала после тяжелой и продолжительной дороги на поезде до Адлера через туннели вдоль Черноморского побережья в самую жару. Сын Петр упал в обморок, потеряв сознание в купе, но пришел в себя, когда вышли из вагона, а дочери не разрешили нести чемоданы, поэтому она недоумевала, собираясь как-то помочь своим родственникам хоть словом, хоть делом, пренебрегая условностями и высокими ценами на жилье. Перед отъездом их из дома муж Нины Афанасьевны – Борис Павлович – журналист на пенсии разрешил им отправиться за пределы Саратова, но с условием, что они вернутся целые и невредимые, загорелые и здоровые. Нина Афанасьевна – мама Насти и Петра – работала дежурным врачом на скорой помощи. Брала полторы ставки, чтобы как-то прокормить семью, так как у отца семейства была очень маленькая пенсия по инвалидности. Он потерял зрение, когда в войну разгружал вагоны с песком для строительства оборонительных сооружений. Однако он не сдавался, окончил педагогический институт, факультет русского языка, затем Академию леса в Ленинграде, чтобы компенсировать отсутствие сносных условий жизни в деревянном одноэтажном доме, наподобие общежития, где проживали его сестры с детьми и мужьями. Но позднее ему, как персональному пенсионеру, дали с семьей двадцатипятиметровую комнату в двухэтажном каменном доме. Нина Афанасьевна так обрадовалась дню новоселья, что устроила банкет: наварила картошки, щей, купила хлеба и пригласила своих сотрудников отметить переезд в новую коммунальную квартиру. Индивидуальных подарков не было, но бросать на произвол судьбы появившуюся на свет Настеньку, никто не хотел, поэтому, сложившись, кто, сколько мог, купили красивый, атласный, ярко-красный абажур с длинными кистями, о котором потом очень долго вспоминали после ремонта, когда вынесли абажур на улицу, чтобы вытряхнуть пыль. Его и след простыл...

Вместе с сестрой отца Александрой Павловной на новоселье присутствовал Мантрыгин, исполнив свой коронный романс, а Петр умудрился свалиться в яму, сломав велосипед и палец. Тут же его отвезли в больницу и прооперировали. После этого Нина Афанасьевна никогда не собирала сотрудников у себя дома, за исключением того случая, когда они через двадцать лет опять переехали в новую трехкомнатную квартиру.

Но эта была шикарная последняя поездка с детьми в Адлер. Нина успела разочароваться в прелестях курортного отдыха сразу, когда ей предложили цену за проходную комнату двухкомнатной квартиры. За каждого члена семьи надо было заплатить один рубль в день. Итого три рубля за троих плюс питание за десять дней получалась очень приличная сумма. Тем более детей надо было свозить на экскурсию, чтобы самой иметь представление о натуральном горном рельефе региона Закавказья, где кроме стремительных рек были живописные озера, нисколько не уступающие красотам Италии и Франции вместе взятым.

Главный врач – Давидович, еврей по национальности – очень ценил своих медработников. Перед отпуском он вручал каждому ценному сотруднику премию в размере месячного заработка. Вот с этими огромными финансами Нина Афанасьевна, Настя и Петр поехали, куда глаза глядят, то есть на Кавказ, чтобы полечиться и полюбоваться морскими просторами. Им сразу предложили одну ночь перекантоваться на улице под навесом за ту же плату через дорогу от моря, пока не съедут предыдущие постояльцы. Они с радостью согласились, так как деваться было некуда, а комнату они заняли на следующий день.

За эти десять дней отдыха они успели съездить на озеро Рица, увидеть великолепные горные массивы, где не ступала нога человека. Решили понаблюдать за ассортиментом ресто-

рана у причала озера, где стояли лодочки и катера на прокат. Когда они подошли к прилавку, сплошь уставленному бутылками марочных вин, то обратили внимание на отсутствие желающих попробовать на вкус предлагаемые напитки, а зеркало на потолке отразило появление центрального персонажа – директора ресторана.

– Мы заготавливаем в винодельческих хозяйствах Абрау-Дюрсо «Мускат», «Кагор», «Черные глаза» и вино «Южная ночь», а потом продаем с небольшой наценкой на мировом рынке, – сказал он, обращаясь конкретно к Нине, пока она рассматривала, что же ей выбрать и продегустировать.

– Мы смотрим и знакомимся, – ответила она серьезно, понятия не имея, что дегустация входила в стоимость экскурсии, но гиды брали себе то, чем должны были угощать своих клиентов.

– «Южная ночь» – это самый лучший терпкий кагор, приготовленный только из каберне совиньон, выдержанный два года в бутах из кавказского дуба, – продолжил настолько информированный официант, открывая каждую следующую бутылку с чувством собственного достоинства, что никто не мог оторваться от вида мелькающих в его руках пластиковых стаканов с минимальным количеством содержимого.

Публика удручающе молчала, вникая в суть разговора.

– Выдержанного сладкого вина коснулись изменения нашего винодельческого мировоззрения под влиянием иностранных консультантов, – продолжал говорить, заученный наизусть, текст официант, он же – бармен.

– Что такое «винодельческое мировоззрение»? – спросила Нина, обращаясь к официанту, решив открыть дискуссию на животрепещущую тему.

– Это – новые стили и мода в виноделии, – разъяснил чуткий директор, показывая на фотографии виноградников, выставленные на прилавке и гроздья винограда, вырезанные из фанеры, спускающиеся сверху, как антураж.

– Потрясающе! – у Нины больше не было слов от такого разнообразия и количества суммарной стоимости всего этого производства вина, влияющего на развитие области и страны в целом.

– Но некоторые сорта остались неизменно узнаваемыми – это специальное вино – «Южная ночь», – процитировал директор свою статью в рекламном проспекте, зная толк в красивых женщинах и винах, глядя с непредвзятым интересом на Нину.

Она перекладывала на столе этикетки вин, приклеенные к обычным листам, где каждый мог оставить свой автограф или мнение о качестве местной продукции. Она еще больше смущалась, но отходить от стола, не попробовав вино на вкус, не собиралась.

«Надо рискнуть, взять и попробовать, чтобы иметь представление о том, что так красиво рекламировал директор ресторана. Домой можно будет привезти для мужа или сотрудникам на пробу», – подумала Нина, переживая за отсутствие времени у экскурсантов.

Но дегустировать, как ни странно, никто не хотел. Все жаждали купить в подарок кому-то оригинальную бутылку с манящей этикеткой красивой женщины, смотрящей в пол-оборота, или пальмы на знойном закате юга. Когда бармен в белом кителе с желтыми блестящими пуговицами и черных брюках рассказывал о виноделии с азартом настоящего игрока, целая толпа скопилась у прилавка.

– У нас есть крепленые десертные вина, которые изготавливаются несколько десятилетий по абсолютно постоянной технологии. А вся прелесть заключается в том, что они практически не изменили свой облик за эти годы, – отрапортовал он.

Затем с воодушевлением и оптимизмом он наливал кому-то пробовать за смешные деньги. Нина Афанасьевна и Петр наметили себе дегустировать одну порцию на двоих, но выросла такая длинная очередь впереди, что мать с сыном отодвинули в конец. Настя, негодуя за своих родственников, боясь их потерять в самом многолюдном месте, стояла, дожидаясь

ясь результата дегустации. Она не выдержала, и сама захотела узнать, есть ли детские порции лимонада, бутербродов с икрой, сыром, колбасой или пирожных, подойдя к самой толпе у прилавка.

– Ты решила тоже послушать лекцию об изготовлении вина? – спросила ее мама, которой никак не удавалось выбрать из длинного списка сносных цен самую приемлемую.

– Может быть, есть сидро для детей из винограда? – наивно спросила девочка, вспоминая, что она случайно прочитала перед отъездом про вина Краснодарского края в энциклопедии, которую выиграла в школьной лотерее.

– Такого ассортимента, я думаю, у них нет, – посочувствовал ей брат, успешно закончивший Музыкальное училище, поступивший в Консерваторию, чтобы получить высшее музыкальное образование по классу струнных инструментов у превосходных педагогов.

– Кстати, я в курсе, что кагор – это красное сухое французское вино из региона Каор, – сказала Настя, твердо зная, о чем говорила, бравируя энциклопедическими знаниями. – У них есть города – Коньяк, Шампань, – добавила она, привлекая к себе внимание.

– Здесь никто не хочет подменять понятия о марочных винах. Вы о чем спорите? – обернулась Нина, отвлекшись от изучения ассортимента.

– Правильно говорят, о вкусах не спорят, – поддержала ее дочь. – Обедать будем чебуреками и шашлыками где-то около дома, – Настя опять вмешалась в разговор.

– Во Франции свои классические технологии кагора, – настойчиво высказался директор, протягивая Нине на пробу чуть-чуть вина в маленьком пластиковом стаканчике. – Мы всего лишь следуем советской идее, и не более того. Выпускаем продукт, понятный и знакомый нашему потребителю, не вводя никого в заблуждение. И это крепленое вино пользуется заслуженным спросом.

У представительного директора в обычном светлом костюме был южный акцент, черные волосы, короткие усы и великолепный загар. Некоторые из покупателей отходили от прилавка с покупками, завернутыми в фирменные пакеты. Нина отпила из стаканчика и вернула назад.

– Заметно, что продавцы гордятся вашими красными десертными винами, – сказала она, испытывая вкус настоящего тягучего пряного нектара с мягкой, абсолютно непритворной сладостью, обволакивающей структурой и терпкостью. – Я куплю одну бутылку вина «Южная ночь».

Продавец завернул ей то, о чем она просила.

– У нас имеются более крепкие и шипучие напитки, которые отличаются яркими черносливовыми, шоколадными оттенками, в них выделяются тона спелой вишни, кофе, – комментируя свои действия, сказал продавец, улыбаясь, так как все бутылки, которые были выставлены на прилавке, были уже раскуплены.

Постепенно начали появляться следующие группы экскурсанток и экскурсантов, жаждущих попробовать то самое фирменное вино за минимальные деньги.

– Вот теперь мы приедем домой и будем смотреть, что произойдет с этой бутылкой, – сказала Нина, отходя в направлении автобуса, а за ней следовали довольные дети, что поездка не вызвала отрицательных эмоций ни у кого из завязанных путешественников.

– Почему? – изумился Петр. – Разве вино испарится?

Он начал откровенно заигрывать с высокой блондинкой в бриджах и трикотажной кофте, предлагая ей тоже пробовать что-то из ассортимента ресторана, пока мама с сестрой торговались у прилавка. Но высокая худенькая блондинка сопротивлялась, желая сторговаться на две бутылки по одной цене или приобрести какой-то еще ошеломляющий сюрприз для себя или заинтриговать мужскую половину населения города Сочи.

– Да потому что этот фирменный кагор отличается от других! – воскликнула Нина, наглядно демонстрируя в приподнятой руке произведенную только что ей покупку.

Возвращались с экскурсии, проезжая мимо памятников, селений, заповедников со странным чувством утраты чего-то самого главного в жизни. На другой день отправились в тиссо-самшитовую рощу, где увидели отпечатки на камне древних птиц.

– Какие здесь красивые закаты, – восторгалась Нина Афанасьевна, загорелая и отдохнувшая, сидя на галечном пляже в последний день пребывания, после посещения двух экскурсий.

А Петр гулял по городу со своенравной блондинкой в поисках сувениров на вечную память, как воспоминания о веселых и безмятежных днях, проведенных с семьей на юге. Последнюю южную ночь эта семья из трех человек провела на вокзале, так как появились новые постояльцы, кому гостеприимная хозяйка не могла отказать в приюте.

После приезда из южных широт Нину Афанасьевну направили на курсы усовершенствования врачей в Ереван, а Настя получила путевку с бывшей работы отца в оздоровительный лагерь. Пока она ходила в турпоходы, Борис Павлович умудрился сломать ногу, когда ремонтировал крышу у сестры. Его положили в больницу. Теперь Настя осталась за хозяйку. Она два раза посетила отца в больнице. Оказалось, к ее великому изумлению, что Бориса Павловича оперировал хирург Мантрыгин, с кем у Насти сложились прекрасные отношения на пароходе «Дмитрий Фурманов». Он навещал своих пациентов ежедневно, а в присутствии Насти предложил ей остаться в больнице дольше, чтобы у Бориса Павловича не было повода в отсутствии внимания со стороны членов семьи.

– Это новая жена нашего заведующего отделением, – говорили нянечки, глядя вслед, ускользящей из клиники, Насти в красивом воздушном голубом платье, когда она навещала отца после приезда из оздоровительного лагеря.

* * *

Вскоре состоялась золотая свадьба дедушки – Афанасия Филипповича и бабушки – Анны Абрамовны – мамы и папы Нины Афанасьевны. Старики-пенсионеры разослали открытки всем дальним родственникам из Сибири с приглашениями. Борис Павлович пригласил своего знакомого фотокорреспондента, чтобы тот сделал снимки на память, а сам написал в центральную газету очерк: «Есть такая семья», рассказывающий о жизненном пути пожилых людей с фотографией в окружении детей.

Нина Афанасьевна отправилась помогать готовить на праздничный стол обыкновенную картошку, капусту, пироги с ливером, урюком, яблоками и плюшки, что у нее получалось особенно хорошо. Стол был накрыт во всю длину большой комнаты. Во главе сидели юбиляры, затем дети. В самом конце внуки. Явились все соседи, даже те, кого не приглашали, но хотели попробовать хваленых пирогов с начинкой. Из Сибири приехал племянник – сын родной сестры дедушки, которая вышла замуж за пленного австрияка со времен Первой Мировой войны. Он привлек внимание своим красивым и холемым внешним видом. Племянник из Сибири шушукался со стариками, надеясь найти общий язык, но получил отпор. Зато сноха Валя – жена младшего сына-фронтовика, проживающего с ними вместе – с радостью подключилась к разговору, надеясь со временем извлечь выгоду от знакомства или хотя бы пофлиртовать на досуге с тем, кому никто не оказал должного внимания и уважения из-за отсутствия подарков старикам.

– Он такой симпатичный, – съязвила она. – У него есть хорошая привычка – навещать старшее поколение, – сказала она косноязычно, намекая на не слишком правильное воспитание своего мужа-фронтовика, который крепко выпил и чуть не подрался с гостем из Сибири, приревновав к собственной жене.

– Надеюсь, больше он нас не побеспокоит, – ругался фронтовик.

– Наверно он настоящий мужчина, – предположила Валентина, радуясь, что интрига возымела свое положительное действие на ее мужа – любителя крепких напитков.

Племянник дедушки и бабушки быстро сориентировался, схватил свой громоздкий чемодан и с шумом уехал восвояси на другой день в свой родной Сибирский город.

На золотой свадьбе, где собралось человек двадцать пять – тридцать, подружились все взрослые, обсуждая меню, щедрость, благообразный вид хозяев – дедушки и бабушки. Настя обратила внимание, что дальняя родственница по отцу не на шутку увлеклась фотографом, к кому они вместе с отцом ходили в гости, изучая азы профессионального фото, позировала ему перед всеми.

Старший сын-фронтовик – Иван с женой немецкого происхождения, с кем он познакомился в самом начале войны, когда стал разведчиком и проник в агентуру Абвера – не приехал, но прислал поздравительную телеграмму.

Дедушка и бабушка оделись в лучшие по тем временам, вынутые из сундука, наряды и с гордым видом восседали, пока гости поглощали бесплатные угощения. Все проходило торжественно и культурно. Поздравления сыпались, как из рога изобилия. А у Насти остались замечательные собственные снимки, подаренные ей отцом на вечную память.

IV

Три школьные подруги, о которых часто говорил отец, готовились к предстоящим Новогодним праздникам. Настя постоянно разрывалась на части: фигурное катание, плавательный бассейн, подготовка к школе, уборка дома. Она еле успевала утром, чтобы не опоздать, добегала за пять минут в школу, выпив перед уходом стакан чая, приготовленного любящим родителем. Заскакивала в класс прямо перед звонком, запыхавшись, раскладывала учебники и шутила, стоя у парты, дожидаясь появления учителя:

– Ну, все. Я, кажется, готова.

Учителя часто называли ее «палочкой выручалочкой» на уроке, когда она получала отличные отметки. Хвалили постоянно.

– Нельзя же все время выезжать на одних и тех учениках, – говорили они хором, когда никто из класса не был готов, а Настя, подняв руку, с успехом отвечала выученную тему.

Осенью она записалась еще в театральный кружок Дворца пионеров, когда прошла три отборочных тура: пантомима, басня и стихотворение. Жюри состояло из руководителя студии Дворца пионеров, выпускницы театрального факультета – Натальи Иосифовны и пожилого автора постановок для детей – Василия Петровича.

Оба преподавателя строго оценивали способности конкурсантов. Настя была ужасно рада, что не надо было петь на прослушивании, так как боялась сфальшивить. Играть ни на пианино, ни на скрипке она к своему огромному стыду не умела, а только любила слушать в отличие от тщеславного старшего брата, освоившего и то, и другое одновременно. «Песня о буреvestнике» Горького и басня «Ворона и лисица» Крылова были у нее в памяти из школьной программы. Она выразительно рассказала оба произведения классиков. Для пантомимы подобрала короткий эпизод кокетливой девушки, красящей губы, лукаво подсматривающей в зеркало за прохожими. Опытным педагогам понравилась такая мизансцена, как встреча и знакомство с главным героем в новой постановке, вынесенной на рассмотрение режиссеру. Этот небольшой сюжет потом пришлось обыграть на авансцене в спектакле «Судьба барабанщика» А. Гайдара о трудной жизни подростка в семье, где отец вернулся из тюрьмы через несколько лет, отсидев за воровство, а все его родственники отстранились, включая бабушку и мать мальчика, попавшего в плохую компанию.

После долгих и кропотливых репетиций спектакль, наконец, был поставлен на главной сцене Дворца пионеров. Пьеса имела трагическое содержание, вызывая слезы даже у взрослой аудитории. Участники были в костюмах и платьях послевоенного периода. Одаренные и дальновидные кружковцы играли с огромной самоотдачей, получая только положительные отзывы общественности города и своих шефов, приглашая на бесплатные спектакли лучших учеников города и детдомовцев. В детской труппе существовало два состава: первый, руководимый Натальей Иосифовной и второй, где занятия проводили старшие студийцы. Каждому после окончания детской школы-студии Дворца пионеров предоставлялась возможность поступить на Театральный факультет без экзаменов после трех лет обучения, только требовалась положительная характеристика руководителя за подписью директора. Об этом узнала Настя, когда весной стали раздавать слонов. Все без исключения кружковцы из старшей группы, кто стремился стать артистом театра, прошли без трудностей в Московскую «Щуку», то есть поступили в Театральное училище имени Щукина, которое очень высоко котирировалось, поставляя кадры на радость всем любителям драматического и кукольного искусства. Некоторые из студийцев поступили в провинциальное Театральное училище вместе со столичными абитуриентами.

Конкурс был настолько серьезным, что требовался ни один год занятий с репетитором за большие деньги. Настя увидела превосходство этого кружка, с сожалением осознавая, что

у Натальи Иосифовны были свои «любимчики» – подростки из интерната, кому она доверяла ведущих персонажей.

Не смотря на это, она посещала Дворец пионеров регулярно. Два раза в неделю устраивались отдельные занятия, где они с воодушевлением сначала упражнялись в пантомиме, повторяя свои пародии, а затем им всем раздали роли. Репетиции нравились каждому кружковцу. На стенах были развешаны два стенда с фотографиями прежних лет – выпускники Театрального училища, известные актеры сценических подмостков, кино и арены цирка в различных творческих жанрах, кроме дрессуры. Они тоже раньше посещали кружок, были лично знакомы с Натальей Иосифовной.

В первый день вновь принятые кружковцы расселись на бордовые бархатные низкие банкетки, расставленные по периметру комнаты. Прошла переключка. Предварительно все дети перезнакомились друг с другом. Между ними завязалась крепкая дружба. Комната, где занимались подростки, была просторной и светлой, с большими окнами, на которых висели легкие занавески. Эти портьеры в первый день занятий юноши сняли с окон и раздали девушкам для стирки. Насте, к превеликому счастью, тоже достался такой драгоценный трофей.

– Принесете шторы чистые, когда постираете, – сказала педагог. – Можете не торопиться. Спешки никакой нет.

– Сделаем на этой неделе, – загалдели подростки. – Не беспокойтесь, Наталья Иосифовна, – таким образом, они выражали единодушное уважение, скорее, трепет перед умной и талантливой женщиной, посвятившей свою жизнь одаренным детям.

– Я вас учу жизни, – постоянно говорила она. – Потом мне спасибо скажете, когда будете сами взрослыми...

Но становиться взрослыми никто из ребят не хотел. Они бегали друг за другом, обнимались, иногда целовались в темном уголке перед выходом на сцену между задниками или кулисами, становились «на уши», гримировались около большого трюмо в прилегающей комнате, с хранящимися там софитами и стульями, раскиданными в художественном беспорядке.

Паркетный пол обеих комнат всегда был аккуратно натерт бордовой мастикой. Все фанерные декорации хранились где-то в подвале. А худрук всегда теряла ключи от своего кабинета, называя всех «бездарными якобинцами», будто бы участвовавшими в заговоре против Фронды – национального движения во Франции. Об этом она не хотела рассказывать, но считала себя революционной движущей силой детского театра, пренебрегая своими вкусами, делала все, как хотели дети. Тогда всем вместе приходилось искать нужный предмет. Чтобы найти сценарий, который, как назло, лежал на столе в ее уютном кабинете, а затем приступить к репетиции спектакля, написанного давним другом – Василием Петровичем. Старшая группа, те, кто уже несколько лет посещал кружок, но еще не поступил в Театральное училище для получения диплома, так как перевоплощаться молодые дарования научились сразу, на ходу отрабатывали тексты диалогов и монологов, сценическую речь, репетируя до самого позднего вечера, сразу после занятий вновь принятых. А новенькие ждали счастливого момента, когда им тоже дадут мало-мальски незначительную роль, пусть даже без слов, а лишь пантомиму. В тот первый день, когда всем подросткам, прошедшим отбор, разрешили идти домой, Настя с сумкой в руках, в которой лежал трофей-занавеска, наткнулась в «кармане» сцены, где стояло пианино, на «рояль в кустах». За музыкальным инструментом сидел, нещадно разбивая на все лады длинными сухими пальцами, худощавый, в сером костюме, кудрявый незнакомец, похожий на всемирно известного музыканта – Вана Клиберна. Он с усердием репетировал «Лунную сонату» Бетховена.

– Приятно было послушать. Играете очень хорошо, – испугавшись интимной обстановки, пролепетала Настя, ввергнутая композитором в шквал личных переживаний. – Звучит красиво.

– Сыграть что-нибудь еще? – спросил он скромно, чувствуя, что его игра задела за живое девушку. – Есть репертуар.

– Нет, не надо, – отозвалась Настя, облокотясь на инструмент. – Мне достаточно такого прослушивания.

– Хорошо, я буду репетировать дальше. Готовлюсь к выпускным экзаменам в Консерватории, – сказал он, наблюдая за слушательницей и поклонницей его неимоверного таланта. – Можешь остаться, но не суди меня слишком строго.

– Вы могли бы учиться в Москве... Не хотите туда переехать? – спросила девушка, затронув болезненную для нее тему.

– Зачем? Мне и здесь хорошо. Скоро возможно поеду на гастроли за границу... – представил пианист свое будущее в ярких красках.

Эти слова сразили Настю наповал, но она решила выдержать дальнейший удар по самолюбию. Она неимоверно устыдилась, что должна еще перестирывать занавеску и принести сюда, поэтому спрятала сумку с ношей внизу около пианино, так, чтобы занавеска не выпала наружу и не запачкалась еще сильнее.

– Да, это будет отличная карьера у вас, – ответила девушка, вспоминая при этом своего одаренного родственника-скрипача, мечтавшего затмить самого Когана.

– А что это ты прячешь внизу? – спросил пианист, отдыхая перед повторением нового музыкального экзерсиса. – Секрет?

– Да, ничего особенного, – ответила она, стушевавшись, чувствуя, что краснеет впервые в жизни, но эгоистично не с кем поделиться подобной проблемой. – Мне надо идти, извините, пожалуйста, за беспокойство. Рада была познакомиться с вами.

– Ничего, я тоже скоро ухожу домой, – заметил он второпях, приступая к репетиции следующего произведения классика из своего репертуара. – Можешь остаться. Буду играть только для одной тебя, так как здесь уже давно никого нет.

Настя, как замороженная, слушала многоголосую «Лунную сонату» Бетховена в исполнении талантливого пианиста, стоя рядом за инструментом. Фамильярный тон не понравился ей, но она сделала скидку на одаренную игру музыканта.

– У нас дома стоит пианино брата, он собирается поступать в Консерваторию, а я играть не умею... – высказалась она в конце его выступления, терпеливо дослушав до конца, добиваясь хотя бы его снисходительной улыбки. – Спасибо.

– Пожалуйста, – пианист улыбнулся, встал со стула, принимая артистическую позу. – До свидания, а скорее прощай.

Насте надо было срочно идти домой. Приглашать к себе в коммунальную квартиру малознакомого человека у нее не было на то разрешения родителей. Поэтому она смирилась и отправилась одна, придумывая объяснение для своего такого позднего появления под родной крышей.

– Вот дали постирать, – с порога сказала она, показывая маме пыльный «подарок». – Надо срочно принести назад.

– Наливай воду в таз и стирай, – заметила мимоходом ей мама.

У Насти оставалось еще масса несделанных уроков. Она быстро справилась со стиркой, а весь дальнейший вечер читала гуманитарные предметы, так как математику всегда, по старинной привычке, делала рано утром, выводя цифры на чистовике. Когда в следующее занятие она принесла в кружок занавески, то Наталья Иосифовна на правах доброй феи организовала укрепление штор на чистых окнах. Затем стали выяснять, кто, что может принести для реквизита из дома или купить в магазине. Оказалось, что требовалось огромное количество предметов быта: тарелок, ложек, кастрюль, скатертей, ваты, бинтов и других вещей. Начали записывать по желанию, у кого, что было лишнее или в большом количестве, так как были

приняты без конкурса дети работников торговли и общепита. Настя мечтала, чтобы назвали скорей ее имя в большом списке первоодок.

– Настя, а что ты можешь принести из всего, что я вам зачитала? – спросили, наконец, ее, и у девушки опустились руки, потому, что каждый придумал свою версию выноса из квартиры какой-нибудь ценной вещи для подарка Дворцу пионеров.

Возвращать, по-видимому, никто потом ничего не собирался.

– Я подумаю, – ответила она теряясь.

– Хорошо, потом скажешь, – посоветовала руководитель студии.

Дома мама порекомендовала купить бинт и вату для аптечки Дворца пионеров, чтобы порадовать режиссера.

– ... или можешь взять немного у нашей сестры-хозяйки для личных нужд, – перебирая предвоенные вышивки, сказала она.

– Могу я приехать к тебе на работу и спросить об этом? – не зная, как выдержать паузу, задала вопрос девушка.

– Да, в воскресенье дежурю. Можем поехать вместе с тобой. Ты сама спросишь, что надо для театрального кружка, – вспомнила она.

– Нет. Обойдусь, – демонстрируя сильную волю, сказала дочь.

До воскресенья оставалось три дня, поэтому Настя надеялась, что ее за эти дни еще не исключат из состава кружка. Купив бинт в аптеке, у Насти отлегло на душе.

«С таким бинтом смогу выглядеть не нищей», – решила она по ходу передвижения своего пешего маршрута в театральный кружок. На самом деле бинт пригодился в первый день премьерного спектакля. Им перебинтовали главного героя-барабанщика, после того, когда в него стрелял отец-уголовник и тяжело, по содержанию пьесы, ранил.

Режиссер сама била палкой по деревянному столу рядом со сценой, создавая эффект выстрела. Публика замирала от изумления. А Настя получила от главного актера, который играл самого барабанщика, приглашение прогуляться после спектакля хотя бы по направлению к его дому для более тесного знакомства. За то, чтобы свидание состоялось, отвечала старшая подруга – невысокая кокетливая шатенка с веселыми завитками и ямочками на щеках – Юля. Она посещала школу-студию несколько лет, знала все особенности каждого кружковца, традиции и кто, чем занимался, поэтому успела спросить в перерыв между действиями:

– Тебе нравится главный герой спектакля – Артем?

Сама Юля играла непосредственно одноклассницу главного героя, которая помогала ему выпутаться из сложной жизненной коллизии, перевязывая его после огнестрельного ранения.

– Нравится, – ответила Настя, от удивления чуть не присев на стул, стоящий рядом, но встречаться или заводить дружеские отношения с мало знакомым парнем – персонажем спектакля – совершенно не хотела. – Но мы с ним мало знакомы.

Однако под настойчивым взглядом Юли она спасовала.

– Я договорилась с Артемом. Проводишь его после спектакля, а когда он выйдет в фойе, поцелуешь в щеку, – услышала Настя.

– Хорошо, – разволновалась Настя от мысли о предстоящем свидании с ведущим актером, что постановила не уклоняться от его ухаживаний, как в дешевом французском водевиле, а пустить все на самотек, чтобы события развивались своим ходом.

Артем – любимчик всего состава молодежной труппы и худрука – оказался очень скромным юношей, прекрасно сложенный и правильно воспитанный. О его семье Настя ничего не знала, но полагала, что он жил с родителями. Он был начитанный и регулярно занимался спортом. Все замечали у него артистические способности, к чему он относился совершенно спокойно, не рекламируя свой природный талант, а бережно относясь к любому проявлению внимания к своей персоне. Такое яркое сочетание положительных качеств производило хорошее впечатление на взрослых, тем, кому нравилось посещать детские спектакли с участием

молодежного состава. Дирекция Дворца пионеров хорошо знала обо всех главных участниках постановок, выделяя средства на декорацию текущего спектакля и Новогодние пригласительные билеты. Настя ждала с нетерпением окончания спектакля. Она обдумала все досконально, пока Артем переодевался в свой каждодневный костюм. Когда барабанщик, наконец, появился, она с радостью поцеловала его в щеку, как было принято в актерской среде приветствовать друг друга после премьеры.

– Привет! Как настроение? – спросила она теряясь.

– Вполне хорошее. Ты меня ждала? – спросил он самоуверенно.

– Да, меня попросили проводить тебя, если ты не против, – призналась она радостно.

– Пойдем. Я здесь живу недалеко, – ответил он, понимая заботу девушки. – Тебе не составит большого труда эта прогулка.

Они миновали дежурного и двинулись в противоположную сторону от ее дома недалеко от центра. Сначала шли свободной походкой, а потом он галантно взял Настю за руку. Артем стал ей рассказывать об его плотном жизненном графике: посещении кроме театральной студии, спортивной секции, музыкальной школы по классу скрипки.

– Ты собираешься поступать в Театральное училище? – спросила Настя, когда они шествовали по тихой улице мимо старинных деревянных и из красного кирпича, одно-двухэтажных построек, наблюдая за происходящими изменениями весенней природы.

Было достаточно морозно. Большие черные комья снега на взрытой земле клумб, ледяные, подтаявшие наросты на асфальте, сосульки, свисающие с крыш низких домиков, стук воды по трубам, изморозь от дождя на ветках деревьев. Кое-где стали появляться ледяные корочки на лужах, а грязь, растекаясь на дорогу, создавала неудобства пешеходам и водителям, стремящимся объехать трудные участки дороги без окриков, объяснений, штрафов, неправильной парковки, извилистости, затянувшихся стоянок в неположенных местах.

– Нет. Пока не знаю, куда буду поступать... Хотел стать военным или летчиком. Отец у меня был летчиком. Но думаю, что в музыке у меня есть шанс продвинуться и сделать карьеру... Скоро предстоят экзамены по фортепиано и скрипке, – ответил он, понимая заинтересованность спутницы. – Надо много готовиться, поэтому редко хожу на занятия в студию. Собираюсь возможно уехать жить за границу. Нравится история... – объяснил он круг своих всесторонних увлечений и скромно замолчал.

Она удивилась таким словам и многозначительно посмотрела на него, он никак не отреагировал на ее взгляд.

– А ты? – вдруг с симпатией просил юноша у своей провожатой.

Настя никак не могла понять, зачем она по чьей-то рекомендации шла провожать до дома этого самовлюбленного Нарцисса, у которого кроме артистических данных ничего не было, поэтому ей лень было отвечать, но она все-таки сказала, набравшись терпения:

– Там видно будет... Надо сначала закончить школу.

«У Артема – долгосрочные планы, о которых пока никто не должен знать. Такая секретность, по-моему, присуща поверхностным знаниям. Но если брать во внимание его гуманитарную образованность в предметах и страстное желание внести вклад в сокровищницу музыкальной культуры, то карьера музыканта или композитора ему обеспечена в скором будущем во Франции», – привиделось Насте, пока она обходила чистые ледяные ручейки и лужи.

– Тебе нравится Наталья Иосифовна? – парень обрадовано задал общий для них обоих вопрос, чтобы найти какую-то точку соприкосновения во взглядах.

– Конечно. Но поступать в Театральное училище мне наверно не стоит, потому что я слишком редко участвую в спектаклях. Мои роли почти без слов, а в Новогоднем представлении у меня вообще не было шанса принять участие, так как там была занята вся балетная труппа, – ответила она сразу на два вопроса.

– Почему? – спросил он с удивлением и сарказмом.

– Пыталась в детстве поступать в балет, но оказалось, что пришла слишком поздно на запись, – она ответила небрежно.

– Будем дружить, – сказал он откровенно. – Мне понравилась твоя роль кошки... Смотрелось смешно... Ты талантливая.

Ей занятно было услышать его компетентное мнение.

– Спасибо за комплимент, – легкомысленно ответила Настя, понимая, что у него очень доброжелательный характер и перспектива стать великим музыкантом, завоевать признание капризной публики.

Она изумилась такой простоте в отношениях, но не возражала, так как парень был, без сомнения, хорош собой – среднего роста, очень симпатичный, с ямочками и румянцем на щеках, шатен. Он одет был в черную куртку нараспашку, темные джинсы, коричневую блестящую рубашку. Все было подобрано с большим вкусом и изяществом. Чувствовалось влияние родителей. Глядя на него, она вздохнула, одернула свою новую, тоже черную куртку с серой мохеровой подкладкой, привезенную братом из Болгарии, порадовалась, что они шли без головных уборов, выглядели вполне романтично и современно, чего она очень хотела.

– Твой брат играет на скрипке? – внезапно спросил он, притормаживая, так как она еле попевала за ним.

– Да, откуда ты знаешь? – переспросила она с удивлением.

– Он вел у нас практику в школе. Меня хвалили за исполнение итальянского каприччио под его руководством, – заявил он, чувствуя свое превосходство над людьми, кто не занимался регулярно музыкой.

– Приятно слышать, – сообразила она на ходу, что сказать.

– У нас с ним будет еще одно занятие. Я выучу трудную каденцию и блестяще сыграю, – расхваливал он себя на все лады.

«Как мило, что можно было вот так легко идти, разговаривая с приятным, замечательным во всех отношениях, собеседником», – подумала случайно она, перепрыгивая через очередную лужу, боясь обрызгать попутчика, перехватывая мальчишеский взгляд Артема. Он изредка отбрасывал свою челку назад, что придавало его лицу романтическое выражение, «как у царя Давида», по словам Натальи Иосифовны – требовательного и прозорливого педагога.

– Вот я здесь живу, – сказал он, показав на одноэтажный каменный домик из красного кирпича. – Видишь?

– Нормальный домик, почти как у нас, – согласилась она. – До свидания, – кинула она на прощанье, и они разбежались по домам.

На следующее занятие она, после спонтанного свидания с Артемом, поняв, что он больше не будет посещать студию, явилась на час раньше, как было сказано Натальей Иосифовной для студийцев первого года обучения, к кому ее сразу причислили, и для тех, кто не достиг еще десяти-одиннадцати летнего возраста. Дети собрались минут за десять раньше в уютной комнате, положив сумки рядом с собой, расселись, как настоящие взрослые актеры полукругом на стульях. Появилась всеми уважаемая худрук и сразу стала спрашивать, кто кем хочет стать в будущем:

– Поговорите сейчас о своей профессии, а я подойду позже, и мы начнем репетировать, – сказала она и вышла за дверь, чтобы дать волю свободной детской фантазии разыграться.

Каждый не знал даже как сформулировать свое желание.

– Давайте, как на обычных занятиях кружка, по очереди говорить, – предложила Настя, ощущая себя учительницей в классе.

– Кто первый хочет сказать? – дети стали спрашивать вслух.

– Я, – сказал добродушно полный мальчик – Дерганинов, сидящий с самого краю, который участвовал во всех спектаклях. – Наверно, буду шофером, как мой отец.

– А я поступлю в институт. Какие вузы есть, кто знает? – спросил его сосед, обращаясь ко всем девочкам, чтобы им польстит.

– Торговый, университет, политехнический, юридический, ПТУ, – дети стали перечислять, кто, что слышал за свою короткую жизнь.

– Это тоже пригодится, – сказали почти все хором, а остальные дружно закивали головами и повскакивали со своих мест.

– У них другие названия, – добавил кто-то.

– Я буду поступать в университет на филфак, хочу стать журналистом, как папа, или, скорее всего, буду учительницей английского языка, – рассказала всем Настя о своей мечте, чувствуя себя хозяйкой положения, что никто конкретно ничего не знает о сокращенных названиях вузов.

– Из тебя получится хорошая учительница, – поддержали ее все хором.

– Конечно лучше бы в МИМО – Московский институт Международных отношений, – пояснила она, – но туда принимают только ребят, так как дипломаты должны быть военными, – высказала она информацию, полученную дома от брата Петра, когда также недавно обсуждали всей семьей этот злободневный вопрос.

– Не переживай. Университет – гораздо ценнее, – сказали дети, сочувствуя Насте.

– А девушек в армию не берут... Но иногда они участвуют в войне, например, как моя мама была врачом, – добавила она с театральным апломбом.

– Вот я буду поступать в МИМО. Мне понравилось это название. Выучу английский язык в специальной школе, – сказал сосед Дерганинова – Потанин. – Мне мама уже предлагала дома перейти туда, – изрек он с апломбом. – Стану военным, буду всеми уважаемый.

Для Насти его высказывание показалось слишком смелым и потенциозным. Он не успел договорить, как появилась Наталья Иосифовна из коридора с новыми указаниями:

– Вот хорошо поговорили. Теперь рассаживайтесь у стеночки на банкетки. Отодвигайте стулья от себя. Надо ждать прихода детей. Потом начнем репетировать с ними новые реплики.

«А мы когда будем разучивать роли?» – с тревогой задумалась Настя, освоившись, втайне радуясь, что ей все-таки удалось высказаться. «Как в пьесе много шума их ничего», – решила она.

Подростки задвигали мебелью и быстрее, кто раньше займет место, расселись на две длинные театральные лавочки.

– Когда-нибудь посетите Италию, то увидите монументальную мраморную скульптуру Давида около галереи Уффици во Флоренции. Там вам будет, что посмотреть, кроме фонтанов и памятников... Наш Артем своим хитрым выражением лица мне очень его напоминает, – сказала Наталья Иосифовна, обращаясь ко всем присутствующим, когда младшая группа с нетерпением дождалась появления главного героя – барабанщика.

Настя никогда не видела скульптуру Давида, но надеялась, что это было не самое плохое сравнение, сделанное режиссером. Наконец все дети с облегчением услышали критику главного героя. Ехать в ближайшее время в далекую солнечную Италию Настя не собиралась, понимая несбыточность и иллюзорность надежд художественного руководителя молодежного театра-студии «Молодая гвардия», поэтому с грустью перевела свой взгляд с выразительной позы и лица режиссера на дверь, что несколько ослабило ее внутреннее напряжение.

– Какой галереи? – шепотом спросила она у рядом сидящей девушки, с кем у нее сразу сложились дружеские отношения, так как та ничего не могла сама изобрести, а повторяла за Настей все ее придуманные драматические сценки.

Услышать вразумительного ответа ей не пришлось. Она с ожесточением сжала губы, чуть ли не до крови.

– Обязательно съездим, Наталья Иосифовна, только деньги накопим, – кто-то из активных мальчишек крикнул из ряда.

– Нет, сколько можно вас призывать к дисциплине, – разгневалась она, ощущая кожей, что ее слова дошли до шаловливых подростков. – Пожалуйста, тихо.

Наступила гнетущая тишина. Подростки, сидя на банкетках, с негодованием молча осуждали всякое проявление тирании в их молодежной среде. Им было интересно слушать об Италии, восторги режиссера памятниками и фонтанами, полных невысказанных слез, горечи расставаний, обид, любовных терзаний, всяких тайных заговоров против деспотизма.

– Все молчим, – прозвучал ответ. – Но зачем было говорить о несбыточном. Все равно мы туда никогда не поедem. Давайте лучше репетировать, – ответил тот же авантюрный голос, как Насте казалось, старшего кружковца.

– Вот, ты, Потанин, отвечай за себя, а не за других. Вижу у тебя очень перспективное будущее в плане образования. Наверно премию собираешься нам выдать или стипендию? – спросила Наталья Иосифовна с жаром, глядя перед собой на своих студийцев.

– А что лучше: премия или стипендия? – переспросил плотный, черноволосый, среднего роста парень в модной коричневой шерстяной костюмной паре – брюках и пиджаке, сшитой по индивидуальному заказу специально для спектакля, о чем он периодически докладывал каждому студийцу.

Он с удовольствием участвовал во всех театральных постановках в главных ролях, чей отец был, по словам худрука, меценатом. Но режиссер в силу своего богатого опыта, хорошо разбиралась в психологии детей. Она могла безошибочно сыграть на их слабостях.

– И то, и то хорошо... Ну, так что наметил твой отец? Какому богу нам теперь молиться, можешь ты мне сказать, наконец? – спросила она с негодованием.

– Это я вам потом скажу, – ответил парень, разозлившись, привлекая взгляды всех кружковцев.

– Вот правильно, так надо всегда отвечать, чтобы держать в напряжении аудиторию, – объяснила худрук азы драматургии.

Все девочки на минуту расслабились, чувствуя, что скандал миновал. Но тут же разгорелся вновь.

– Вы что хотите меня на куски порезать? Что я вам обязан деньги платить? – выпалил Потанин громко, вскакивая с места. – Хватит меня колоть. Надоело здесь сидеть с ним рядом.

– Это он прикалывается, – тихо прошипел, сидящий рядом с ним сосед – полный коротышка со светлыми длинными волосами, занятый, как и Потанин, во всех постановках, дублируя его.

– Как это? – спросила Наталья Иосифовна с безразличным видом, мыслями витавшая где-то в далеком прошлом, когда она сама училась в Театральном училище, а потом участвовала в спектаклях. – У тебя отец – директор завода, кажется? – спросила она с нажимом, целеустремленно стараясь поддеть юношу.

Разговор о родителях насторожил детей всего лишь на одну минуту, но потом они опять расслабились.

– Ну, и что? – переспросил он, с уязвленным самолюбием. – Да он директор, но сидит. Что мне за него отвечать надо? У нас в детском доме родители всех детей сидят в тюрьме.

– Ты же сюда так просто ходишь, делать тебе нечего. Правильно я говорю? – спросила Наталья Иосифовна в противовес.

– Ну и что. Мне интересно участвовать в спектаклях. Нравится, когда вы мне главные роли даете, – хвалился парень, гораздо более развитый по своим физическим способностям, но младше других по возрасту. – А вообще-то у меня есть и другие увлечения.

– Из тебя артиста все равно не получится. Зачем время зря тратить? – задала свой любимый вопрос худрук, с которым она подходила к каждому кружковцу.

– Ну, это мое дело, – примиряя на себя новую роль, сказал он уже без обиды и заносчивости.

– Хорошо. Сидите, не болтайте по пустякам, – выпалила она с ходу, махнув рукой, словно руководила хором.

Все, сидящие по стеночке на низких театральных лавках, обитых пурпурным бархатом, человек пятнадцать подростков, не могли понять, что происходит: репетиция новой роли или конфликтная ситуация. Как на общей кухне в коммунальной квартире, способная перерасти во внезапную вспыхнувшую драку или даже кровавую месть в духе итальянской трагедии с поножовщиной, сражением на шпагах или стилетах. Но, судя по миролюбивым окрикам Натальи Иосифовны, чтобы никто не баловался, когда старшие разговаривают, Насте хотелось думать, что та сама не будет драться на кулаках с одним из своих питомцев, пусть не самым послушным и спокойным, а порывистым.

– Хватит шептаться за моей спиной, – попросила худрук, оглядываясь к детям, сидящих на банкетке, прямо у ее ног. – Никто не заставляет тебя отвечать за своих родителей, но ты все равно подумай над моими словами, хорошо? – очень миролюбиво спросила она своего оппонента.

– Да, подумаю, но он опять меня уколол чем-то, – снова громко завопил Потанин, обращаясь влево от себя.

– Дерганинов, ты опять принес нож. Сколько раз я тебе говорила не носить холодное оружие с собой к нам на занятие. Ты зачем его колешь? Вы же друзья, значит должны жить дружно, – увещевала Наталья Иосифовна, стараясь потушить конфликт, вызванный не ею, а неспособностью ужиться детей из-за чьей-то оплошности.

Дети, застигнув врасплох способность талантливого Дерганинова подчиняться, с одобрением молчали.

– Это ради вас, Наталья Иосифовна. Это я вас защищал, – стал оправдываться тот, к кому она обращалась, демонстрируя всем свой экспонат. – Всего лишь старый перочинный ножик.

– Давай сюда раз старый. Я тебя уже предупреждала однажды. Хватит меня обманывать и за нос водить, – сказала она, подойдя к двоим юношам, протягивая вперед свою жилистую руку.

– Хорошо. Отдам, но куплю новый перочинный ножик. Это вас, Наталья Иосифовна, устраивает? – спросил он настойчиво, отдавая ей свой старый экземпляр с черным эбонитовым верхом.

– Меня сегодня все устраивает. Вот отдам кому-нибудь из девочек, ты не будешь знать, – сказала она, хитро подмигнув Насте, и демонстративно передала ей прямо в руки. – Спрячь и никому не показывай. Не надо больше выступать, если хочешь быть учительницей. А ты, Потанин, сиди со своими международными отношениями. Я все слышала, когда стояла за дверью, а вы обсуждали профессии. Это я специально так сделала, чтобы вы освоились, вошли в роль. Прижились здесь, – раскритиковала своих питомцев режиссер.

Настя удивилась такому учительскому приему, способному зачеркнуть всякие представления о честности, и восхитилась, так как у нее разболелось горло после своего объяснения биографии своих родителей.

– А я не приду сюда никогда. Надоело слушаться и играть на сцене, – согласился нарушитель спокойствия – Дерганинов. – Все равно актера из меня не получится.

– Как хочешь. Можешь не приходить. Будем рады с тобой расстаться, – ответила ему в тон худрук, явно смущенная таким оборотом событий, когда требовались замены на все первые составы, но довольная, что использовала слова «премия и стипендия» без объяснений, чувствуя, что у каждого ребенка сложилось уже давно свое собственное мировоззрение на основе опыта родителей или педагогов.

– И я тоже не приду, – из солидарности поддержал его Потанин, демонстрируя свой новый коричневый костюм.

Настя кинула детскую игрушку себе в новую красную с белым сумку. Все моментально успокоились и присмирели.

– Сейчас сделаем перерыв, – провозгласила худрук.

Наконец ведущий артист – Артем явился без опозданий. Он сразу приступил к репетиции своей главной роли, выученной им наизусть, предшествовавшей всем новым постановкам. Теперь, когда Настя загодя слышала от него, что он собирался стать летчиком, как его отец, или музыкантом, поняла, о чем говорила Наталья Иосифовна. Главная хитрость «барабанщика» – Артема – заключалась в его менталитете. «Слишком завышенные требования он предъявляет к поклонникам своего таланта», – решила Настя. Дерганинов и Потанин больше не появлялись. Худрук пригласила двоих своих бывших выпускников – студентов театрального училища принять участие в спектаклях, оформив с ними трудовой договор. Но в некоторые дни из-за занятий, лекций и репетиций они не могли приходить, поэтому тоже договорились участвовать в постановках по очереди. Выучив свою роль, они по вечерам репетировали, сидя за круглым столом в гримерной. Парни Виктор и Вадим были серьезные, симпатичные, высокие, умели держать себя на сцене. Стипендия и небольшая «халтура» немного улучшили благосостояние будущих знаменитостей.

На другое занятие Настя забыла, что получила сувенир от режиссера, продолжая носить его в сумке. Таким образом, дома, вернувшись в очередной раз с обсуждения ролей и недостатков игры каждого, специально выложила перочинный ножичек, чтобы не потерять, пока переодевалась в костюм своей эпизодической роли девочки, встретившей по пути главного героя – барабанщика. Так иногда она думала от нечего делать, что актерский труд состоит из сплошных ожиданий своей главной роли, которая почему-то не появлялась, но сыграть которую мечтала каждая талантливая актриса. Но отношения у нее с Натальей Иосифовной оставались теплыми, как никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.